

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи



Гильминтинов Роман Радиевич

ИСТПРОФ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФСОЮЗНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
В СССР В 1920–е гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Шевцов Вячеслав Вениаминович

Томск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ ПРОФСОЮЗНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ.....	26
1.1 Профсоюзы в структуре советского общества и институционализация сети Истпрофов	26
1.2 Ленинградский Истпроф и Ученая комиссия по исследованию истории труда в России	39
1.3 Особенности организации сети Истпрофов	48
2 МЕТОДОЛОГИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ.....	60
2.1 Профсоюзное дисциплиностроительство.....	60
2.2 Научность истории профессионального движения и методы работы с фактами	67
2.3 Кабинеты профессионального и рабочего движения и другие способы публикации материалов	81
3 ТЕКСТ ПРОФСОЮЗНОЙ ИСТОРИИ: ПРАГМАТИКА, ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И СТРУКТУРА	90
3.1 Прагматика издания текстов и жанр исторических материалов.....	90
3.2 Исчерпаемость материалов по истории профессионального движения и жанры обобщающих нарративов.....	100
3.3 Литература факта и материалы Истпрофов: «Семен Проскаков» Николая Николаевича Асеева.....	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	117
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	121
ПРИЛОЖЕНИЕ А СПИСОК ИЗДАНИЙ, ВЫПУЩЕННЫХ ИСТПРОФАМИ В 1923–1930-х гг.....	140

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Академическая историография не имеет или никогда не имела монополии на историческое знание. Человечество начало интересоваться своим прошлым задолго до того, как история сложилась в качестве научной дисциплины. Историей занимались монахи и проповедники, знатоки-любители и придворные, путешественники и философы. Прошлое познавалось и фиксировалось в форме летописей, хроник, трактатов, сказаний и легенд, в которых события и фигуры реального прошлого были неотделимы от мифа¹. Развитие науки в XVIII-XIX вв. шло по пути постепенной специализации и привело к формированию дисциплин, пришедших на смену нововременному идеалу универсальной учености². Процесс институционализации исторической науки в XIX в. выражался в складывании системы специализированных кафедр и факультетов, формализации исторического образования, создании профессиональных ассоциаций и журналов, а также в формировании особой профессиональной этики объективности и строгости, выраженной в знаменитой максиме Леопольда фон Ранке, что задача истории – «показать, как все происходило на самом деле»³.

Сегодня история является одной из важнейших гуманитарных дисциплин, но ни в России, ни в других странах профессиональные историки не имеют монополии на знание о прошлом. Неакадемическое историческое знание

¹ Вот лишь несколько относительно свежих работ, посвященных исторической культуре преимущественно домодерных обществ: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. 494 с.; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.; История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. 763 с.

² Дастон Л. Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания // Науки о человеке: история дисциплин : сб. / под ред. А. Н. Дмитриева, И. М. Савельевой. М., 2015. С. 105–124.

³ Как вполне обоснованно утверждал Г. Иггерс, «на самом деле» – это не совсем точный перевод фразы Ранке «wie es eigentlich gewesen»; правильнее было бы это выражение перевести как «в своей сущности». А сущность истории для Л. Ранке – это божий промысел, который нужно раскрыть, используя научные методы и избегая предвзятости. Однако фраза Ранке именно в этом, позитивистском, ключе стала знаменитой и оказала большое влияние на профессионализацию исторической науки. См.: Iggers G. Introduction // von Ranke L. The theory and practice of history. New York, 1983, xix-xx. Цит. по: Novick P. That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge, 1988. P. 28.

принимает различные формы и часто подвергается жестокой критике со стороны исследователей-профессионалов. Так, концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона и «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума проблематизируют основания национальных идеологий, показывая, что их якобы глубокие исторические корни по большому счету сконструированы совсем недавно в политических целях⁴. Похожим образом, хотя и с других политических позиций, А.И. Миллер критикует историческую политику в посткоммунистических странах Восточной Европы⁵. Вдобавок к этому, и на Западе, и в России историки активно борются с проблемой засилья фолк-истории на книжном рынке⁶. Антинаучные концепции подобные «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского получают подчас большое распространение, и для профессионалов важно достойно отвечать на вызовы фальсификаторов истории.

Не отрицая необходимости борьбы против антинаучных концепций и злоупотребления историей в политических целях, нужно заметить, что в последнее время развивается новые, более продуктивные подходы к проблеме взаимодействия между профессиональной историографией и обыденным историческим сознанием, связанные с феноменом публичной истории. Публичная история – это собирательный термин, который описывает различные формы практической деятельности профессиональных историков за стенами университетов и научных институтов. Несмотря на большую разнородность этих деятельностей, для них всех центральной является установка на *диалог* с публичной сферой. Вместо просветительского пафоса, который предполагает однонаправленное движение знания от профессионалов к обывателям, публичные

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 413 с.; The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. O. Ranger, Cambridge ; New York, 1992. 320 p.

⁵ См.: Историческая политика в XXI веке : [сб. ст.] / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. 646 с.

⁶ Укажем лишь несколько крупных работ, вышедших в России и за рубежом: Мифы «новой хронологии» : материалы конф. на ист. фак-те МГУ им. М. В. Ломоносова 21 дек. 1999 г. / под ред. В. Л. Янина. М., 2001. 296 с.; Антифоменко. Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 3 (151). 335 с.; Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005. 320 с.; Shermer M., Grobman A. Denying History: Who Says the Holocaust Never Happened and Why Do They Say It? Berkeley, 2000. 312 p.; Barzun J. Clio and the Doctors: Psycho-History, Quanto-History, & History. Chicago, 1974. 173 p.; Fritze R. H. Invented Knowledge: False History, Fake Science and Pseudo-Religions. London, 2009. 304 p.

историки активно вступают во взаимодействие и готовы не только учить, но и учиться⁷.

Публичная история зародилась в конце 1970-х гг. в США и Германии. В России она получила развитие не так давно, но уже достаточно ярко заявила о себе. В Московской высшей школе социальных и экономических наук выпускает студентов магистерская программа по публичной истории, активно действует тематический портал (rublichistory.ru), проходят конференции и школы, выходят статьи. Самое главное, что в России активно развиваются различные проекты, в которых историки работают бок о бок с представителями гражданского общества⁸.

В этом контексте представляется актуальным изучение опыта раннесоветских исторических проектов, в особенности, Комиссий по изучению истории профессионального движения в России (Истпрофов). В занятиях этих комиссий центральную роль играли простые профсоюзные активисты, рабочие и служащие. Они делились своими воспоминаниями, работали в архивах, обрабатывали исторические материалы, готовили выставки и читали лекции. Изучение опыта Истпрофов может стать полезным для современных публичных историков в России, которые открыты к диалогу с гражданским обществом и готовы помогать ему обретать свое историческое сознание.

Степень изученности темы. Открывая краткий курс лекций в Зиновьевском университете в 1923 г., главный советский историк того времени Михаил Николаевич Покровский предостерегал своих слушателей от того, чтобы они даже в поисках простых фактов обращались к старым «домарксистским» историческим книгам, так как то, что там можно найти (даже подтвержденное ссылками на подлинные документы), «это вовсе не факты... это *идеология* (курсив автора. – *Р.Г.*), т. е. отражение фактов... Все идеологии состояются из

⁷ Публичная история: между академическим исследованием и практикой [Электронный ресурс] / А. Завадский [и др.] // Неприкосновенный запас. 2017. № 2 (112). Электрон. версия печат. публ. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/112_nz_2_2017/article/12529/ (дата обращения: 14.01.2019).

⁸ Эти проекты различны по направленности и масштабу. Пожалуй, наиболее ярким является «Прожито» – электронный архив дневников, в создании и поддержании которого участвует большой коллектив добровольцев. См.: Прожито [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., б. г.]. URL: <http://prozhito.org/about> (дата обращения: 14.01.2019).

кусочков действительности, совершенно фантастической идеологии не бывает, и между тем всякая идеология есть кривое зеркало, которое дает вовсе не подлинное изображение действительности...»⁹. М.Н. Покровский порывал с дореволюционными традициями историописания, отказываясь признавать ценность предшествующей ему науки из-за ее ангажированности. Однако в этом же пассаже есть другая важная идея: идеология не может рождаться из ничего, в ее основе всегда лежат «кусочки действительности». Настоящая история рождалась из сочетания достоверных фактов и правильной идеологии.

Такая агрессивная риторика в противопоставлении новой советской исторической науки и старой, «домарксистской», приводила к тому, что исследователи больше обращали внимание на идеологию большевиков, а не на использование ими фактов. Историописание 1920–1930-х гг. в историографии часто рассматривается как арена идеологического противостояния. Так, В.И. Клушин писал, что в начале 1920-х гг. Петрограде «на платформе антимарксизма и антисоветизма объединились университетские философы-идеалисты различных течений, представители буржуазной социологии, политической экономии, права, этики, видные историки старой школы, теоретики эсеровского и других мелкобуржуазных направлений. Единому фронту идеологической контрреволюции противостоял в те годы численно небольшой отряд советских ученых-марксистов, эрудиция, научный и педагогический опыт которых тогда еще не шли ни в какое сравнение с соответствующими качествами многочисленных идеалистических зубров старой школы»¹⁰.

Сфокусировавшись на наиболее раннем периоде развития советской историографии (1917–1923 гг.), Г.Д. Алексеева в своей книге «Октябрьская революция и историческая наука в России» (1968) также писала об «острейшей идейной борьбе» между «буржуазным» и «марксистским» лагерями в исторической науке¹¹. Она уделила внимание процессу складывания системы

⁹ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов : историографические очерки, критические статьи и заметки. М., 2012. Т. 2. С. 10.

¹⁰ Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 9.

¹¹ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. С. 7; См. также более позднюю работу Г. Д. Алексеевой, написанную в

советских исторических институтов в непростых условиях гражданской войны, проанализировала первые исторические работы, опубликованные в этот период, но в центре ее внимания оказалось именно противостояние между новой и старой историографиями. При этом она намного более подробно анализирует буржуазную историографию: если марксистские историки предстают единым фронтом в книге Г.Д. Алексеевой, то в изображении их антагонистов она значительно более внимательна к различиям и оттенкам. Она выделяла три течения буржуазной историографии: реакционное (А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский и др.), прогрессивное (С.Н. Валк, В.И. Пичета, А.Е. Пресняков, М.К. Лемке, П.Е. Щеголев, А.И. Заозерский, П.Г. Любомиров, В.Н. Щепкин и др.) и мелкобуржуазное, меньшевистско-эсеровское направление, представленное работами Н. Рожкова, Р. Иванова-Разумника, С. Маслова, Н. Суханова, Л. Мартова и др.¹²

Эта же линия развивается в работах других советских историков 1960–1980-х гг. В книге С.А. Федюкина раннесоветская историография рассматривается в более широком контексте. Он писал о том, каким образом советская власть пыталась привлечь на свою сторону инженерно-техническую, научную и военную интеллигенцию¹³. Также о привлечении на свою сторону буржуазных историков писал М.С. Волин: «Остро критикуя буржуазное мировоззрение старых историков, коммунисты бережно и тактично относились к тем ученым, кто включился в советскую жизнь»¹⁴. Л.В. Иванова описывала развитие системы исторического образования в СССР том же ключе. Недостаток кадров вынуждал привлекать для исторической работы порой неблагонадежных буржуазных специалистов, именно поэтому скорейшее воспитание нового поколения историков становилось первостепенной задачей партии в области исторической политики¹⁵.

соавторстве с Г.И. Желтовой: Алексеева Г. Д., Желтова Г. И. Становление и развитие советской системы научно-исследовательских учреждений (20–30-е гг.). Ташкент. 1977. 136 с.

¹² Там же. С. 204–205.

¹³ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. 255 с.

¹⁴ Волин М.С. Истпарт и советская историческая наука // Великий Октябрь : история, историография, источниковедение. М., 1978. С. 25.

¹⁵ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки : подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968. С. 4.

Важно отметить, что несмотря на очевидную разницу в оценках, западные исследователи в 1960–1980-е гг. разделяли многие подходы своих советских коллег. Они изучали то, как советская власть работала с прошлым в 1920-е гг., также писали о марксистской и не-марксистской историографиях, исследовали механизмы использования истории в качестве инструмента пропаганды и идеологии¹⁶. В обоих случаях партия становилась центром повествования о раннем советском историописании или в терминах «заботы» и «защиты», или же в качестве тирана, манипулирующего фактами ради своей политической выгоды. И советские, и американские историки фокусировались только на одной половине утверждения М.Н. Покровского.

Однако важнейшие исторические проекты 1920-х гг. были ориентированы в большей степени на аккумуляцию фактов. Одновременно с пересмотром старых трактовок известных событий на новых идеологических основаниях происходил сбор документов и воспоминаний о той истории, которая отсутствовала в дореволюционных учебниках – это история революционного движения. Эту историю нужно было не столько переопределить, сколько создать заново. Такие проекты как Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), Истпрофы (Комиссии по истории профессионального движения), Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков и другие ставили в качестве своих первоочередных задач сбор материалов для истории. Члены этих комиссий изучали архивы, собирали воспоминания и свидетельства, организовывали архивы и музеи. Таким образом, революционная история в 1920-е гг. создавалась на основе производства фактов и их идеологической интерпретации.

Еще одной важной особенностью этих исторических проектов является то, что они работали за пределами научной среды. Истпарт и Общество старых

¹⁶ Enteen G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35, № 1. P. 91–110; Idem. Writing Party History in the USSR: The Case of E. M. Iaroslavskii // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21, № 2. P. 321–344; White J. D. Early Soviet Historical Interpretations of the Russian Revolution 1918–24 // *Europe-Asia Studies*. 1985. Vol. 37, № 3. P. 330–352; Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920–1938) // *Slavic Review*. 1966. Vol. 25, № 4. P. 563–603; Holmes L. E., Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo? Soviet Party History in the 1920s // *Russian History*. 1982. Vol. 9, № 1. P. 378–398.

большевиков были включены в структуру партии, Истпрофы работали при профсоюзных организациях. В постановке своих задач и в методах работы партийные и профсоюзные историки были тесно связаны с институтами, для которых они писали историю. Настоящая работа основана на материалах Истпрофов, чтобы показать, каким образом включенность этих комиссий в сложную структуру советских профсоюзов повлияла на содержание создававшейся ими истории.

Такого рода неакадемические исторические проекты уже на протяжении нескольких десятков лет продуктивно изучаются в междисциплинарном поле исследований памяти. Хотя исследователи исторической памяти показали механизмы конструирования прошлого государством в широком контексте и позволили отказаться от идеи об уникальности марксистской идеологической борьбы за историю¹⁷, современные работы по этой проблеме фокусируются на прагматике использования прошлого в раннем Советском Союзе, что приводит к изображению этого процесса однонаправленным и полностью заданным сверху. Причем власть определяется как единый актер без особых различий между разными ее уровнями и институтами.

Вписывание конструирования прошлого в СССР в широкий контекст практик памяти знаменует собой частичную нормализацию Советской истории, потому что новогодние обращения короля в Великобритании представляются такой же «изобретенной» традицией, как и первомайские демонстрации, а французская нация кажется сообществом ничуть не менее «воображаемым», чем советский народ. К. Петроне даже показывает в своей книге «Великая война в русской памяти», что вытеснение Первой мировой войны из мейнстрима советского исторического нарратива сделало память о ней в СССР «намного более фрагментированной и более открытой (open-ended), чем европейские мифы о Первой мировой войне»¹⁸. Конечно, мы должны очень внимательно следить за рамками нормализации советского историописания, чтобы из картины не выпали

¹⁷ Как, например, ее рассматривает Дж. Хоскинг, противопоставляя «настоящую память» и ее «мифологические заменители» в тоталитарном обществе. См.: Hosking G. A. *Memory in a totalitarian society: the case of the Soviet Union // Memory: History, Culture and the Mind.* / ed. by T. Butler. Oxford ; New York, 1989. P. 118.

¹⁸ Petrone K. *The Great War in Russian Memory.* Bloomington, 2011. P. 7.

прямые репрессии против интеллектуалов и стремление власти ко всеохватному контролю, имевшие место с самых первых лет советской власти. Однако сам этот новый ракурс, ставящий СССР в один ряд с другими странами, дал очень конструктивный остраляющий эффект.

Исследуя конструирование прошлого, историки предполагают (часто априорно) некоторую прагматику власти. Они пишут о возможностях этого инструмента для создания общностей и обращают отдельное внимание на то, как с помощью прошлого конструируются нации. В случае с советской историей, этот сюжет связан с изучением «великого отступления» И.В. Сталина от революционных идеалов классовости и интернационализма в 1930-х гг.¹⁹. Д. Бранденбергер пишет о том, что у сталинского «руссоцентризма» была совершенно определенная прагматика – мобилизация населения: «Прагматичное, если не сказать совершенно циничное, использование сталинской партийной верхушкой русских национальных героев, мифов и системы образов для популяризации господствующего марксистско-ленинского курса явилось сигналом символического отказа от прежней революционной традиции в пользу стратегии, рассчитанной на мобилизацию массовой поддержки непопулярного режима любыми средствами»²⁰.

Историографии по исторической памяти в 1920-е гг. ближе другая проблематика – она изучает то, каким образом обращение к прошлому помогало новой власти доказывать свою легитимность. В книге Фредерика Корни «Рассказывая Октябрь: память и создание большевистской революции» рассматриваются «истории основания» (foundation tales) Советского государства. Корни изучает, с одной стороны, то, как личный опыт отдельных людей

¹⁹ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М., 2009. 415 с.; См. также: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти М., 2007. 589 с.; Платт К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е гг. [Электронный ресурс] // НЛО. 2008. № 90. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/pl7.html> (дата обращения: 22.05.2018); Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / ed. by K. M. F. Platt and D. Brandenberger. Madison, 2006; Platt K. M. F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under I. V. Stalin // The Russian Review. 1999. Vol. 58, № 4. P. 635–654.

²⁰ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм... С. 5.

формировал истории основания, а с другой, как процесс артикуляции личного опыта вписывал его в категории историй основания. Большевики не могли просто «выдумать» свою историю, они стремились укоренить ее в опыте людей, чтобы доказать легитимность своей власти. «Как и все нарративы основания, история Октября была процессом легитимации»²¹, – пишет Корни.

Представляется, что историография по исторической памяти в СССР, фокусируясь на прагматике использования прошлого (будь то легитимация или мобилизация), подчас упускает из виду рамки, ограничивавшие работу власти с историей. Можно согласиться с С. Екельчиком, который писал, что «нации всегда воображаются с помощью конкретных социальных и культурных практик данных сообществ. Государство и интеллектуалы никогда не свободны изобретать или манипулировать национальными традициями и воспоминаниями»²². Процесс производства прошлого всегда происходит в жестких рамках, и, задавая вместо вопроса «зачем нужна такая история?» вопрос «почему создается такая история?», мы лучше видим социальные и интеллектуальные контексты процесса. В случае Советского Союза ответ на этот вопрос необходимо искать в особой научности нового режима.

Одним из важнейших оснований исследований памяти является противопоставление памяти (обыденное знание) и истории (научное знание). Согласно хрестоматийному выражению П. Нора «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память помещает воспоминание в сакральное

²¹ Corney F. C. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, 2004. P. 9. Также об историописании в качестве способа легитимации: Hartzok J. G. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941* : Ph.D. dis. Univ. of Iowa, 2009; Kolar K. A. *What Kind of Past Should the Future Have? The Development of the Soviet Archival System, 1917–1931* : Ph.D. dis. UCLA, 2012; Von Geldern J. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, 1993. 316 p.; Нарский И. Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 211–236. Евгений Добренко, работая с историческим кино 1930–1950-х гг., пишет о том, что оно тоже обосновывало, но уже не революцию (ее легитимность, по его словам, лежит в будущем), а сталинскую культуру. Dobrenko E. *Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution*. New Haven, 2008. P. 6.

²² Yekelchik S. *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto, 2004. P. 7.

пространство, история его отсюда изгоняет, делая прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает... Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием»²³. В рамках этой парадигмы социальные ученые изучают то, как прошлое понимается за пределами профессиональной корпорации историков, как оно используется властью и отдельными группами общества. А. Ассман, однако, справедливо указывает на то, что такое противопоставление носит исторических характер и возникает вместе с институционализацией истории в качестве академической дисциплины в XIX веке²⁴. До этого никакая группа не могла претендовать на исключительность своего взгляда на прошлое.

Говоря о советском опыте, мы можем проблематизировать противопоставление научного и ненаучного знания о прошлом с двух точек зрения. С одной стороны, начиная со второй половины XIX века, социальные и естественные науки становятся все более прикладными, а ученые начинают оценивать свою деятельность не только с точки зрения ее истинности, но и ее пользы для общества. С другой стороны, большевики не считали, что ученые имеют монополию на научный взгляд на мир. Они рассматривали саму свою идеологию как особый тип социализма – научный, – что позволяло им делать суждения в областях, в которых они не имели специальной подготовки.

П. Холквист пишет, что в это время в России, как и во всей остальной Европе, развивается идея о возможности управления населением (*population management*) и появляются социальные науки, обеспечивающие воплощение этой идеи в жизнь: статистика, экономика, антропология, криминология и другие. Социальные процессы могут быть измерены и исследованы учеными, и это «вселяло во власти уверенность, что они могут охватить эти процессы и управлять ими»²⁵. Как показывает П. Холквист, имперские чиновники после

²³ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 19. Патрик Хаттон противопоставляет память и историю на основании несколько иных критериев, но не менее однозначно. См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 20.

²⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 26.

²⁵ Holquist P. To count, to extract, and to exterminate: population statistics and population politics in late imperial and soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-making in the Age

революции смогли достаточно легко адаптироваться и продолжали работать при большевиках именно благодаря тому, что разделяли с ними технократический этос. Подобную тенденцию мы можем наблюдать в естественных и точных науках. Это отразилось в складывании новой структуры научных институтов, отделенных от преподавания, но находившихся в близком контакте с задачами обороны, промышленности и сельского хозяйства. «Большая» советская наука создавалась не в университетах, а в разветвленной сети НИИ, формирование которой начиналась в 1920-е гг. Такого рода наука была далека от благородных идеалов свободного исследования, потому что не формулировала сама своих задач, а ее эффективность была важнее истинности. Как пишет Алексей Кожевников, хотя под властью большевиков ученые потеряли большую часть своей автономии и независимости, они приобрели больше социального престижа и де-факто имели влияние на принятие важных политических решений²⁶. В этом отношении примечательна деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России, организованной в ходе Первой мировой войны, когда выяснилось, что в Российской империи не было точных данных о стратегическом сырье, необходимом для производства современных вооружений. После революции деятельность комиссии не только не прекратилась, но и существенно расширилась²⁷.

Историки в это время тоже стремились к тому, чтобы сделать свою дисциплину полезной для общества. Особенно это было заметно в исканиях

of Lenin and Stalin / ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 113; Idem. In Accord with State Interests and the People's Wishes: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010 Vol. 69, is. 1. P. 151–179. О социальных науках в качестве инструмента управления населением см. также: Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, 2008. 229 p.; Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia*. Ithaca, 1994. 461 p.; Tolz V. *Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, 2011. 203 p.

²⁶ Кожевников А. The Phenomenon of Soviet Science // *Osiris*. 2008. № 23.1. P. 122. См. также: Idem. The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science // *Science in Context*. 2002. № 15.02. P. 239–275; Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 3. С. 3–24; Graham L. R. The formation of Soviet research institutes: a combination of revolutionary innovation and international borrowing // *Social Studies of Science*. 1975. № 5.3. P. 303–329.

²⁷ Кольцов А.В. *Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России, 1915–1930 гг.* СПб., 1999. 181 с.

молодого Е.В. Тарле, который в 1902–1903 гг. опубликовал серию статей о возможной предсказательной силе истории и пришел к выводу, что ей может обладать активно развивавшаяся тогда экономическая история. Именно в этой области «люди практической деятельности» ждут от «людей знания» «света, который озарил бы не только темные, глухие дебри прошлого, но хоть отчасти бросил бы отблеск и на еще более темное будущее»²⁸. Развивая этот интерес, Е.В. Тарле уже в 1920-е гг. активно участвовал в работе Ученой комиссии по исследованию истории труда при Петроградском совете профсоюзов, которая предполагала дать советскому профсоюзному движению «руководящие нити для будущего»²⁹.

С другой стороны, развитие прикладных исследований в СССР происходило на фоне постоянного вмешательства большевиков в научную жизнь. Не имея специальной подготовки, партийное руководство в течение 1920–1950-х гг. делало суждения в самых разных научных областях, поддерживая одни и репрессировав другие школы, направления и даже целые дисциплины. Это было возможно благодаря тому, что сама идеология большевиков имела важную особенность: марксизм позиционировал себя как особое, научное, учение. Ф. Энгельс писал о предшественниках К. Маркса французских социалистах-утопистах, что они только критиковали положение вещей, но не были способны его объяснить. Научный социализм же опирается на объективные научные факты, он является идеологией, поставленной на «реальную почву»³⁰. Радикальные российские марксисты обосновывали свою политику не поддержкой населения (оно как раз могло заблуждаться в своих мнениях), а знанием объективных законов развития общества.

Будучи носителями научного миропонимания, большевики считали себя способными не только критиковать отдельные положения ученых, но и

²⁸ Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории (1903) // Тарле Е. В. Сочинения : в 12 т. М., 1957. Т. 1. С. 304. См. также: Его же. К вопросу о границах исторического предвидения // Русское богатство. 1902. № 5. С. 46–57; Его же. Из истории обществоведения в России // Литературное дело : сб. СПб., 1902. С. 34.

²⁹ Тарле Е.В. История труда и его значение. // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 8.

³⁰ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1922. С. 9.

самостоятельно создавать научный продукт. В 1920-е гг., когда они были еще неспособны установить контроль над наукой полностью, но им уже требовалась иметь свою историю, большевики организовали целую систему исторических комиссий особого типа – инкорпорированных в рамки партийных, профсоюзных и советских структур, но при этом сохранявших в своей деятельности определенный горизонт научности. Важнейшим таким центром был Истпарт, созданный в 1920 г. при Госиздате РСФСР, а в 1921 г. ставший отделом ЦК партии. По образцу Истпарта в 1920 г. при ВЦСПС была создана Комиссия по истории профсоюзного движения (Истпроф), образовавшая разветвленную сеть исторических комиссий при Центральном комитете отраслевых профсоюзов, а также при местных советах профсоюзов. Подобным же образом был встроены в структуру Российского коммунистического союза молодежи Истмол — Комиссия по истории комсомольского движения. Помимо институтов существовали также разного рода комиссии и при менее крупных организациях, например, Ученая комиссия по исследованию истории труда в России при Петроградском совете профсоюзов, Комиссия по систематизации и разработке материалов, касающихся истории революционного движения на Балтийском флоте и другие. Именно в институтах такого типа писалась история нового государства, обосновывалась его легитимность и права на власть. В них партийные и профсоюзные работники, государственные служащие, как правило, без специального исторического образования собирали материалы по истории своих институтов, обрабатывали их, публиковали, составляли библиографии, писали статьи и монографии. Члены этих комиссий так много сил и времени тратили на обсуждение методологии, что мы просто не можем сбросить их научность со счетов – даже несмотря на наивность и даже некоторый утопизм своих теоретических установок члены Истпарта и Истпрофов явно относились к ним со всей серьезностью.

Выбор Истпрофов в качестве объектов для исследования объясняется тем, что почти полное отсутствие исследований о профсоюзном историописании выглядит по меньшей мере несправедливым, хотя и естественным. Работа Истпрофов обсуждается лишь в нескольких статьях отечественных исследователей советского и постсоветского периода. Так, Т. Иллерецкая критиковала Истпрофы

за их сопротивление передаче документов профсоюзов в общегосударственный архивный фонд³¹. З.М. Андросенкова кратко обрисовала историю формирования и основные вехи организационной истории Истпрофов в своей статье, посвященной изучению истории рабочего движения в 1920–1930-е гг. Она также отмечала, что несмотря на большую значимость собранного Истпрофами материала, комиссии не оставили после себя обобщающих работ. Все их издания оставались «простой летописью событий, где отсутствовал анализ событий, затушевывалась, а порой и игнорировалась роль партии»³². Т.А. Игнатенко в своих статьях писала о наследии Истпрофов намного более благосклонно. Она также указывала на то, что материалы по истории профдвижения оказались «засорены» меньшевистскими оценками. Несмотря на это, Т.А. Игнатенко отмечала, что Истпрофы в своей работе шли дальше простого сообщения фактов и ставили острые теоретические вопросы, такие как проблема происхождения профессионального движения в России, а также обращали большое внимание на политическую борьбу внутри профсоюзов³³. На ценность материалов, собранных, подготовленных и опубликованных Истпрофами также указывалось в некоторых советских источниковедческих работах³⁴.

В постсоветский период литература об Истпрофах обогатилась несколькими статьями и диссертациями, посвященным местным комиссиям, а также отдельным направлениям их работы. С.А. Чупрынников указывал на важную роль Истпрофов в советском культурном строительстве в Северо-Кавказском

³¹ Иллерицкая Т. Создание и деятельность Центрального архива профдвижения и организации труда // Архивное дело. 1938. № 3. С. 70–71.

³² Андросенкова З.М. Организация изучения истории рабочего движения в России в первый период развития исторической науки (до середины 30-х годов) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, Серия истории, языка и литературы. 1966. № 14. С. 17.

³³ Игнатенко Т.А. Истпрофы и их роль в советской историографии // Исторические записки. М., 1979. Т. 104. С. 249. См. также: Игнатенко Т. А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального рабочего движения в революции 1905–1907 гг. (20-е – начало 30-х гг.) // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. 317 с.

³⁴ Кирьянов Ю.И., Шалагинова Л.М. Материалы фондов Комиссий истпрофов как источник по истории рабочего класса в России // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 54–77. Многие документы истпрофов были использованы в работах А.М. Панкратовой и других историков. См.: Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг. Л., 1927. 146 с.; Пролетариат в революции 1905–1907 гг. : [сб. ст.] : к 25-летию революции 1905 г. М. ; Л., 1930. 490 с.

регионе³⁵. А.И. Шумилов в своих статьях о тех организационных трудностях, с которыми столкнулись в своей работе сибирские Истпрофы. Он отмечал, что они действовали крайне непостоянно, отсутствовала четкая структура, чувствовался недостаток подготовленных кадров. Из-за скудного финансирования в сибирских Истпрофах почти не было штатных сотрудников³⁶. А.В. Филимонов писал о похожих проблемах в псковском Истпрофе³⁷. А.Д. Протасов в своих статьях подробно проанализировал единственный сборник материалов, выпущенный Комиссией по истории социального страхования (Истсоцстрах), работавшей в качестве подсекции Истпрофа при ВЦСПС³⁸.

В отечественной историографии проделана большая работа по изучению организационного строительства Истпрофов. Намного меньше внимания было уделено интеллектуальной истории этого института. Исследователи почти не обращали внимания на методологию и подходы, которые применяли в своей работе профсоюзные историки в 1920-е гг.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является профсоюзное историописание в 1920-е гг. в СССР, а предметом – та специфическая форма научности, которую приняло это историописание. В советской иерархии институтов именно партии принадлежала ведущая роль, тогда как профсоюзы после продолжительной борьбы и дискуссий 1917–1921 гг. получили статус «школы коммунизма». Однако несмотря на то, что профсоюзное историописание никогда напрямую не шло наперекор партийной линии, оно все-таки не являлось простым повторением ее нарратива ни в содержательном, ни в методологическом плане. В этой работе предпринимается попытка показать,

³⁵ Чупрынников С.А. Профсоюзы Кубани в культурной жизни, 1920–1932 гг. Краснодар, 2001. 221 с.

³⁶ Шумилов А.И. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905–1920 гг. // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 23. См. также: Его же. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2008. № 3. С. 46–50.

³⁷ Филимонов А.В. Псковский Истпроф // Псков. 2015. № 43. С. 5–11.

³⁸ Протасов А.Д. Судьба и материалы первого сборника Истсоцстраха 1928 г. [Электронный ресурс] // Ученые записки : электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. 2015. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-i-materialy-pervogo-sbornika-istsotsstraha-1928-g> (дата обращения: 21.05.2019); Его же. Опыт периодизации отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти (конец 1917 – середина 1941 гг.) // Вестник КемГУ. 2016. № 2 (66). С. 50–56.

каким образом та форма научности, которой следовал Истпроф, была связана с положением профсоюзов в советском обществе. Это позволит нам уйти от понимания советского революционного нарратива как безличной и всеобщей матрицы и увидеть его сложность и многоуровневость.

Территориальные рамки. Истпроф представлял собой целый конгломерат исторических комиссий, которые работали при ВЦСПС и губернских советах профсоюзов, при центральных комитетах отдельных союзов и их губернских отделах. Охватить в рамках одного диссертационного исследования весь этот материал невозможно, поэтому автором было принято решение сфокусировать внимание на центральной комиссии – Истпрофе при ВЦСПС, а также на материалах Ленинграда. Случай Ленинграда представляет собой удачный пример, чтобы показать наличие разных моделей, по которым исторические институты могли быть включены в рамки ведомств, потому что здесь в рамках профсоюзов существовали сразу две такого рода организации: Истпроф (в 1924–1930 гг.) и Комиссия по исследованию истории труда в России (в 1921–1925 гг.). Несмотря на институциональную близость – обе комиссии подчинялись культотделу Ленинградского совета профсоюзов – они были очень по-разному вписаны в структуру организации.

Хронологические рамки исследования представлены десятилетием между 1920 и 1930 г. В 1920 г., почти сразу после Истпарта, был учрежден Истпроф при ВЦСПС. Комиссии при других профессиональных организациях были учреждены несколько позже. В Ленинграде, например, Истпроф начал работать только в 1924 г. Весной 1930 г. после разгрома «правой оппозиции» и смены руководства профсоюзов Истпрофы были ликвидированы. Изучение истории профдвижения сосредоточилось в небольшой подсекции Института истории Коммунистической академии.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является определение особенностей научности раннесоветского профсоюзного историописания. Достижение данной цели подразумевает решение следующих задач:

1. Проанализировать институциональный контекст работы Истпрофов. Истпрофы были глубоко «вплетены» в структуру профсоюзов. На профсоюзное историописание оказывало влияние то место, которое профсоюзы занимали в иерархии советских институтов, наложение производственной и территориальной логик организации профсоюзной системы, высокий уровень независимости профорганизаций разных уровней друг от друга, а также взаимодействие с партией и Центрархивом.

2. Изучить теоретические основания исторических исследований, которые вели Истпрофы, методы работы с материалами, их публикации и анализа. Одним из проектов Истпрофов была попытка обосновать учение о профессиональном движении в качестве самостоятельной дисциплины.

3. Выявить особенности текстов Истпрофов, главной чертой которых являлось то, что они не образуют цельного нарратива профессионального движения, а распадаются на отдельные сюжеты. Эта «разорванность» полотна истории профессионального движения связана, с одной стороны, с ориентированной на накопление фактов методологией Истпрофов, а с другой стороны, с инкорпорированностью этих комиссий в структуры во многом независимых друг от друга профорганизаций.

Методология исследования. Для описания методологической основы данной диссертации необходимо обратиться к предложенному М.М. Кромом разделению методов и подходов в историческом исследовании. Методы представляют собой безличные, идеологически нейтральные, воспроизводимые исследовательские процедуры, необходимые для сбора и обработки исторических источников. Подходы же, напротив, обыкновенно связаны с конкретным автором или школой исторической мысли, они менее долговечны и не столько вооружают историков исследовательским инструментарием, сколько задают общую перспективу работы³⁹.

Подходы данного исследования тесно связаны с работами историков школы модерности. Развитие этого направления было своего рода ответом на схематизм теорий модернизации, получивших большое распространение в западной науке

³⁹ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 127–128.

середины XX века. Модернизация рассматривалась экономистами, политологами и историками как совокупность однонаправленных и поддающихся измерению процессов индустриализации, урбанизации, секуляризации, роста уровня образования. В рамках этой модели все страны располагались как бы на одной линии развития и делились на передовые и отстающие⁴⁰. Понятие модернизации было тесно связано с идеей прогресса и всегда принимало положительную окраску. Историки школы модерности, в свою очередь, смещают акцент с количественных характеристик на качественные. Их исследования разворачиваются на фоне дискуссий о конце современности и переходе в некоторую иную эпоху – постмодернизм. С этой позиции модерность кажется уже не безусловным идеалом, к которому стремятся все общества, а лишь одной из исторических эпох.

Представители школы модерности в исследованиях современной Российской истории исходят из того, что советский проект был определенным образом связан с европейской современной историей, уходящей своими корнями в эпоху Просвещения. Природа этой связи является предметом дискуссий среди представителей школы модерности⁴¹. Несмотря на это представляется убедительным аргумент о том, что рационализация и секуляризация, вера в безграничную силу науки и человеческого разума, современные методы управления населением были чертами общими как для западных демократий, так и для советского проекта⁴².

⁴⁰ См., напр.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.

⁴¹ См.: David-Fox M. Multiple modernities vs. neo-traditionalism: On recent debates in Russian and Soviet history // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. S. 535–555; Krylova A. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament // *Contemporary European History*. 2014. Vol. 23, is. 2. P. 167–192; Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? [Электронный ресурс] // *НЛО*. 2016. Т. 4. № 140. Электрон. версия печат. публ. <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna.html> (дата обращения: 14.01.2019).

⁴² Укажем лишь наиболее значимые работы представителей школы модерности: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. 639 p.; *Russian Modernity: Politics, Knowledge and Practices* / ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Houndsmills ; New York, 2000. 279 p.; David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford, 2011. 396 p.; Idem. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015. 286 p.; Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, 2014. 327 p.; Holquist P.

Подходы школы модерности представляются удачной линзой для анализа раннесоветского официального историописания. Они позволяют уйти от упрощенного противопоставления настоящей науки и ее фальсификаций, а также увидеть, каким образом научность самого советского проекта повлияла на структуру его исторической идеологии.

Переходя от подходов к методам, нужно отметить, что в основе данной диссертации лежат общенаучные методы анализа и синтеза, а также принцип объективности в работе с историческими источниками. Автором были также использованы сравнительный и типологический методы для исследования работы отдельных исторических комиссий и понимания общей картины профсоюзного историописания. Кроме того, системный подход позволил рассматривать Истпрофы в широком контексте политической и интеллектуальной истории Советского Союза 1920-х гг.

Научная новизна исследования. Значимость данного диссертационного исследования заключается в том, что оно впервые анализирует принципы организации всей сети Истпрофов, а также методологические установки работников центральных комиссий, которые по-разному преломлялись в деятельности отдельных комиссий на местах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность Истпрофов была выражением тенденции к инкорпорации науки в раннем Советском Союзе. Профессионализация дисциплин подразумевала создание корпораций специалистов, работающих в специализированных научных институтах. Истпрофы были, напротив, инкорпорированы в неакадемическую структуру профсоюзов. Костяк комиссий составляли сами же профсоюзные работники, а производство исторического знания тесно переплеталось с практическими задачами профсоюзов.

2. В отличие от Истпартовской историографии, развивавшейся в централизованной структуре партии, Истпрофы работали в гетерогенной институциональной среде. Наложение территориального и производственного

принципов организации советских профсоюзов оказало большое влияние на работу Истпрофов и создавало напряжение между историями отдельных профсоюзных организаций.

3. Ключевой методологической установкой, которой Истпрофы руководствовались в своей работе, был «радикальный индуктивизм». Написание научной истории, то есть истории, не только описывающей события, но и объясняющей их, возможно только после долгого периода накопления и проверки простых фактов. Этот подход определил основное направление работы Истпрофов – они собирали материалы для будущего историка, не стремясь давать фактам объяснений.

4. Работа Истпрофов позволяет поставить под вопрос основополагающее для исследований исторической памяти разделение научного и обывательского знания о прошлом. Хотя работники Истпрофов не были профессиональными историками и работали за пределами академических институтов, их деятельность имела определенный горизонт научности.

Источниковая база исследования. Ключевой группой источников данного диссертационного исследования являются делопроизводственные документы. С одной стороны, эта группа включает в себя опубликованные материалы, относящиеся к истории профсоюзов и партии большевиков в первой трети XX в. Эти материалы представляют собой опубликованные материалы партийных и союзных съездов и конференций, протоколы и стенографические отчеты, а также резолюции. Данные источники позволяют реконструировать широкий политический контекст, в котором разворачивалась деятельность Истпрофов. С другой стороны, автором были изучены делопроизводственные документы центрального Истпрофа при ВЦСПС в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также одной из ключевых региональных комиссий – Истпрофа при Ленинградском губернском совете профессиональных союзов (ЛГСПС) в Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Документы центрального Истпрофа выделены в ГАРФе в отдельный фонд (Ф. 6935. Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном Центральном Совете профессиональных союзов и центральных

комитетах профессиональных союзов) и представлены большим разнообразием жанров. Они включают в себя положения и циркуляры, протоколы заседаний комиссий, докладные записки отдельных работников Истпрофа, описи собранных и обработанных материалов, инструкции для комиссий на местах, а также переписку с профсоюзными и другими организациями. Документы Ленинградского Истпрофа, в свою очередь, не выделены в отдельный фонд и хранятся в ЦГА СПб вместе с другими материалами ЛГСПС (фонд Р-6276. Ленинградский областной совет профессиональных союзов). Обследование этого обширного фонда позволило установить, что еще до образования Истпрофа в 1924 г. при ЛГСПС работала другая историческая комиссия – Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, в которую входили такие известные исследователи как С.Ф. Платонов, Ю.И. Гессен, И.М. Кулишер и А.Е. Пресняков.

Следующей важнейшей группой источников, на которые опирается данное диссертационное исследование, являются издания Истпрофа при ВЦСПС, Истпрофов при центральных комитетах отдельных союзов, а также при губернских советах профсоюзов. Важной особенностью этой группы является ее комплексный характер. Публикуя материалы по истории профессионального движения, Истпрофы включали в них как воспоминания, так и делопроизводственные документы профсоюзов и царской охранки. Работники Истпрофов стремились подавать публикуемые ими материалы с научной непредвзятостью, но при этом очевидно придерживались классового подхода в своем анализе. Таким образом, взятые в целом издания Истпрофов сочетают в себе признаки источников личного происхождения, пропаганды и публицистики, а также научных трудов. Полный список этих книг и брошюр, выпущенных Истпрофами, приведен в Приложении А.

Также важную роль для данного исследования играет периодическая печать. Необходимо отметить, что в отличие от Истпарта, который выпускал сразу два крупных журнала («Пролетарская революция» в Москве и «Красная летопись» в Ленинграде), периодическая печать Истпрофов была крайне ограниченной. Истпроф при ВЦСПС выпускал продолжающееся издание «Материалы по истории профессионального движения в России», всего вышло

пять томов в 1924–1927 гг. Истпроф при Центральном комитете Союза железнодорожников выпустил четыре номера «Информационного бюллетеня Истпрофтрана», в котором публиковались циркулярные письма для подкомиссий на местах, отчеты, планы и распоряжения. Несмотря на ограниченность периодической печати Истпрофов, обращение к журналам «Архив истории труда в России», «Красная летопись», «Вестник Социалистической академии», «Архивное дело» и др. позволили автору реконструировать интеллектуальный контекст, в котором проходила работа профсоюзных исторических комиссий.

Также автором были привлечены отдельные публицистические и законодательные источники, справочные материалы. Последний параграф третьей главы посвящен анализу единственного, но крайне важного литературного памятника – поэмы Н.Н. Асеева «Семен Проскаков» (1928), в основу которой автор положил материалы, собранные сибирским Истпрофом.

Научно-практическая значимость данной работы заключается в том, что представленный в ней исторический материал, а также теоретические обобщения позволяют дополнить знания по истории исторической политики советской власти в 1920-е гг. Полученные выводы могут быть полезны в работе историков, связанной с взаимодействием с общественностью. Работа может быть значима для преподавателей и музейных работников, исторических консультантов, общественных деятелей. Также материалы диссертации могут быть использованы для разработки учебных курсов по истории Советского Союза, спецкурсов по историографии.

Достоверность результатов данного диссертационного исследования, определяется широтой и разнообразием привлеченных автором источников, которые включают в себя нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, периодическую печать, источники личного происхождения, а также научную литературу. Данная работа строится как на общенаучных, так и специально-исторических методах исследования, методике системно-структурного анализа, принципе историзма, социального подхода, системности, объективности, использует междисциплинарный подход.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на международных конференциях: МАРКС-200. Политика, теория, социализм (Берлин, 2018), Конференция Северо-Восточного отделения Ассоциации Славянских, Восточно-Европейских и Евразийских исследований (Нью-Йорк, 2018), Ежегодная Конвенция Ассоциации Славянских, Восточно-Европейских и Евразийских исследований (Вашингтон, 2016), Конференция «Время и темпоральность» (Кембридж, 2016).

Публикации по теме исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 3 работы в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура данной работы включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы и одно приложение.

1 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ ПРОФСОЮЗНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

1.1 Профсоюзы в структуре советского общества и институционализация сети Истпрофов

Вопрос о том, какую роль должны играть профсоюзы, возник сразу после Февральской революции. На первой Всероссийской конференции железнодорожников, состоявшейся в апреле 1917 г., один из делегатов Илья Феофанович Крушинский заявил, что после революции нельзя смотреть на государственный аппарат как на нечто противостоящее демократии. Поэтому ему не представлялось ясным, от кого союз будет защищать своих членов. Далее он утверждал, что железнодорожники должны взять на себя управление дорогами в демократическом государстве: «Мы должны строить железнодорожную жизнь и руководить железнодорожным хозяйством»⁴³. Претензии других профсоюзов так далеко не заходили, но здесь куда важнее сам факт – место профсоюзов, призванных защищать рабочих, было поставлено под вопрос уже самим наличием власти представительной, отражающей интересы народа.

После Октябрьской революции профсоюзы потеряли большую часть своей независимости, что было связано с политикой большевиков по «огосударствлению» профсоюзов. Если после буржуазной революции профессиональные объединения были необходимы, чтобы защищать интересы рабочих в условиях капитализма, то «диктатура пролетариата» их необходимость устраняла как бы сама собой. Суровые законы военного коммунизма предполагали жесткую дисциплину и полное отсутствие свободы стачек, а профсоюзы были еще одним, причем далеко не первостепенным, органом обеспечения контроля. Они больше не имели прежнего авторитета в среде рабочих, не будучи способными выполнять свои защитные функции. В 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов Григорий Евсеевич Зиновьев говорил:

⁴³ Труды Всероссийской конференции железнодорожных служащих и рабочих, состоявшейся с 6 по 22 апреля 1917 г. в Петрограде. М., 1917. С. 67.

«Какой-нибудь картографический подотдел реввоенсовета республики, несомненно, обладает по крайней мере в 10 раз большими ресурсами и средствами, чем весь ВЦСПС»⁴⁴.

Гражданская война и голод в городах привел к тому, что множество рабочих бросили заводы и бежали в деревни в поисках пропитания. В качестве решения этой проблемы в конце 1919 г. Лев Давидович Троцкий предложил распространить практику трудовых мобилизаций с отдельных отраслей на всю экономику. Если в деревне мобилизацию крестьян должна была по задумке Л.Д. Троцкого проводить армия, то по отношению к рабочей силе города таким аппаратом должны стать профсоюзы, «и тут без милитаризации самих профсоюзов как таковых не обойтись»⁴⁵. В начале 1920 г. позиция Л.Д. Троцкого находила большую поддержку в партийной среде и 15 января 1920 г. СНК принял постановление о порядке проведения трудовой повинности, в котором декретировалось привлечение населения независимо от постоянной работы к выполнению трудовой повинности. Такая политика вызывала недовольство и рабочих, и профсоюзного руководства, и не показала в конечном счете большой эффективности. Этим было вызвано масштабное обсуждение вопроса о месте профсоюзов между IX и X съездами РКП(б)⁴⁶. Не вдаваясь в подробности хода дискуссии, отметим лишь, что ни программа Л.Д. Троцкого, ни позиция «рабочей оппозиции» Александра Гавриловича Шляпникова и Александры Михайловны Коллонтай, подразумевавшей постепенную передачу профсоюзам всех хозяйственных функций, не были поддержаны делегатами X съезда РКП(б). Большинство голосов была принята ленинская резолюция «О роли и задачах профсоюзов», которая их ключевую роль формулировала как «школу коммунизма» для рабочих. Профсоюзы должны были «постепенно втягивать

⁴⁴ О роли профессиональных союзов в производстве // Доклады т.т. Зиновьева и Троцкого, речь т. Ленина, содокл. т.т. Бухарина, Ногина, Шляпникова и Рязанова и заключ. слова т.т. Троцкого и Зиновьева на соединен. заседании делегатов 8-го съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС членов РКП 30 дек. 1920 г. М., 1921. С. 79.

⁴⁵ Троцкий Л. Д. Организация труда : (доклад на IX съезде РКП(б)) // Троцкий Л. Д. Хозяйственное строительство Советской республики. М. ; Л., 1927. С. 216.

⁴⁶ Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство: дискуссии 1917–1920 гг. М., 1991. С. 161–170.

самые отсталые слои трудящихся в работу сознательного улучшения советского народного хозяйства»⁴⁷.

Для осуществления этих функций советские профсоюзы образовывали разветвленную сеть организаций, сочетавшую в себе производственный и территориальный принципы одновременно. Производственный принцип подразумевал объединение рабочих по предприятиям, в отличие от цехового – по профессиям. Так, согласно цеховому принципу модельщики (рабочие металлургических комбинатов, производившие деревянные модели деталей перед их отливкой) должны были войти в союз деревообделочников, потому что были столярами по профессии, а согласно производственному принципу они были ближе к металлистам, так как работали с ними на одних предприятиях и боролись против одних и тех же хозяев⁴⁸. Производственный принцип организации профсоюзов сочетался с территориальным. На каждом уровне административно-территориального деления органы отдельных производств объединялись в советы профсоюзов: деятельность центральных комитетов координировалась Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС), ниже находились республиканские и губернские советы.

Сочетание производственного и территориального принципа в организации советских профсоюзов приводило к наложению двух иерархий, как, например, в Ленинградской губернии в отношении союзов металлистов и текстильщиков (Рис. 1). Пунктирные стрелки показывают иерархические линии от ВЦСПС к производственным объединениям и сквозь них, а черные, в свою очередь, демонстрируют пространственное измерение профсоюзной системы. Как видно на схеме, каждый губотдел оказывался подчинен сразу двум вышестоящим организациям. С одной стороны, губпрофсовету губернии, а с другой – центральному комитету союза. Так как Истпрофы создавались не централизованно, а каждой профессиональной организацией в отдельности, это

⁴⁷ О роли и задачах профсоюзов : резолюция X съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Издание 7-е. М., 1954. Ч. 1: 1898–1924. С. 538.

⁴⁸ Это неоднократно приводило к конфликтам между металлистами и деревообделочниками в 1905–1917 гг. См.: Айнзафт С. С. История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 года. М., 1928. С. V–VIII.

натяжение между производственным и территориальным измерениями оказало большое влияние на производившиеся в них истории профессионального движения.

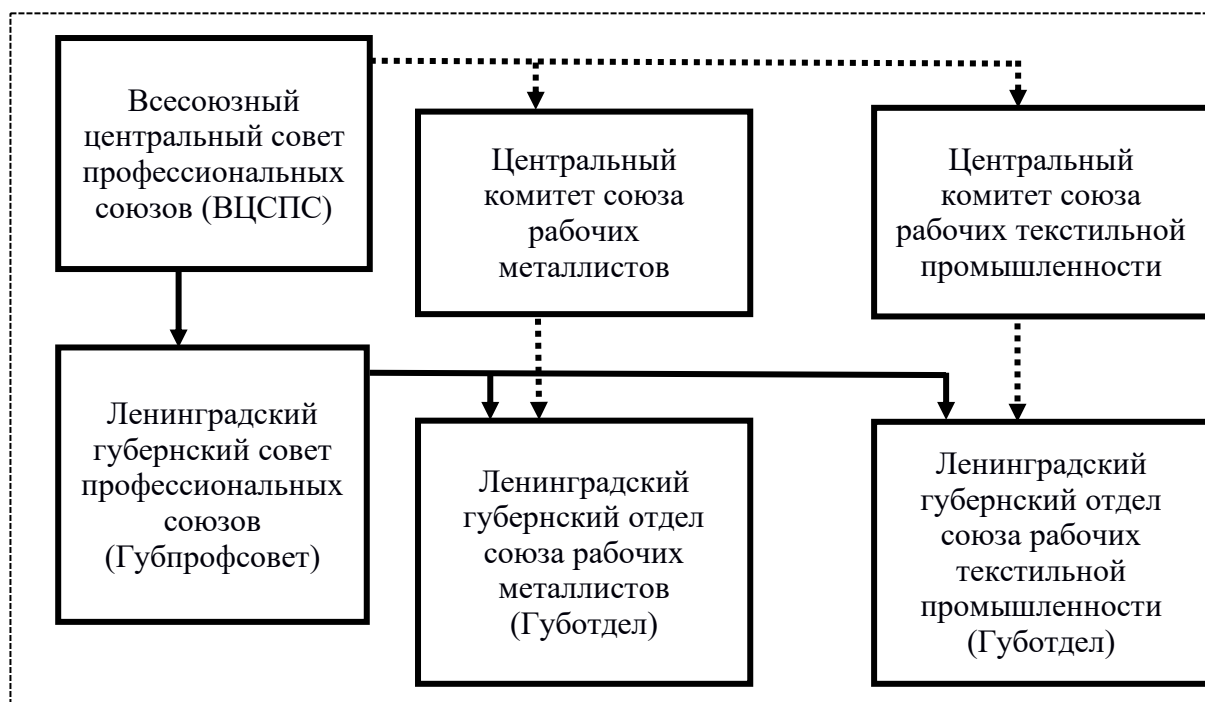


Рисунок 1 – Сочетание производственного и территориального принципов в организации советских профсоюзов (на примере Ленинградской губернии и профсоюзов металлистов и текстильщиков)

Пятая всероссийская конференция профсоюзов 3–7 ноября 1920 г. вошла в историю как отправная точка «дискуссии о профсоюзах», которая едва не привела к партийному расколу. Перед самым закрытием конференции Михаил Павлович Томский выступил с коротким объявлением о том, что в рамках ВЦСПС создается Комиссия по изучению истории Российского профессионального движения, и призвал все профсоветы и ЦК союзов содействовать ее работе⁴⁹.

Первое заседание комиссии, однако, состоялось значительно позднее – только 29 апреля 1921 г. В первый состав комиссии вошли такие крупные фигуры профсоюзного движения как Соломон Абрамович Лозовский, Давид Брисович Рязанов, писатель Владимир Матвеевич Бахметьев, который в начале 1920-х гг. работал в редакционно-издательском отделе ВЦСПС. Д.Б. Рязанов был назначен заведующим комиссией. На заседании было принято решение о штатах комиссии

⁴⁹ Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.) : стенограф. отчет. М., 1921. С. 177–178.

и положение. В качестве постоянного ответственного сотрудника было решено привлечь Виктора Петровича Гриневича⁵⁰.

В.П. Гриневич был одной из ключевых фигур российского профдвижения с самых его истоков. В момент революционного подъема 1905 г. он был одним из организаторов Петербургских профсоюзов, возглавлял первое столичное межсоюзное объединение – Центральное бюро профсоюзов в 1905–1906 гг., и некоторое время в 1917 г. был председателем ВЦСПС. Будучи убежденным меньшевиком и близким другом Ю.О. Мартова, В.П. Гриневич последовательно отстаивал идею о независимости профсоюзов, выступал против насильственного захвата власти Советами, продолжая держаться своей линии вплоть до 1919 г., когда его окончательно оттеснили от профсоюзной работы⁵¹. Ни у Д.Б. Рязанова, ни у В.М. Бахметьева, ни уж тем более С.А. Лозовского не было времени заниматься непосредственной разработкой исторических материалов, поэтому В.П. Гриневич работал почти только лишь со студентами-практикантами из профшкол, которые (как он впоследствии жаловался в отчете) были «молодыми людьми абсолютно без всякой подготовки и без какого бы то ни было профессионального стажа» и которые все время отвлекались на свои экзамены⁵². В.П. Гриневич практически в одиночку собирал и обрабатывал материал, занимался составлением планов, циркуляров для местных Истпрофов, однако для принятия принципиальных решений требовалось собрание всей комиссии, члены которой не могли найти на это времени⁵³.

Почему большевистское руководство ВЦСПС фактически отдало на откуп историческую работу своему еще совсем недавнему политическому противнику? С одной стороны, можно предположить, что опального В.П. Гриневича в Истпроф привлек Д.Б. Рязанов, который был известен своей правозащитной

⁵⁰ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном Центральном Совете профессиональных союзов и центральных комитетах профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 2. Протоколы заседаний Истпрофа (апрель и ноябрь 1921 г.) и докладные записки секретаря Истпрофа. Л. 1.

⁵¹ Носач В. И., Зверева Н. Д. Сталинизм и разгром авангарда профсоюзов. М., 2009. С. 94–116.

⁵² Гриневич В. Доклад секретариату ВЦСПС [Без даты. Не позднее ноября 1921 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁵³ Там же. Об.

деятельностью. В течение всех 1920-х гг. он оказывал протекцию попавшим под репрессии ЧК и ГПУ меньшевикам и эсерам⁵⁴. С другой стороны, видимо сыграл роль опыт В.П. Гриневича: он был не только активным деятелем профсоюзного движения, но и одним из первых его историков. По горячим следам революционных событий 1905-1907 гг. он опубликовал обстоятельный труд «Профессиональное движение рабочих в России», который трижды переиздавался уже в 1920-е гг.⁵⁵ и включался во все библиографии по профессиональному движению. Помимо этого, В.П. Гриневич был не только историком, но и своего рода «источником» для истории профессионального движения: в его личном архиве сохранились уникальные документы, например, материалы Третьей конференции профсоюзов (3–11 июля 1917 г.), которые он передал в архив Истпрофа и которые впоследствии были использованы в издании стенограммы конференции⁵⁶.

В ноябре 1921 г. В.П. Гриневич покинул Россию – он получил работу в советском торговом представительстве в Берлине. Возможно, сыграли роль усиливавшиеся преследования меньшевиков и эсеров со стороны ГПУ в это время, и В.П. Гриневич решил, что работать за границей ему будет безопаснее.

В заявлении, которое он оставил в президиуме ВЦСПС перед отъездом, В.П. Гриневич предлагал ряд мер для оживления работы Истпрофа. Среди прочего, он рекомендовал составить комиссию из активных работников, знакомых с профдвижением и «владеющих пером», а самое главное, свободных от других работ⁵⁷. Хотя никто из предложенных В.П. Гриневичем товарищей во второй состав Истпрофа включен не был, сам принцип был воплощен: для

⁵⁴ Об этом писал спустя 20 лет сам Гриневич в своих воспоминаниях, вышедших уже в США. См.: Гриневич В. Мои встречи с Д. Б. Рязановым (личные воспоминания) // Социалистический вестник. 1942. 3 сент. Цит. по: Рокитянский Я. Г. Глас вопиющего. Академик Д. Б. Рязанов против сталинизации РКП(б) // Вестник РАН. 1995. № 4. С. 367.

⁵⁵ Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908. 287 с. Переиздания с небольшими изменениями выходили в 1922 г. в издательстве ВЦСПС и в 1923 и 1924 гг. в «Красной Нови».

⁵⁶ Описание материалов по III Всероссийской конференции профсоюзов (1917 г.), переданных Гриневичем // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–7.

⁵⁷ Заявление Когана (Гриневича) в президиум ВЦСПС. 1921. 1 нояб. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

исторических работ из профсоюзной среды были выделены люди, не занимавшие таких ответственных постов, как Д.Б. Рязанов или С.А. Лозовский.

С начала 1922 г. и вплоть до упразднения комиссии в 1930 г. Истпрофом фактически руководил Юрий Константинович Милонов (1895–1980) – молодой, но уже со значительным партийным стажем большевик, переведенный в Москву из Самары. Он родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника, из-за службы которого семья часто переезжала. Начатое в Санкт-Петербурге гимназическое образование Ю.К. Милонов закончил в Самаре в 1915 г. В 1912 г. вступил в партию большевиков. После окончания гимназии Ю.К. Милонов поступил на юридический факультет Московского университета, но проучился там только один год, вернулся в Самару для продолжения партийной работы. Несколько раз он подвергался недолгим арестам и ссылкам. После установления советской власти в Самаре занимал важные посты – комиссара труда, председателя губернского комитета партии, в 1919 г. возглавил Самарский губернский совет профсоюзов. В ходе партийной дискуссии о профсоюзах Милонов находился на позициях «рабочей оппозиции», но в Самаре, в отличие от других городов, эта платформа получила поддержку большинства партийцев в губкоме. Ю.К. Милонов был отозван в Москву для работы в ВЦСПС после принятия на X съезде РКП(б) ленинских резолюций «О роли и задачах профсоюзов» и «О единстве партии», что, вероятнее всего, было вызвано стремлением ЦК ослабить позиции распущенной «рабочей оппозиции» в Самаре. Другие члены нового состава комиссии Истпрофа при ВЦСПС были рядовыми профсоюзными активистами. А.С. Кац, С.Я. Рапопорт, М.Н. Заяц, Р.М. Якуб, Г.А. Либстер – мы почти ничего не знаем об этих людях.

Ю.К. Милонов в ходе дискуссии о профсоюзах был одним из сторонников «рабочей оппозиции», активно спорил с М.П. Томским и Д.Б. Рязановым на X съезде РКП(б)⁵⁸, но он, в отличие от меньшевика В.П. Гриневича, был вне всяких сомнений «своим» для большевистского ВЦСПС. Поэтому, хотя

⁵⁸ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. : протоколы. М., 1933. С. 84–87.

Д.Б. Рязанов формально остался заведующим Истпрофом, все решения стали приниматься без его участия, что позволило активизировать работу комиссии.

Согласно положению об Истпрофе, комиссия создавалась как отдел ВЦСПС, пользовалась его аппаратом, но располагалась при этом в Социалистической академии⁵⁹. Этот факт становится особенно важным в контексте того, что одной из ключевых задач комиссии было создание архива и библиотеки по профдвижению. Сами члены комиссии в своей работе были достаточно мобильны: они разбирали документы в фондохранилищах различных ведомств в Москве и Петрограде, изучали литературу во многих библиотеках, устраивали вечера воспоминаний на заводах и в профсоюзных организациях. Кропотливо собираемые архив и библиотека, в свою очередь, были стационарны и образовывали своего рода «якорь» Истпрофа. Располагаясь в стенах Социалистической академии на Знаменке, 11, они привязывали профсоюзных историков к складывавшейся в начале 1920-х гг. советской научной среде и отделяли от основного заказчика – профсоюзного актива. Спустя некоторое время Истпроф переместился в Центральный институт труда на Петровку, 24, а потом окончательно переехал во Дворец труда на Солянку, 12, где был расположен ВЦСПС, его отделы и большинство центральных комитетов профессиональных союзов.

Эти перемещения не выходили даже за пределы Бульварного кольца, однако библиотечно-архивный «якорь» Истпрофа успел стать достаточно тяжелым и прочно врос в институциональную логику Социалистической академии. Материалы, собранные за недолгое время пребывания Истпрофа в стенах Социалистической академии, были включены в оборот, они попали в каталоги и описи Кабинета по истории рабочего движения, поэтому попытки ВЦСПС забрать материалы Истпрофа впоследствии закончились неудачей. По этой же причине так мало сохранилось документов о раннем периоде существования комиссии. О библиотеке и архиве, застрявших в Социалистической

⁵⁹ Положение о Комиссии ВЦСПС по изучению истории профессионального движения // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

академии, читаем в позднейшем отчете⁶⁰, а о коротком периоде работы Истпрофа в рамках Центрального института труда вообще нет упоминаний в сохранившейся документации комиссии; лишь благодаря справочнику «Вся Москва» за 1923 г. возможно узнать, что искать членов комиссии необходимо было по новому адресу⁶¹.

Перемещения Истпрофа по карте Москвы иллюстрируют собой линию поиска подходящей формы инкорпорации истории в структуру профсоюзов. За первоначальным решением поместить профсоюзное историописание в рамки научного института стоит логика профессионализации, производство знания в ней выводится в отдельную и отчасти автономную среду. Однако эта логика противоречила инкорпорированности этого знания: Истпроф создавал историю профсоюзов для профсоюзов. Помещенная в универсальные рамки рабочего движения в целом история профсоюзов теряла свою институциональную связь и вместе с ней ценность для ВЦСПС. Эта же логика будет действовать, когда несколькими годами позднее Истпроф будет бороться с Центрархивом за право хранить и описывать профсоюзные архивы.

В августе 1921 г. в Бюллетене ВЦСПС появился призыв к центральным комитетам и губернским советам профсоюзов уделить «серьезное и должное внимание изучению истории профдвижения и собиранию его материалов». Из шести пунктов, которым в этой деятельности профорганизации должны были следовать, четыре были посвящены не работе как таковой, а иерархии и соподчинению комиссий друг другу. Истпроф при ВЦСПС получал статус центрального и руководящего органа, который разрабатывает и утверждает программы работ, методы собирания материалов, инструкции по хранению; во избежание параллелизма в работе все профорганы обязаны были координировать свои действия с Истпрофом при ВЦСПС и присылать по 2 экземпляра всех своих печатных изданий⁶². Такие формулировки призыва центрального Истпрофа

⁶⁰ Информационный доклад Ю.К. Милонова о деятельности Истпрофа ВЦСПС на совещании представителей Истпрофов ВЦСПС, ЦК союзов, МГСПС, губотделов. 8–9 октября 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

⁶¹ Вся Москва : адресная и справочная книга на 1923 г. 25-й год изд. М., 1923. Стлб. 158.

⁶² Бюллетень ВЦСПС от 25 августа 1921 г. № 22. С. 20.

показывают, что он не столько инициировал создание единой сети исторических комиссий, сколько пытался унифицировать уже существующие начинания.

В пользу такой интерпретации говорит также тот факт, что на фоне организационных трудностей Истпрофа при ВЦСПС, некоторые другие профорганизации развернули активную деятельность уже в 1921 г. К 1923 г., когда вышли самые первые издания Истпрофа при ВЦСПС (два выпуска систематического указателя литературы по профессиональному движению), уже были опубликованы сборники материалов Комиссии по истории профессионального движения на транспорте (Истпрофтран) и Комиссии по изучению рабочего вопроса в сахарной промышленности. Причем если сборник железнодорожников имел скорее «агитационное значение»⁶³ (в нем было помещено лишь несколько кратких очерков и циркулярные письма от Истпрофтрана его местным уполномоченным), то сборник сахарников был значительным по объему и включал в себя статьи об истории союза, развитии сахарной промышленности и техники производства (см. Приложение А).

В октябре 1923 г. Истпроф при ВЦСПС установил связь с 10 Истпрофами при ЦК различных союзов и 10 губпрофсоветах, где велась историческая работа. К концу этого года истпрофовская работа велась уже в 20 ЦК союзов и 22 губпрофсоветах. В большинстве случаев при ЦК союзов создавались комиссии Истпрофа в количестве 5–10 человек, на которых иногда выделяли одного-двух штатных работников. К концу 1920-х гг. Работа по изучению истории профессионального движения проводилась уже в 23 ЦК союзов. Некоторые ЦК предпринимали попытки наладить работу на местах⁶⁴.

Одновременно с Истпрофами при ЦК союзов стали образовываться Истпрофы при советах профсоюзов национальных республик, окружных, областных, краевых и губернских советах профсоюзов, при бюро ВЦСПС, при окружных бюро. По сводным, хотя и недостаточно полным сведениям на протяжении 1921 – 1930 гг. в стране существовало всего около 60 Истпрофов

⁶³ Так он был отрекомендован во втором сборнике, вышедшем спустя два года. См.: Очерки из истории Союза. М., 1924. Сб. 2: 1917 год. С. 3.

⁶⁴ Из отчетов ЦК союзов // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

такого масштаба. Из них – 13 при республиканских советах профсоюзов, 4 – при бюро ВЦСПС, 4 – при окружных бюро, 5 – при областных и краевых советах профсоюзов и 31 – при губпрофсоветах⁶⁵.

Интерес представляют данные о времени образования местных Истпрофов: в 1921–1923 гг. – 17; в 1924–1925 гг. – 21; и в 1926–1930 гг. – 8. Наивысший подъем в институционализации Истпрофов в 1925–1925 гг. во многом был связан с подготовкой и проведением юбилея первой русской революции 1905–1907 гг., которая являлась колыбелью профсоюзного движения в России⁶⁶.

22 Истпрофа имели комиссии из нескольких человек, 4 – уполномоченных Истпрофа, но только 11 указывали на наличие у них штатных сотрудников. Таким образом, истпрофовская работа велась, как правило, на общественных началах⁶⁷.

Недавние статьи омского историка А.И. Шумилова, посвященные деятельности сибирских Истпрофов, позволяют получить представление о том, в каких условиях велась историческая работа в провинции. Он указывает на то, что из-за слабой организации и текучки кадров деятельность Истпрофов периодически затухала. Так, например, относительно активно работавший в 1924 г. Омский Истпроф почти прекратил работу к концу года; в юбилейном 1925 г. его пришлось возрождать заново. Как отмечает А.И. Шумилов, результаты работы местных комиссий напрямую зависели от вовлеченности таких энтузиастов как В.И. Шемелев в краевом Истпрофе или В.И. Лялин в Омске. В некоторых губерниях профсоюзы не организовали собственных исторических комиссий. Так, например, в Иркутске история профсоюзов разрабатывалась в местном музее революции, а в Томске – «под покровительством» Истпарта⁶⁸.

Несмотря на почти полное отсутствие финансирования, профсоюзные историки Сибири проделали огромную работу по сбору и обработке материалов по истории профессионального движения в этом регионе. Помимо этого, они

⁶⁵ Там же. Д. 21.

⁶⁶ Там же. Д. 77.

⁶⁷ Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии // Исторические записки. М., 1979. Т. 104. С. 245.

⁶⁸ Шумилов А. И. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905–1920 гг. // Омский Научный Вестник. 2006. № 8 (45). С. 23–24.

опубликовали около 90 материалов в журнале «Профессиональное движение», а также несколько брошюр и исторических сборников. Как отмечает А.И. Шумилов, единственный общесибирский сборник «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть советов: 1917–1919 гг.» «рожден в великих муках». Крайне сложно было собрать и обработать материалы со всей Сибири⁶⁹.

Вызывает отдельный интерес пример Союза работников связи, который привлек для обработки своих исторических материалов молодого историка Константина Васильевича Базилевича (1892–1950 гг.). Потомственный военный, К.В. Базилевич закончил Михайловское артиллерийское училище в 1913 г., участвовал в Первой мировой войне, а в 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. В 1922 г. К.В. Базилевич закончил историческое отделение факультета общественных наук Московского университета и начал работать научным сотрудником в Историческом музее и Институте связи. Основные темы исследований, которые К.В. Базилевич развивал в 1920-1940-е гг. – это складывание русского централизованного государства, история общественных движений в XVII в. и военная история⁷⁰.

Можно предположить, что, работая в Институте связи, К.В. Базилевич познакомился с работниками профсоюза и получил приглашение сотрудничать с Истпрофом. При этом, К.В. Базилевич приглашался для так называемой «литературной» работы — то есть он не занимался сбором и обработкой материалов, а писал историю союза, опираясь на уже подготовленные Истпрофом источники. В Истпроф Союза связи входили представители действующего ЦК, а также активные деятели профессионального движения периода революции 1905–1907 гг. Коллектив за короткий срок сумел собрать большой объем воспоминаний

⁶⁹ Шумилов А. И. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2008. № 3. С. 49.

⁷⁰ К. В. Базилевич : (некролог) // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 156–157; Исторические работы К. В. Базилевича // Вопросы истории. 1950. № 7. С. 169–175; Базанов М. А. Дискуссия о процессе образования Русского централизованного государства (1946 г.): о рецепции дореволюционных исследовательских стратегий советской историографией // Диалог со временем. М., 2015. Вып. 51. С. 334–345.

и архивных материалов⁷¹. Сам же К.В. Базилевич не входил в состав комиссии Истпрофа, а был внешним, хоть и очень важным сотрудником.

Занимая внешнее положение по отношению к профсоюзам, К.В. Базилевич свободнее проблематизирует сформулированные в Истпрофе при ВЦСПС методологические установки. Подробнее о них будет идти речь в следующей главе; сейчас лишь укажем на то, что основной организующей установкой была идея о том, что написанию истории профессионального движения должно предшествовать накопление исчерпывающего материала. Именно сбор, систематизация и публикация источников без их анализа постулировалось в качестве основной задачи деятельности Истпрофов всех уровней. К.В. Базилевич в предисловии к первой опубликованной им для Союза связистов монографии спорит с этой установкой (хоть и не ссылаясь прямо на руководства Истпрофа ВЦСПС). Он пишет, что «было бы трудно указать те границы, где кончается «собираение» и начинается изучение... методы и приемы изучения должны оказать обратное влияние на методы собирания»⁷². Любой исторический сюжет так тесно переплетен с другими, что нет никакой возможности очертить круг того материала, который можно было бы признать для него исчерпывающим, поэтому нужно собирать материал, исследовать его и публиковать монографии одновременно – это позволит исследователям обогащать подходы друг друга, в том числе подходы источниковедческие.

Опыт К.В. Базилевича в работе с ЦК Союза работников связи показался руководителям центрального Истпрофа при ВЦСПС интересным, и он был приглашен на заседание комиссии. В своем докладе он пытался предложить более сложные подходы к источникам, чем те, что были положены в основу работы сети Истпрофов. В частности, К.В. Базилевич указывал на то, что вечер воспоминаний – очень опасный способ сбора информации о событиях прошлого, потому что участники вечеров влияют своими неточными рассказами друг на друга.

⁷¹ Об этом пишет К. В. Базилевич в предисловии к своей первой книге, выпущенной для Союза связи. См.: Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи: 1905–1906. М, 1925. С. 10–11.

⁷² Там же. С. 3.

Подталкиваемые товарищами люди начинают «вспоминать» то, чего на самом деле с ними не происходило⁷³. Такая критика практики вечеров воспоминаний шла вразрез с тем, какое значение им придавалось в руководящих документах и практике Истпрофов – они рассматривались как способ проверки личных воспоминаний, способ исправить ошибки отдельных товарищей, порождаемые несовершенством человеческой памяти.

1.2 Ленинградский Истпроф и Ученая комиссия по исследованию истории труда в России

Особенно ярко вариативность форм инкорпорации историописания в структуру профсоюзов проявилась в Ленинградском губернском совете профсоюзов (ЛГСПС), где Истпроф не был единственной исторической комиссией: в 1921-1925 гг. при нем работала Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, за этот короткий срок ставшая достаточно известной в научной среде. Она была создана 18 февраля 1921 г. при Петроградском совете профсоюзов и почти сразу начала издавать научный журнал «Архив истории труда в России» (два последних номера в 1925 г. были выпущены под названием «Труд в России»). Всего было выпущено 15 номеров, в которых публиковались архивные документы, статистические данные, исторические и историографические статьи.

Ядро Комиссии составляли профессиональные историки. Возглавлял ее Сергей Федорович Платонов – профессор русской истории Петербургского университета, представитель старшего поколения петербургских историков. Однако активного участия в работе Комиссии он скорее всего не принимал, оставаясь лишь формальным ее руководителем. То же можно сказать и об одном из руководителей Петроградского совета профсоюзов Григории Владимировиче Циперовиче, который также был включен в Комиссию. Реальное руководство

⁷³ Протокол № 4 собрания Коллектива работников по истории профдвижения ВЦСПС и МГСПС. 11 мая 1925 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.

работой Комиссии осуществляли Юлий Исидорович Гессен, Иосиф Михайлович Кулишер и Александр Евгеньевич Пресняков.

Ю.И. Гессен родился в 1871 г. в Одессе в семье богатого еврея промышленника Исидора Юльевича Гессена. Звание потомственного почетного гражданина, которое получил его отец, позволило Ю.И. Гессену в 1896 г. переехать в Санкт-Петербург. Молодой Ю.И. Гессен стал активным участником движений, боровшихся за эмансипацию евреев в Российской империи. Он был активным членом «Союза для достижения полноправия» и других национальных политических и культурно-образовательных организаций, входил в редакцию журнала «Еврейская старина», принимал участие в кампаниях по выборам еврейских депутатов в Государственную думу, неоднократно выступал с научными докладами перед широкой аудиторией⁷⁴.

Несмотря на свою общественную и политическую деятельность, Ю.И. Гессен говорил о себе в своих работах, прежде всего, как об историке еврейства, стремящемся к объективной истине. В предисловии к первому тому «Истории еврейского народа в России» 1916 г. он писал: «Моя задача – дать беспристрастное, насколько это в моих силах, описание жизни еврейского народа в России. Лишь точное знание прошлого может указать пути к достижению лучшего будущего. Работая в течение двух лет над книгой, я старался быть глухим и к великим мировым событиям, и к потрясениям еврейской жизни; я старался уйти от текущих дел, полных недолгих надежд и горестных разочарований, чтобы всецело отдаться минувшему, ощутить дыхание отошедших поколений, пройти вместе с ними их земной путь»⁷⁵. Стремление к беспристрастности также вело к тому, что Ю.И. Гессен в своих работах делал ставку на первоисточники – материалы правительственных архивов, к которым он получал доступ с огромным трудом и всегда публиковал несколько документов в приложениях к своим работам.

За спиной еще одного члена редколлегии «Архива истории труда в России», экономиста И.М. Кулишера, стоял совершенно другой опыт. Он родился 1 августа 1878 г. в Киеве. В 1896 г. И.М. Кулишер с золотой медалью окончил немецкую

⁷⁴ Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004. С. 110–125.

⁷⁵ Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. М. ; Иерусалим, 1993. С. 2.

Анненскую гимназию в Петербурге и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После его окончания в 1900 г. И.М. Кулишер уехал за границу, где изучал экономику в Берлине, Галле, Вене, Лейпциге у профессоров Шмоллера, Конрада, Инама-Штернегга и др.⁷⁶

Экономические исследования И.М. Кулишера были по большей части написаны под влиянием идей исторической школы в политической экономии, с представителями которой он работал в Германии (Шмоллер и др.), а также в России, где оппонентом на защите его магистерской диссертации был представитель этого направления М.И. Туган-Барановский. Ключевой установкой исторической школы было внимание к истории хозяйства вместо изучения вневременных абстрактных законов экономики. Это определило направление исследований И.М. Кулишера, которые всегда находились на стыке исторической и экономической дисциплин⁷⁷. В 1909 г. вышли его «Лекции по истории экономического быта Западной Европы», выдержавшие девять переизданий на русском и три на немецком языках. В течение 1920-х гг. И.М. Кулишер опубликовал еще несколько крупных работ по экономической истории Европы, России и древней Греции.

Помимо Ю.И. Гессена и И.М. Кулишера в редакцию журнала «Архив истории труда в России» входил А.Е. Пресняков – один из самых известных историков петербургской школы, ученик С.Ф. Платонова. Он родился в 1870 г. в Одессе, а 1889 г. поступил в Санкт-Петербургский университет. Здесь он начал свою работу с источниковедческих исследований, изучая памятники позднего московского летописания. В дальнейшем, область интересов А.Е. Преснякова стала значительно шире и включала проблемы политических отношений на Руси до XVI в.

В своих исследованиях А.Е. Пресняков последовательно развивал подходы петербургской исторической школы. На защите своей докторской диссертации «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий» в 1918 г. А.Е. Пресняков говорил о базовых различиях между историками

⁷⁶ Виноградов С. М. И. М. Кулишер: очерк жизни и творчества // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 1995. № 3-4. С. 87–89.

⁷⁷ Гловели Г. Д. Историзм и историческое направление в российской политической экономии // Историко-экономические исследования. 2014. № 3. С. 492–495.

петербургской и московской школ. «Я определил бы ее (петербургской школы. – *Р.Г.*) характерную черту как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции»⁷⁸. Во введении к самой диссертации А.Е. Пресняков писал, что задача его работы – «восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Великорусского государства. Ранняя история Северо-Восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы...»⁷⁹ Защищая источник и факт от «теоретиков» В.О. Ключевского и других москвичей, А.Е. Пресняков признает, что материал, изучаемый историком, дает ответы только на те вопросы, которые поставлены. Но принцип «научного реализма» требует, «чтобы вопросы ставились в зависимости от свойств изучаемого материала, а не навязывали ему того, что он... дать не может по основному своему характеру»⁸⁰.

Ю.И. Гессен, И.М. Кулишер и А.Е. Пресняков каждый в своей области в центр своих изысканий ставили конкретный исторический источник – архивный документ. Во вводной статье к первому номеру «Архива истории труда в России» Ю.И. Гессен писал: «Нет нужды говорить, что представляя собою хранилище естественно образовавшихся собраний документов, архивы – в целом – раскрывают самые затаенные поры и извилины минувшей жизни, и будучи чужды предвзятости и лицепрития, освещают ее беспристрастно: в архивах с одинаковой рельефностью запечатлены стремления различных социально-экономических групп населения, независимо от того, какая из них торжествовала в данный момент; на ряду с преднамеренным и бессознательным искажением фактов, вызываемым то материальными интересами, то сословными и религиозными предрассудками, здесь пробивает себе путь неприкрашенная

⁷⁸ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства». Петроград, 1920. С. 6.

⁷⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства : очерки по истории XIII–XIV столетий. Петроград, 1918. С. V.

⁸⁰ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства». Петроград, 1920. С. 6

правда действительности»⁸¹. Такое отношение к архивным документам можно было бы посчитать наивным⁸², однако этот энтузиазм нужно рассматривать в контексте того, что вплоть до революции 1917 г. получить доступ к документам по истории даже XVII в. было очень непросто, поэтому открывшиеся перед исследователями архивные богатства открывали перед исследователями новые горизонты.

Авторы журнала «Архив истории труда в России» не были объединены между собой одними только общими темами и общей методологией, но представляли собой в значительной степени людей одного круга. Всего можно выделить около двадцати авторов, которые регулярно поставляли в журнал свои статьи, готовили к публикации архивные документы. Значительную часть из них составляли молодые (иногда только-только окончившие учебу в университетах) историки-архивисты и библиографы: А.А. Введенский, Э.Ф. Голлербах, М.Я. Гордон, А.Ф. Добрынин, Р.М. Кантор, О.Е. Корнилович, Т.Шатилова, А.В. Шебалов и их более опытные коллеги А.Л. Блек, В.В. Колпенский, Е.С. Коц, Н.А. Мурзанов, К.А. Пажитнов, А.С. Путилов, С.И. Тхоржевский и А.Н. Шебунин. Публикации корифеев науки того времени Е.В. Тарле, В.В. Святловского, Н.А. Рожкова, А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова также появлялись в журнале, но они не занимали много места в общем объеме статей. Такой подбор авторов был связан, прежде всего, с той целью, которую ставила перед собой Комиссия, выпускавшая журнал: в первую очередь, заниматься подготовкой архивных материалов и библиографии для будущих историков.

Говоря о задачах Комиссии в программной статье в первом номере журнала, Ю.И. Гессен подчеркивает коллективный характер ее работы. Основными принципами постулировались планомерность и всесторонний характер

⁸¹ Гессен Ю. И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 3.

⁸² Еще в 1964 г. Б. Г. Могильницкий совершенно справедливо писал, что «историк никогда не может быть, подобно пушкинскому Пимену, бесстрастным летописцем, равнодушно внимающим добру и злу. Вряд ли кто-нибудь возьмется теперь отрицать ту бесспорную истину, что современность в широком смысле этого слова оказывает самое непосредственное влияние на изучение прошлого». См.: Могильницкий Б. Г. Объективность и партийность в историческом исследовании // Труды Томского университета. Сер. История. 1964. Т. 173: Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 2. С. 3.

изысканий, что должно было обеспечиваться одновременной работой во всех архивах Петрограда, в каждом из которых происходил отбор документов, касающихся истории труда. Параллельно с этим велась работа библиографов. Из отобранных материалов составлялся карточный каталог, который должен был лишить каждого отдельного исследователя необходимости перерабатывать огромный материал в поисках «крупниц» исторических фактов. «Таким образом, для планомерного и всестороннего исследования истории труда необходимо организованное соучастие разнородных работников. И именно для того, чтобы объединить, координировать частью индивидуальный, частью коллективный труд и направить его в конечном итоге к единой цели, образована при Петроградском совете профессиональных союзов Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России»⁸³. Это означало на практике, что редакторы журнала стремились не столько дать место результатам исследований маститых ученых, сколько показать результаты коллективного труда Комиссии, поэтому статьи известных ученых редки и часто имеют рамочный характер, как, например, статья С.Ф. Платонова «О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси», где он обрисовывал только историографию вопроса и предлагал свое видение ближайших задач, стоящих перед его исследователями⁸⁴.

Такой же рамочный характер носила и статья Е.В. Тарле «История труда и его значение» в первом номере «Архива истории труда в России». Е.В. Тарле вписывает историю труда в более широкий контекст нового и чрезвычайно перспективного направления исследований – экономической истории. Ее важнейшей отличительной чертой являлось то, что она непосредственно связана с жизнью: «ни в одной области исторической науки нельзя почерпнуть столько уроков, сколько в области истории экономической. Экономика так мало зависит от отдельных людей, напротив, люди с их будто бы вполне свободной волей так много зависят от экономической эволюции, самые законы и характер этой эволюции еще так загадочны, так таинственны и трудно уловимы, что, конечно,

⁸³ Гессен Ю. И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 4

⁸⁴ Платонов С. Ф. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси // Архив истории труда в России. 1922. № 3. С. 18–22.

только от ясного понимания прошлого можно надеяться получить хоть какие-нибудь руководящие нити для будущего»⁸⁵. Особенно важна экономическая история в России, потому что революция уничтожила все старые политические и юридические отношения, но экономическая эволюция будет продолжаться. Причем, как утверждает Е.В. Тарле, в Европе только история пролетариата имеет практическое значение, а исследование крестьянства важно только с точки зрения научного интереса, но в России оба производительных класса равно сильны и влияют на положение дел в государстве.

Особенностью Комиссии по истории труда в России была ее большая независимость от профсоюзного руководства. Согласно положению, опубликованному во втором номере «Архива истории труда в России», Комиссия была свободна в выборе тем и подходов к исследованию, сама определяла приоритетные направления работы и осуществляла контроль за выполнением отдельных ее этапов, самостоятельно избирала из своей среды председателя и его заместителя (управляющего делами), членов редакционной коллегии журнала, а также назначала штатных и временных сотрудников. Комиссия была самостоятельна и в установлении научных контактов с родственными организациями⁸⁶.

Независимость Комиссии от Петроградского совета профсоюзов отразилась даже на самом наборе сохранившихся после нее документов. Единственное дело, полностью наполненное документами Комиссии, содержит только бухгалтерскую отчетность и относится только ко второму полугодю 1921 г.⁸⁷ Остальные материалы комиссии разбросаны по делам президиума, издательства и культотдела совета. Среди них нет отчетов о работе, никаких следов переписки между комиссией и ее профсоюзным руководством; единственное отразившееся в документах участие культотдела в работе комиссии заключалось в том, что в одном из ее заседаний принимал участие его представитель В. Черкасов, но и его

⁸⁵ Тарле Е. В. История труда и его значение // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 8.

⁸⁶ Положение об Ученой комиссии по истории труда в России // Архив истории труда в России. 1921. № 2. С. 156–157

⁸⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6276. Ленинградский областной совет профессиональных союзов (ЛЕНОБЛСОВПРОФ) (1917–1937, 1948 гг. – по наст. время). Оп. 6. Д. 216. Отчеты Ученой комиссии по исследованию труда в России (20 июля – 27 декабря 1921 г.)

появление было связано не с задачей контроля, а с тем, что он выразил желание «принять участие в архивных работах комиссии»⁸⁸.

Комиссия по истории труда была основана в Петрограде еще до того, как ВЦСПС начал рассылать по губерниям подробные циркуляры с инструкциями по организации Истпрофов. И хотя устройство Комиссии по истории труда разительно отличалось от того, что ожидали от местных комиссий в ВЦСПС, она первоначально воспринималась как вполне достойная замена Истпрофу. Лишь в январе 1923 г. в Петроград был направлен сотрудник Истпрофа при ВЦСПС Лившиц для установления контакта с Комиссией по истории труда. Лившиц докладывал: «С Комиссией по истории труда удалось установить контакт. Она занимается изучением истории труда и попутно лишь некоторыми сторонами профдвижения. Эта комиссия не может заменить несуществующего Истпрофа при Петроградском совете профсоюзов. Она занимается разработкой официальных архивов, а к союзным даже не прикасается, это объясняется тем, что она углубилась в древность, когда союзов не было»⁸⁹.

В Москве рассматривали профсоюзные исторические комиссии в том числе как способ выполнить очень важную в практическом отношении работу – разобрать хранившиеся в полном беспорядке союзные архивы. История труда была, конечно, идеологически близкой профсоюзам темой исследований, но практических задач она не решала. Поэтому члены Истпрофа при ВЦСПС приняли решение обратиться в Президиум Ленинградского совета профсоюзов с предложением выделить нескольких ответственных работников для обработки архивов. Истпроф при ЛГСПС начинает работать спустя год, в январе 1924 г.⁹⁰

В отличие от Комиссии по истории труда, документы Ленинградского Истпрофа отражают его глубокую включенность в структуру профсоюзов. Они намного более подробно описывают работу комиссии, включают большее

⁸⁸ Протокол соединенного заседания Ученой комиссии по истории труда в России и Редакционной коллегии. 9 августа 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 61.

⁸⁹ Протокол № 15 заседания Истпрофа. 10 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁹⁰ Об этой дате пишет секретарь Ленинградского Истпрофа М. Я. Гордон в самой ранней докладной записке, направленной из Истпрофа в Президиум ЛГСПС. См.: Гордон М. Я. Докладная записка о работе Истпрофа ЛГСПС // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 9. Д. 53. Л. 1.

разнообразие жанров делопроизводства. Истпроф включен в иерархию подразделений ЛГСПС, он существует не «при», а явным образом «в» культурно-просветительном отделе. Об этом свидетельствует то, что в своих докладах президиуму руководитель отдела отчитывается о работе Истпрофа так же, как и о подготовке работников и профпропаганде, клубной работе и физкультуре⁹¹. В отличие от Комиссии по истории труда, которая предлагала заказчикам своих услуг только эфемерные «руководящие нити для будущего»⁹², исследуя, например, крестьянский труд в XVII веке, Истпроф был вовлечен в повседневную работу ЛГСПС: упорядочивал архивы совета и отдельных союзов, занимался просвещением рабочих, организовывал музеи, писал об истории самих организаций.

В 1925 г. руководство изданием «Архива истории труда в России» перешло в руки редакционной коллегии в составе чиновников от Ленинградского совета профсоюзов, а также был радикально изменен состав самой Комиссии по истории труда. Из нее были удалены С.Ф. Платонов, И.М. Кулишер и многие другие историки и архивисты. Председателем Комиссии был назначен большевик, один из руководителей Ленинградского совета профсоюзов, Н.П. Глебов-Авиллов, а в состав были включены несколько рядовых профсоюзных работников. Из прежнего состава в Комиссии остались лишь Ю. И. Гессен и А. Е. Пресняков⁹³.

Печатный орган Комиссии «Архив истории труда в России» был переименован в «Труд в России». В первом обновленном номере редакция писала, что издание намерено обратиться как «к недавнему прошлому рабочего класса России, так и к основным его проблемам текущих дней», помещая статьи по вопросам труда в России второй половины XIX и начала XX вв. В журнале предполагалось выделить отделы: «Экономика и труд», «Рабочий вопрос и рабочее движение», «Профессиональное движение», «Материалы современной

⁹¹ Доклад Любинского на губернском культсовещании. 25 февраля 1924 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 49. Д. 1. Л. 32.

⁹² Тарле Е. В. История труда и его значение // Архив истории труда в России. 1921. № 1. С. 8.

⁹³ Майдачевский Д. Я. Экономическая история в России: первые научные институции, 1920-е гг. // Историко-экономические исследования. 2004. Т. 5. № 3. С. 58.

жизни», «Обзоры и библиография», «Документы и сообщения», что и было отчасти реализовано в следующем, ставшем последним, номере журнала⁹⁴.

Если в 1921–1924 гг. Комиссия работала практически независимо от Ленинградского совета профсоюзов, то в 1925 г. происходит резкое изменение модели их взаимодействия. Профсоюзное руководство начинает рассматривать историю как прикладную дисциплину, задачи которой должны определяться основными направлениями профсоюзной работы. Если изначально члены Комиссии занимались своими собственными исследованиями, лишь опосредовано связанными с целями профсоюзов, то с 1925 г. Комиссия стала готовить материалы необходимые для пропагандистской и воспитательной работы среди рядовых членов профсоюзов.

Однако в такой форме Комиссия по истории труда была уже не нужна, так как, по сути, дублировала работу, которую уже с 1924 г. выполнял Истпроф. В конце 1925 г. Комиссия по истории труда при Ленинградском совете профсоюзов была упразднена. Несмотря на свою недолгую историю Комиссия успела проделать большую работу по исследованию материалов по экономической истории России, а ее журнал «Архив истории труда в России» был не только тепло встречен среди современников, но и вызывал большой интерес у последующих поколений исследователей⁹⁵.

1.3 Особенности организации сети Истпрофов

Работа Истпрофов при советах профсоюзов подразумевала не только непосредственную историческую работу, но еще и координацию занятий отдельных профсоюзов. Материалы Истпрофа при Ленинградском совете профсоюзов позволяют увидеть, каким образом были устроены отношения между профорганизациями. В докладной записке, направленной в президиум Ленинградского совета профсоюзов, секретарь его Истпрофа М. Гордон писал о

⁹⁴ Труд в России. 1925. № 1. С. 231.

⁹⁵ Показательно, что в 1975 г. в Лейпциге (ФРГ) было выпущено репринтное издание всех номеров журнала «Архив истории труда в России» и «Труд в России», а в 2000 г. в Иркутске опубликован указатель содержания с вводной статьей Д. Я. Майдачевского.

том, что комиссией установлена связь со всеми губотделами профсоюзов и везде назначены уполномоченные по Истпрофу. Работа же велась с разным успехом: в одних союзах были в порядке архивы, проводились вечера воспоминаний, были выпущены или составлялись исторические сборники; в других историческая работа «носит случайный характер». Такое положение дел было связано с тем, что для исторических занятий редко нанимались «платные» работники извне, а чаще всего выделялись из среды служащих самого профсоюза. Гордон писал: «Как на общий недостаток работы Истпрофа на местах следует указать на неавторитетность работ по истории профдвижения. До сих пор не изжит взгляд на эти работы, как на “неважные” (в противопоставление их “важной”, “живой” работе). Отсюда слабое содействие Истпрофу в его начинаниях (музейный материал поступает очень слабо и достается с большим трудом не только в губотделах, но и в отделах ЛГСПС); уполномоченным Истпрофа нет никакой возможности заниматься историческими работами – лишь изредка уполномоченного освобождают от всех других работ»⁹⁶.

Истпрофы при ленинградских губотделах отдельных профсоюзов как фракталы воспроизводили ту же работу Истпрофа ЛГСПС, но в меньшем масштабе. Они так же отбирали материалы в городских архивах, исключая те фонды, где уже занимался Истпроф ЛГСПС во избежание «параллелизма»; собирали и систематизировали «печатный материал», издавали сборники, готовили музейные уголки и юбилейные мероприятия. Истпрофы при губотделах союзов имели также контролирующую и организационную функцию. Они составляли инструкции и следили за работой комиссий самого низкого уровня – заводских, собиравших документы и воспоминания на своих предприятиях.

Однако институциональная «матрешка» Истпрофа не была линейной. У губотделов было сразу два руководства: территориальные органы – губернские советы союзов и производственные органы – центральные комитеты профсоюзов. Нарратив истории профессионального движения был все время в натяжении между территориальной и производственной логиками организации профсоюзов.

⁹⁶ Гордон М. Я. Докладная записка о работе Истпрофа ЛГСПС // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 9. Д. 53. Л. 3.

Эти два направления редко напрямую противоречили друг другу, но, находясь в разных плоскостях, делали разные факты значимыми и по-разному организовывали материал.

Одной из первых книг, выпущенных Истпрофом Ленинградского совета профсоветов, был сборник материалов по истории профессионального движения в Петербурге в 1905–1907 гг. Его редактор и член Истпрофа ЛГСПС С.И. Груздев, описывая первые моменты восстания среди металлистов Путиловского завода, с гордостью пишет, что роль «застрельщика выпала на долю *питерских* пролетариев (курсив автора – *Р.Г.*)»⁹⁷. Бывший рабочий металлист Ф. Булкин в книге «История Петербургского союза металлистов», опубликованной Истпрофом Центрального комитета Союза рабочих металлистов в Москве, описывал те же события со схожей гордостью, но он смешал фокус с пространственного контекста на производственный: он подчеркивал, что именно рабочие-металлисты были катализатором восстания⁹⁸. Путиловцы были петербуржцами и металлистами одновременно, но эти их роли по-разному актуализировались в историях территориальных и производственных профорганизаций.

В плане соотношения территориальной и производственной логики интересен случай Истпрофтрана – Комиссии по изучению истории профессионального движения на транспорте. Истпрофтран был одним из самых активных Истпрофов, начал публиковать материалы еще до активизации работы комиссий других союзов в 1924–1925 гг. (первый сборник материалов Истпрофтрана вышел уже в 1922 г.). Уникальность этой комиссии также была в том, что она единственная из всех Истпрофов выпускала периодическое издание. Оно называлось «Бюллетень Истпрофтрана» (выпущено четыре номера в 1924–1925 гг.), в нем публиковались отчеты, планы, циркулярные письма и руководства для Истпрофов отдельных дорпрофсожей (местных отделов союза), издание распространялось среди них бесплатно. Ответственные за историю профсоюза

⁹⁷ Груздев С. Из истории проф. движения 1905 г. в Петербурге // Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л., 1926. С. 36.

⁹⁸ Булкин Ф. А. На заре профдвижения: История Петербургского союза металлистов. Л., М., 1924. С. 6.

транспортников в Ленинграде мало участвовали в работе Истпрофа ЛГСПС (ничего не публиковали в его сборниках, редко участвовали в совещаниях), однако представители ЦК Истпрофтрана, направленные из Москвы, работали в архивах города еще с 1922 г.⁹⁹ Книга А.З. Хаина «Пройденный путь» об истории Союза мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла была выпущена Истпрофтраном ЦК Союза транспортников, а не Истпрофом ЛГСПС или губотделом Истпрофтрана. Здесь виден сильный крен от территориального измерения в сторону производственного: история ленинградских транспортников была в намного большей степени включена во всесоюзную историю транспортников, чем в историю ленинградских профсоюзов. Этот крен может быть связан с тем, что в случае Истпрофтрана внутрисоюзная и межсоюзная иерархии не накладывались; он существовал как бы в параллельной плоскости относительно Истпрофов других профсоюзов. Структурные подразделения профсоюза железнодорожников не воспроизводили административной структуры советского государства, а делились на дорпрофсожи – профсоюзы отдельных дорог, проходивших по разным губерниям, и на узлы – крупные станции. Так, Ленинград был узлом сразу для нескольких отдельных дорпрофсожей, каждый из которых самостоятельно занимался своей историей.

Возможно, что активность Истпрофтрана помимо всего вышеперечисленного связана еще с одним фактором – с самой революционной историей союза железнодорожников. После Февральской революции они создали сильную организацию – Викжель, оказывавшую большое влияние на политику Министерства путей сообщения и Временного правительства в целом. Викжель во время Корниловского выступления организовал саботаж железнодорожников, преградив путь восставшим войскам на Петроград, и даже делал попытки создать свою вооруженную дружину¹⁰⁰. После Октябрьской революции Викжель занял позицию нейтралитета по отношению к новой власти, не вступая в Комитет спасения родины и революции, но при это не поддерживая большевиков. Для

⁹⁹ Отчет Истпрофтрана // Бюллетень Истпрофтрана. 1925. № 3, январь / февраль. С. 3.

¹⁰⁰ Сенин А. С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Воспрофжель... (1917–1918 гг.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2005. № 13. URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/7.shtml (дата обращения: 22.05.2018).

понимания политики Викжеля особое значение имеют протоколы московского совещания главных дорожных комитетов 13–15 ноября 1917 г. В своем вступительном слове председатель Викжеля левый эсер А.Л. Малицкий подчеркнул, что в железнодорожный союз входят представители разных партий и течений и поэтому он не мог стать на сторону какой-либо из борющихся сил: «Наша позиция нейтралитета оправдывается не партийными взглядами, а сознанием того, что нас выбрали как большевики, так и не большевики; и поэтому мы представляем как ту, так и другую сторону»¹⁰¹. В.И. Ленин уже в ноябре 1917 г. начал ставить нейтралитет Викжеля в кавычки, потому что «в дни революционной борьбы, когда каждая минута дорога, когда несогласие, нейтралитет дает возможность взять слово противнику... это не нейтралитет, революционер это назовет подстрекательством»¹⁰². Всероссийский союз транспортных рабочих, унаследовавший от Викжеля большую часть членов, имел в своем прошлом «темное пятно». Поэтому для него было особенно важным артикулировать свою историю – так, чтобы отделаться от репутации саботажников и пассивных контрреволюционеров.

Предположение о том, что «темные пятна» на репутации профсоюза стимулировали его исторические работы, подтверждается также примером союза сахарников. Его Истпроф издал сборник материалов и очерков так же, как и Истпрофтран в 1922 г. Во введении к нему говорилось, что «разбросанный по глухим деревням, темный, загнанный и забитый» рабочий сахарник поддался на время обману меньшевиков и эсеров, которые всю «заигрывали на два фронта – перед рабочими и буржуазией»¹⁰³. Статья, описывающая события революции и гражданской войны, где сахарники поддались пропаганде «соглашателей», предваряется тремя другими: «Сахарная промышленность в России», «Из истории техники сахарного производства в связи с применением труда в нем» и «Положение труда в сахарной промышленности в 1905–1916 гг.» В каждой из них

¹⁰¹ Викжель в Октябрьские дни. Протоколы московского совещания главных дорожных комитетов Европейской России 13–15 ноября 1917 г. Петроград, 1918. С. 4.

¹⁰² Ленин В. И. Речь по поводу заявления представителя Викжеля 18 ноября (1 декабря) : газетный отчет // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 98.

¹⁰³ От ЦК Союза сахарников // Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Киев, 1922. С. 5–6

на большом статистическом и архивном материале показывается, почему сахарники не достигли и не могли достигнуть необходимого уровня сознательности к 1917 году¹⁰⁴.

Сохранение, упорядочение и изучение союзных архивов с определенного момента становится одной из важнейших функций Истпрофов всех уровней. Причем они работают не только с историческими (до 1919 г.), но и с текущими архивами, как бы сшивая воедино историю и современность, разрушая границу между исследованием профсоюзов и осуществлением их непосредственной деятельности.

8–9 октября 1923 г. в Москве проходило большое совещание Истпрофов, в котором участвовали представители комиссий при ВЦСПС, шестнадцати центральных комитетов, Московского губернского совета профсоюзов. Среди прочих вопросов на нем обсуждали архивную работу профсоюзов. Докладчик М.Н. Заяц начал с критики настоящего положения дел – архивы союзов находятся в беспорядке, ими невозможно пользоваться ни исследователю, ни практику. М.Н. Заяц рассказывал о выработке «единой и научно обоснованной системы» архивной работы профсоюзов, которая объединит в себе исторический архив и текущее делопроизводство с помощью сквозной десятичной классификации. В ее основу было положено разделение материала по проблемам профессионального движения, а хронологические и территориальные критерии распределения материала отходили на второй план¹⁰⁵. Эта классификация организовывала материал вокруг современных направлений профсоюзной работы таких как бюджеты союзов, тарифная политика, агитационная и культурно-просветительская деятельность, съезды и конференции и так далее.

¹⁰⁴ Г. К-е. Сахарная промышленность в России // Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Киев, 1922. С. 11–27; Ю. Л. Из истории техники сахарного производства в связи с применением труда в нем // Там же. С. 28–35. М. Б. Положение труда в сахарной промышленности в 1905–1916 гг. // Там же. С. 36–60; Руткевич Н. Классовая и политическая борьба союза сахарников // Там же. С. 60–131.

¹⁰⁵ Заяц М. Н. Тезисы доклада «Архивная работа профсоюзов». // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–24.

Разработанный Истпрофом ВЦСПС классификатор был опубликован в Руководстве по делопроизводству профессиональных организаций¹⁰⁶, однако каждый отдельный союз должен был приспособить его под свою конкретную работу. В книге М. Гордона «Как изучать профессиональное движение» в качестве образцового приведен классификатор, разработанный для своего архива Истпрофом центрального комитета союза сахарников. Среди стандартных для всех остальных союзов вопросов этот классификатор включал пункты, касавшиеся только сахарников, например, пункт «02265. Сооружение аэроплана “Рабочий Сахарник”». В классификаторе материалы распределялись на четыре основные группы: общая работа, организационная работа, культурно-просветительная работа и тарифно-экономическая работа. Каждая из этих групп включала в себя по несколько десятков отдельных вопросов. Приведем небольшой отрывок из раздела, посвященного культурно-образовательной работе:

«207. Работа среди студенчества.

2070. Культурная работа.

2071. Профработа.

2072. Стипендии студентов.

20720. Ходатайства о зачислении на стипендии.

20721. Документы стипендиатов.

20722. Переписка»¹⁰⁷.

Хотя для постоянных архивов (на 1926 г. это документы 1917–1923 гг.) классификатор требовал особого применения – он делался менее дробным¹⁰⁸ – его логика продолжала действовать и в современности, и в истории. Прошлое здесь – материал для более эффективной работы, способ понять и объяснить текущее положение дел и принять правильное решение. Такой способ организации архивов показывает, что для профсоюзных работников прошлое не было «чужой страной». Наоборот, оно было неразрывно связано с современностью, оно было

¹⁰⁶ Руководство по делопроизводству профессиональных организаций. М., 1925. С. 49–62.

¹⁰⁷ Гордон М. Я. Как изучать профессиональное движение. М., 1925. С. 119.

¹⁰⁸ Инструкция о применении классификатора документов текущего делопроизводства для постоянного архива. 1926 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 65. Л. 7–8.

как бы «вплетено» в ее структуру. Прошлое не выведено в отдельный анклав, а пронизывало саму ткань современной жизни.

Такое отношение профсоюзов к собственным архивам привело к конфликту с Центральным архивным управлением (Центрахивом). По декрету Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела» (1 июня 1918 г.) все ведомственные архивы упразднились, а их документы включались в Единый архивный фонд, управлял которым Центрархив¹⁰⁹. Этот орган требовал от профсоюзов передавать на хранение документы по прошествии пятилетнего срока после выхода их из оборота. На том же совещании работников Истпрофов представитель ВЦСПС С.Я. Рапопорт выступал с объяснением, почему профсоюзы не должны передавать свои архивы в Единый архивный фонд. Во-первых, широкие задачи, которые стоят перед Центрархивом и ограниченность его средств и штатов не позволят ему уделить внимание, которого заслуживают документы по профдвижению. Во-вторых, специалисты Центрархива по большей части – это те же дореволюционные архивные чиновники, которые разбираются в архивоведении, но не имеют представления об истории профсоюзов, поэтому могут допустить много ошибок в обработке союзных документов. В-третьих, архивы нужны профсоюзам для решения практических задач – изучение удачных и неудачных организационных форм, форм соглашения с работодателями в прошлом должно давать опыт для будущей работы. С.Я. Рапопорт говорил, что историки профдвижения не являются «специалистами историками (профессорами), а практиками профдвижения» и близость к архивным фондам является для них необходимым. Архивы рассматривались как часть единого комплекса, «лаборатории изучения профдвижения и выработки методологии работы», состоявшей также из кабинета, фундаментальной библиотеки и музея¹¹⁰. Существование такой «лаборатории» без архива представлялось работникам профсоюзов невозможным.

¹⁰⁹ Декрет о реорганизации и централизации архивного дела. 1 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 383.

¹¹⁰ Протокол совещания работников Истпрофов ВЦСПС, ЦК союзов, губотделов, МГСПС по запросам истории профдвижения в России. 8–9 октября 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

После долгих дискуссий работники Истпрофов решили предложить компромиссное решение, которое было поддержано Президиумом ВЦСПС и впоследствии принято Центрархивом. Профсоюзы соглашались на передачу своих документов в Единый архивный фонд, но лишь при соблюдении следующих условий:

1. При Центрархиве создается специальный отдел профдвижения, заведующий которым назначается президиумом ВЦСПС по соглашению с коллегией Центрархива.

2. В Коллегию Центрархива вводится представитель ВЦСПС с правом решающего голоса.

3. Отдел профдвижения помещается в здании Дворца труда.

4. Время и порядок передачи союзных архивов определяется Президиумом ВЦСПС по соглашению с Центрархивом в зависимости от подготовленности этих отделов к передаче, а Центрархива и его местных органов к приему¹¹¹.

Таким образом, профсоюзы передавали свои архивы в Единый архивный фонд лишь институционально (да и то с большими ограничениями), физического же их перемещения не производилось, сами папки с документами, описи и картотеки оставались во Дворце труда на Солянке, 12. Не изменилась и система классификации документов – она по-прежнему основывалась на отдельных вопросах профдвижения. Они оставались вписанными в институциональную структуру профсоюзов, не будучи выведены в специальный анклав для прошлого, профсоюзные архивы остались частью современности и продолжили на нее работать. Говоря метафорически, профсоюзы не позволили «сдать в архив» свои архивы.

Говоря о включенности Истпрофов в иерархию, мы не должны рассматривать ВЦСПС как высшую точку, в которой все линии подчинения сходились. Профсоюзы после неудачных попыток отвоевать себе право на участие в управлении экономикой стали играть «школы коммунизма» для рабочих, подчиняясь руководящей роли партии. Причем, партия не была чем-то

¹¹¹ В Коллегию Центрархива (проект). 13 ноября 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 26. Л. 51.

внешним по отношению к профсоюзам. Все важнейшие посты в них занимали большевики, принципиальные решения принимались в коммунистических фракциях профсоюзных организаций, а на общее обсуждение выносились уже готовые программы. Подчиненное положение профсоюзов закреплялось и в историческом нарративе. В первом сборнике «Материалов по истории профессионального движения», продолжающегося издания Истпрофа при ВЦСПС, редакция пишет, что существует большая лакуна в историографии по истории профсоюзов, тогда как по истории политической борьбы рабочих уже много в литературе сделано. Объяснение этого не в неправильном распределении сил на научном фронте, а в самих «условиях развития рабочего движения в России», которое существовало в условиях «крепостнически-полицейского» режима, лишавшего рабочих всяких возможностей для отстаивания своих интересов. «Это обстоятельство с неизбежностью выдвигало во главу угла рабочего движения политическое раскрепощение страны. Основная задача поглощала почти всю его энергию и привлекала к себе силы всех его передовых элементов»¹¹². Диспропорция в историографии отражала положение дел в истории – впереди шла политическая борьба, тогда как профессиональное движение всегда было только ее подспорьем.

С точки зрения приоритета политической борьбы перед профессиональным движением в революционной истории показательным является пример профсоюза металлистов, «передового отряда пролетариата». Истпроф этого крупнейшего объединения рабочих был далеко не самым активным на фоне других, куда более скромных объединений (это видно даже в количестве изданий, выпущенных Истпрофами металлистов – см. Приложение А). Однако при этом история этого профсоюза часто попадала на страницы историко-партийной печати. А.Ф. Булкин, ответственный за «историческую работу» у петроградских металлистов, написал обстоятельную статью о профсоюзе и опубликовал ее в трех номерах журнала «Красная летопись», органа Петроградского бюро Истпарта¹¹³. Рассказывая

¹¹² От редакции // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 3.

¹¹³ Булкин Ф. Союз металлистов и департамент полиции // Красная летопись. 1922. № 5. С. 252–268; Его же. Департамент Полиции и Союз металлистов (продолжение) // Там же. 1923.

историю своего профсоюза в сборнике Истпрофа ЛГСПС, Булкин признает, что Петербургский союз рабочих металлистов возник позже многих других объединений даже небольших отраслей. Однако это не вина металлистов, а наоборот – показатель их сознательности, потому что в годы первой русской революции «металлисты отдавали значительные силы политической борьбе, тратя на нее почти всю свою энергию»¹¹⁴.

В 1930 г. сеть Истпрофов была упразднена, а ее материалы переданы в Коммунистическую академию. Это событие было непосредственно связано с жизнью партии, потому что являлось одной из мер борьбы против «правой оппозиции» в профсоюзах и одного из лидеров М. П. Томского.

В 1931 г. в Институте истории Коммунистической академии, в который были переданы материалы Истпрофов после их закрытия, состоялось несколько заседаний, посвященных обсуждению опыта комиссий и их критике. Ефим Абрамович Мильштейн (историк нового поколения, получивший образование на факультете общественных наук МГУ и в Институте красной профессуры) в своем докладе «О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР» напрямую связывал «меньшевистствующую» деятельность Истпрофов с «правооппортунистическим уклоном» бывшего руководства профсоюзов. Одной из ключевых теоретических установок профсоюзных историков 1920-х гг., определявших стратегию сбора и публикации материалов, была идея о том, что факты можно отделить от их интерпретации и от идеологии. Поэтому в изданиях Истпрофов появлялись тексты политических противников большевиков, которые давали фактам «неправильное» освещение, но сами сообщаемые факты были ценны, поэтому заслуживали публикации. Е.А. Мильштейн проводил параллели между этим подходом и ошибками М.П. Томского и приходил к выводу, что неправильная историография профессионального движения является прямым результатом «правого уклона» профсоюзного руководства¹¹⁵.

№ 8. С. 220–234; Его же. Департамент Полиции и Союз металлистов (окончание) // Там же. 1923. № 9. С. 125–163.

¹¹⁴ Семенов-Булкин Ф. Петербургский союз металлистов в 1906–1907 гг. // Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л., 1926. С. 137.

¹¹⁵ Тезисы доклада Е. Мильштейна "О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР", утвержденные Высшей школой профдвижения и бюро секции истории

Эти факты способствуют тому, чтобы объяснять историю профсоюзного историописания в политических терминах постепенного «сползания в тоталитаризм». Однако нельзя упускать из виду, что эти политические процессы происходили в конкретных институциональных контекстах. Изучение профессионального движения в 1920-е гг. происходило в рамках самих профсоюзов. Сбор и обработка материалов, публикация сборников и статей, методологические дискуссии проводились, в основном, самими профсоюзными работниками. Работа Истпрофов пронизывала сложную структуру профсоюзов насквозь, прошлое не было выведено в отдельный анклав, но было частью повседневной работы. Когда в 1930 г. история профессионального движения была инкорпорирована в структуру Коммунистической академии, происходит важный сдвиг: теперь профсоюзной историей занимаются профессиональные историки, для которых она – лишь отдельный сюжет общей истории рабочего движения. Этот факт необходимо рассматривать как возврат к профессионализации знания. Коммунистическая академия представляла собой специализированный научный институт, производивший знание по всем областям знания об обществе. В нем работали исследователи-профессионалы. Истпрофы в свою очередь создавали историю профсоюзов для самих профсоюзов и были тесно с ними связаны. В них трудились сами профработники, а методы их работы находились в зависимости от того места, которое занимали профсоюзы в структуре институтов советской власти. Этому посвящена следующая глава.

2 МЕТОДОЛОГИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

2.1 Профсоюзное дисциплиностроительство

Особенностью творчества работников Истпрофов было то, что они много думали и писали о своих теоретических установках. Они обсуждались на собраниях комиссий, работники обменивались мнениями и дискутировали. Почти каждый сборник материалов или монография предварялась предисловием, в котором автор(ы) объясняли читателю свои методы и подходы к материалу. Истпрофы образовывали сеть, состоявшую из во многом самостоятельных комиссий, которые организовывались не из центра, а каждой профорганизацией самостоятельно. В одних местах исторической работой занимались опытные участники профессионального движения, в других – молодые активисты, где-то Истпрофы контролировались коммунистическими фракциями профорганизаций, а где-то главную роль играли беспартийные или даже бывшие меньшевики, многие профсоюзные историки имели неплохое образование и опыт работы с документами, хотя были среди них и выходцы из рабочей среды. По причине того, что работники Истпрофов не были профессионалами, то есть не имели общего для всех набора знаний и умений, руководящие центры сети должны были не только формулировать цели и задачи работы, но и подробно разъяснять методы работы, процедуры сбора и обработки материала, способы его анализа и публикации материалов.

Наиболее последовательной попыткой выстроить теоретическую основу истпрофовской работы в форме, доступной рядовым профработникам, стала книга Макса Яковлевича Гордона (1892–1942) «Как изучать профессиональное движение», вышедшая в 1925 г. М.Я. Гордон, как и большинство работников Истпрофов, не был профессиональным историком. Он получил образование в Петроградском институте высших коммерческих знаний, где начал заниматься теоретической разработкой разных практических областей: финансового права, городского хозяйства, статистики, профессионального движения, писал статьи по архивоведению, составлял библиографии. В 1920 г. М.Я. Гордон был зачислен в

Петроградский университет по кафедре финансового права, но диссертацию так и не защитил. Преподавал политэкономия, исторический материализм, историю профдвижения на рабфаках, курсах политграмоты, в профшколах¹¹⁶. М.Я. Гордон работал в Истпрофе при Ленинградском совете профсоюзов с момента его основания в 1923 г. и продолжил в нем сотрудничать уже после передачи его в Ленинградское отделение Коммунистической академии в 1930 г.

Книга М.Я. Гордона представляет собой примечательную попытку обосновать новую дисциплину – учение о профессиональном движении – и описать основные ее элементы, организационные принципы и методы работы. Исходным тезисом М.Я. Гордона является пролеткультовская идея о том, что наука имеет классовый характер: у буржуазии она одна, а у пролетариата – другая. К. Маркс и Ф. Энгельс заложили основы пролетарской науки, которая развивалась в ходе революционной борьбы, а теперь, когда власть принадлежит рабочим, она переживает расцвет и усложняется: «Мы знаем, как много наук (специальных, вспомогательных и др.) имеется в буржуазном обществе; то же самое мы видим в феодальном обществе в эпоху его наивысшего развития (вспомним средневековую схоластику с ее многочисленными дисциплинами). [...] Пролетарская революция в России обеспечила быстрое и мощное развитие боевой пролетарской науки. Исторический материализм, ленинизм, экономика труда, история партии, рабочее движение и т.д. – все это теперь самостоятельные предметы изучения, под сенью пролетарской диктатуры эти предметы совершенствуются и уточняются»¹¹⁷.

Само учение о профессиональном движении также подразделяется на три основные «частные дисциплины»: организационное строительство, тарифно-экономическая и культурно-просветительная работа. Эти три направления являются непосредственным лекалом со структуры самих профорганизаций, в каждой из которых были организационный, тарифно-экономический и культурно-просветительный отделы, что ярко показывает «вплетенность» этой науки в жизнь профсоюзов. Помимо основных дисциплин науки о профессиональном

¹¹⁶ Гордон М. Я. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры : биографический словарь. СПб., 1999. С. 359.

¹¹⁷ Гордон М. Я. Как изучать профессиональное движение. М., 1925. С. 4.

движении М.Я. Гордон выделяет также вспомогательные: изучение предпринимательских организаций и штрейкбрехерских союзов. Они не менее важны для исследователя, чем настоящие пролетарские организации, потому что «правильно руководить борьбой рабочих масс можно только в том случае, если мы знаем структуру и силу наших противников»¹¹⁸.

Учение о профессиональном движении подразумевало использование общего для всех наук диалектического метода, однако применяться он должен был особым, сообразным с предметом исследования, способом. М.Я. Гордон в своем руководстве дает сначала общие диалектические законы, а потом показывает, как они должны применяться в изучении профессионального движения. Общие законы и их конкретные применения образовывали следующие пары:

Изучать действительность во всей ее полноте. Помнить о всеобщей связи	Профессиональное движение изучается в связи с экономико-политическими условиями
Изучать в движении	История профессионального движения не есть одно лишь описание явлений в хронологическом порядке; без объяснения причинно-зависимостей здесь обойтись нельзя
Помнить, что нет отвлеченной истины, что истина конкретна	Нельзя создавать правил и определений, годных для всех времен и народов
Не разрывать теорию и практику. Не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие	Учение о профессиональном движении выросло из потребностей классовой борьбы и пролетарской диктатуры ¹¹⁹

С одной стороны, за каждым из этих четырех пунктов стоит представление об общественном мире как о сложно устроенном единстве, разделение которого на части в синхронной или же диахронной плоскости в той или иной мере искусственно. Однако с другой стороны, несмотря на необходимость следовать диалектическому методу в изучении профессионального движения так же, как и в физике или политэкономии, он применяется в этой области специфическим образом, и это требует отдельного обсуждения.

Попытки сформулировать диалектическую триаду тезис-антитезис-синтез в изучении профессионального движения вызвали дискуссию между партийными и профсоюзными работниками Сергеем Владимировичем Гиринисом и Василием

¹¹⁸ Гордон М. Я. Как изучать профессиональное движение. М., 1925. С. 21.

¹¹⁹ Там же. С. 23–24.

Яковлевичем Яроцким. С.В. Гиринис сформулировал диалектическую триаду организационных форм профессионального движения таким образом: первый этап (тезис) – узко-цеховые союзы подмастерьев; второй (антитезис) – универсализм, то есть единые союзы без разделения по профессиям и производствам («Великий консолидированный рабочий союз» Роберта Оуэна в Англии или «Северно-русский рабочий союз» Степана Николаевича Халтурина и Виктора Павловича Обнорского в России); и третий этап (синтез) – собственно профессиональные союзы и их межсоюзные объединения. С.В. Гиринис следует закону перехода количества в качество: явления развиваются не только и не столько за счет постепенных количественных изменений, сколько за счет революционных скачков. Профессиональные союзы не являются наследниками союзов подмастерьев (такой взгляд С.В. Гиринис называет «постепеновщиной»), их разделяют революционные разрывы, когда старые формы разрушались новыми¹²⁰.

С С.В. Гиринисом спорил В.Я. Яроцкий, который говорил, что полностью отбросить исследование эволюции нельзя, потому что диалектическая триада заметна только на длительных исторических периодах, а более конкретные исследования так или иначе должны анализировать постепенные количественные изменения¹²¹.

Предмет этой специальной науки – профессиональное движение – определялся Гордоном как борьба за возможность объединяться в профессиональные союзы, попытки их организации, связь их с партией, роль в экономической и политической жизни. Если в определении понятия «профессиональное движение» М.Я. Гордон выражал в книге общее мнение, то вокруг вопросов о том, что такое профсоюз и где искать его истоки, разгорелись жаркие дискуссии¹²². Следуя диалектическому методу, М.Я. Гордон критикует попытки других теоретиков дать универсальное для всех времен и стран

¹²⁰ Гиринис С. В. Что такое профессиональный производственный союз. М., 1925. С. 10.

¹²¹ Яроцкий В. Я. Введение в изучение профессионального движения. М., 1925. С. 30.

¹²² Дискуссия об истоках профессиональных союзов была организована Истпрофом при ВЦСПС в 1923 г. Подробнее о ней в третьей главе.

определение профсоюза: классики Сидней и Беатриса Веббы в своем определении обобщают опыт английских тред-юнионов, Зигфрид Нестрипке – немецких, В.Я. Яроцкий удачно описывает «боевые», высокоразвитые российские профсоюзы, но его определение не подходит для ранних этапов европейского профессионального движения. В разные эпохи профсоюзы имеют разные задачи и характер, поэтому М.Я. Гордон дает целых три определения: отдельно для периода свободной конкуренции, периода финансового капитализма и периода пролетарской диктатуры.

Важнейшим способом легитимации учения о профессиональном движении было его практическое значение. С одной стороны, изучение профессионального движения имеет большое образовательное и воспитательное значение. Оно является ключевым элементом программ профшкол и профкурсов, на которых получают подготовку профсоюзные активисты, а также способствует повышению сознательности рядовых членов профсоюзов и расширению их кругозора. Причем, рядовые работники союзов не должны были оставаться лишь пассивными «потребителями» знания, но и активными его производителями. Институт исторических корреспондентов – исткоров – был призван вовлекать в исследовательскую работу широкие массы сначала как поставщиков исторического материала. Они должны были помогать сотрудникам Истпрофов собирать воспоминания рабочих, организовывать агитационные «исторические кампании» на заводах. Функция института исткоров заключалась не только в оказании помощи активистам-историкам, но и в преодолении разрыва между наукой и жизнью массы. М.Я. Гордон писал: «Прошло то время, когда наука противопоставлялась «народу», а ученые гордо замыкались в своих кабинетах. Времена жречества миновали безвозвратно. Пролетариат сам научится писать свою историю! Первый шаг к этому – создание сети исткоров»¹²³. С другой стороны, изучение профессионального движения полезно в непосредственной повседневной работе профсоюзных работников. Она позволяет им опираться не

¹²³ Гордон М. Я. Как изучать профессиональное движение. М., 1925. С. 100. Насколько институт исткоров был работающим на деле – это открытый вопрос. В документах Ленинградского Истпрофа и Истпрофа при ВЦСПС они почти не упоминаются.

только на свой личный опыт, но и на опыт других работников, обобщенный в теории или же взятый «сырым» из истории профессионального движения.

Процесс специализации дисциплин обычно сопровождается процессом профессионализации: складывается определенный набор знаний и навыков, которыми должен обладать специалист в данной области. Формируются институты, факультеты и кафедры, которые этих специалистов готовят. В случае науки о профсоюзах, которую обосновывает М.Я. Гордон, специализация и профессионализация не совпадают. В приведенных здесь цитатах из его книги хорошо виден тот язык, на котором М.Я. Гордон обращался к читателю. Это очень простой язык, в нем нет специальной терминологии, аргументация здесь иногда подменяется лозунгами, а диалектика сведена к четырем простым правилам. Наука о профессиональном движении – это пролетарская наука, она должна быть понятна массе и должна делаться самими рабочими.

М.Я. Гордон пишет о профессиональном движении как об отдельной сфере общественной жизни, которая требует отдельного изучения, имеет отдельную периодизацию и отдельную методологию. В то же самое время, в Социалистической академии, наиболее ортодоксальном марксистском обществоведческом научно-исследовательском институте 1920-х гг., развивается противоположное видение вектора развития науки в социалистическом обществе: она должна преодолеть разобщенность школ и направлений и быть объединена общим для всех исследователей марксистским методом. Один из руководителей академии Евгений Алексеевич Преображенский в первом номере «Вестника Социалистической академии» писал, что задачей этого института является преодоление бессистемности и анархизма общественных наук в буржуазном обществе, где гуманитарии представляют собой «идеепроизводителей» и конкурируют друг с другом наподобие производителей товаров. Социалистическая академия в эпоху пролетарской диктатуры должна стать своего рода Госпланом для наук об обществе, объединить усилия марксистов, разбросанных по разным институтам и комиссариатам. Единство метода дает исследователям разных общественных дисциплин общую и прочную основу, именно оно делает их настоящими учеными.

Е.А. Преображенский писал: «Марксизм [...] железной метлой выметает произвол и игру в “школе” в сфере права, истории, науки об идеологии, политической экономии и социологии и ликвидирует тот разброд в основных вопросах, который социально отображает противоречие интересов внутри самого буржуазного целого. В своих исследованиях он применяет один и тот же метод, метод исторического материализма в истории и руководствуется основами экономического учения автора “Капитала” в области исследования хозяйственных проблем»¹²⁴.

Утверждение науки о профессиональном движении в качестве отдельной дисциплины М.Я. Гордоном не противоречило напрямую программе Е.А. Преображенского. Стремление рационализировать и упорядочить научное производство было общим для руководителей Истпрофов и Социалистической академии стремлением. Однако очевидна разнонаправленность этих проектов. Развитие науки о профессиональном движении вписывается в традицию дисциплиностроительства – специализации отдельных отраслей знания и становления их институтов, процесса, активно менявшего облик европейской академии с конца XVIII века. Семинарская система и выработка специфических приемов работы в каждой их дисциплин производит гуманитариев нового типа – специалистов в узких областях, посвящающих свои жизни исследованию одного или нескольких сюжетов.

Формирование дисциплин с четко разделенными предметами и методами исследования контрастировало с нововременным идеалом энциклопедической учености, в основе которого лежал принцип единства знания. И несмотря на очевидные успехи именно первой, дисциплинарной, тенденции, далеко не все ученые принимали такое положение дел за абсолютное благо¹²⁵. Марксизм,

¹²⁴ Преображенский Е. А. Ближайшие задачи Социалистической академии // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 6.

¹²⁵ Подробнее об этом см.: Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М., 2015; в особенности статьи следующих авторов: Дмитриев А. Н. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках (С. 7–39); Дастон Л. Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания. (С. 105–124); Тоштендаль Р. Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.). (С. 349–373).

приобретший статус своего рода мета-метода в Советском Союзе, проходил сквозь границы дисциплин и отдельных областей знания, навязывая специалистам общий язык. В нем воплощалось единство знания, потерянное для специалистов в узких областях.

2.2 Научность истории профессионального движения и методы работы с фактами

Одной из системообразующих для работы Истпрофов установок была идея о том, что процесс исследования прошлого должен четко разделяться на два этапа: на первом происходит сбор и обработка фактического материала; лишь после этого на его основе начинается написание аналитической истории, в которой авторы начинают говорить о причинно-следственных связях, закономерностях и дают оценки событиям и историческим деятелям. До этого нужно позволять фактам говорить самим за себя. Несмотря на известный утопизм этой программы, она оказала большое влияние на способы работы с источниками, на организацию и приоритеты работ, на издательскую стратегию Истпрофов.

В первом сборнике «Материалов по истории профессионального движения», центрального печатного органа Истпрофа ВЦСПС, были опубликованы две программные статьи его руководителей В. Я. Яроцкого и Ю.К. Милонова. В.Я. Яроцкий анализировал имеющуюся очень небольшую литературу по истории профсоюзов. Он писал, что одна часть ее дает читателю хороший фактический материал, а другая – некую «руководящую нить», но она то и дело обрывается, потому что авторам нечем доказать наличие связи между отдельными явлениями в повествовании. Таким образом, В.Я. Яроцкий в сфере исследований профессионального движения видит две главные задачи: нужно, с одной стороны, дать *«изображение подлинной картины, восстановление фактов»*, а с другой стороны – *«критическое, проверенное освещение* этим

фактам... *перспективу*, в какой эти факты вырисовываются»¹²⁶ (везде курсив автора. – Р.Г.).

Ю.К. Милонов писал уже о более конкретных вещах – о том, какой центр тяжести принимает работа Истпрофов на начальном этапе. Он утверждает, что для верного изложения событий прошлого недостаточно быть историческим материалистом, необходимо также следовать основным историческим методам, иначе работа не будет иметь «научной выдержанности», а «в худшем случае, это будет использование фактических материалов для доказательства правильности или ошибочности определенной политической позиции»¹²⁷. Чтобы избежать такой ситуации, первым шагом должно стать «бесспорное установление фактов» прошлого. По возможности, нужно дать все, даже самые мелкие детали. Именно с этого должно начинаться исследование любого предмета, поэтому первой и ключевой задачей Истпрофов Милонов ставит именно сбор данных, их систематизацию и публикацию. Только *после* этого можно будет начать теоретический анализ, критику и выяснение общих законов развития профессионального движения.

Несмотря на то, что истпрофовский акцент на фактах выглядит позитивистским, он не противоречил марксистской методологии, а был развитием определенной ее версии. Чтобы обозначить ее специфику, обратимся к тому контексту, в котором проходила работа Истпрофов.

Через несколько месяцев после смерти В.И. Ленина в СССР вышли в свет две книги с похожими названиями – «Ленин как историк партии и революции» Григория Лелевича и «Ленин-историк. Историзм в ленинизме» Вадима Александровича Быстрянского. Оба автора подчеркивали, что В.И. Ленин пользовался историей для политики, основывая свои политические решения и свою позицию в дискуссиях на «истории вопроса». Несмотря на всю схожесть этих текстов, было одно важное различие: В.А. Быстрянский и Г. Лелевич по-разному отвечали на вопрос, что именно позволяло В.И. Ленину так безошибочно

¹²⁶ Чекин А. (Яроцкий В.Я.) Задачи изучения российского профессионального движения // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 9.

¹²⁷ Милонов Ю. К. Основные проблемы историографии профессионального движения в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 18.

оценивать современную историю и принимать на основе этой оценки верное политическое решение. Г. Лелевич писал, что В.И. Ленин умел найти и мастерски обработать «сырой фактический материал»: «Многим любителям сногшибательных гипотез и априорных обобщений следовало бы, на примере этой классической статьи В.И. Ленина [«Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», 1919], поучиться, как у историка обобщающим выводам должен предшествовать кропотливый и внимательный анализ цифрового и фактического материала»¹²⁸. В.А. Быстрянский, в свою очередь, писал: «Гений Ленина позволяет ему решать самую трудную для марксиста задачу – ориентироваться в современной истории, когда нет и не может быть еще налицо того фактического материала – статистического и документального, – который позволяет историку вскрывать подлинную физиономию давно минувших событий»¹²⁹. И Г. Лелевич, и В.А. Быстрянский предполагали, что для правильной интерпретации истории необходимо быть хорошим марксистом и иметь необходимые данные. Однако Г. Лелевич предлагал поучиться у В.И. Ленина «кропотливому и внимательному анализу материала», а В.А. Быстрянский говорил, что хороший марксист может без этого обойтись, потому что «марксизм историчен по своему существу»¹³⁰.

Что важнее – правильное видение целого, теория или внимание к конкретным фактам? Для советских историков-марксистов этот вопрос не был решен однозначно. В хорошо знакомой им книге «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс, с одной стороны, писал, что в основе познания должен лежать диалектический метод, то есть рассмотрение мира в его целостности и изменчивости. Выделение любого частного факта из его «естественной или исторической связи» является искусственной операцией. С другой стороны, он утверждал, что именно разложение природы на её отдельные части было основным условием тех «исполинских успехов», которые были достигнуты в области познания природы в Новое время¹³¹. Именно опора на «реальные факты» делала учение К. Маркса

¹²⁸ Лелевич Г. Ленин, как историк партии и революции. М. ; Л., 1925. С. 47–48.

¹²⁹ Быстрянский В. Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925. С. 7.

¹³⁰ Там же. С. 20.

¹³¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг : [переворот в науке, произведенный т. Евгением Дюрингом]. М. ; Петроград, 1923. С. 46.

научным социализмом и отличало его от предшественников социалистов-утопистов Анри Сен-Симона, Шарля Фурье и Роберта Оуэна. Идеи и выводы К. Маркса основывались не на фантазии, не на личном опыте или особенностях характера, а были необходимым следствием из самих фактов социальной и природной жизни.

Для Ф. Энгельса анализ и синтез – два отдельных этапа познания, причем анализ должен предшествовать синтезу, общая картина должна выводиться из отдельных фактов. Он пишет в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» следующее: «Только после того как естественнонаучный и исторический материал до известной степени собран, можно приступить к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды»¹³².

Это противоречие между индуктивным подходом, ставящим в основу познания изучение отдельных фактов, и дедукцией, которая подходит к частному через видение общего, оказало огромное влияние на процесс формирования советского революционного нарратива. Обе эти познавательные установки в 1920-е гг. были вполне легитимными, трактовались как вполне марксистские и научные.

Так, М.Н. Покровский в своих лекциях говорил, что читателю книги буржуазного историка недоступны факты. То, что видит читатель – это только результат искажения реальности в кривом зеркале буржуазной идеологии: «Это вовсе не факты... Это *идеология*, т. е. отражение фактов – я не знаю, как сказать – в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью. Все идеологии состояются из кусочков действительности, совершенно фантастической идеологии не бывает, и между тем всякая идеология есть кривое зеркало, которое дает вовсе не подлинное изображение действительности...»¹³³.

Также М.Н. Покровский пишет о том, что идеологически искажена не только литература, но и сами источники. Участники исторических событий занимали в них разные стороны и позиции, поэтому те факты, которые они

¹³² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Киев, 1917. С. 4.

¹³³ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов : историографические очерки, критические статьи и заметки. М., 2012. Т. 1. С. 10.

сообщали, преломлялись через их идеологию. Мы почти все время смотрим на прошлое глазами представителей правящих классов, и, если мы хотим увидеть в прошлом угнетенных, мы должны постоянно делать поправку на оптику наших источников. Факты в изложении Покровского не формируют общую картину, а сами преломляются в кривом зеркале идеологии, они больше не основа теории, а объект искажения.

При этом, в другом месте М.Н. Покровский пишет об идеологии К. Маркса¹³⁴. Значит, для него идеология могла быть не только «кривым зеркалом», но и «увеличительным стеклом», позволяющим увидеть то, что невооруженный глаз пропускает. Факты всегда преломляются через политическую линзу, но могут преломляться как правильно, так и неправильно.

Работники Истпрофа ставили проблему идеологического искажения совсем не так, как М.Н. Покровский. В.Я. Яроцкий писал, что главная проблема большей части историографии профессионального движения в том, что авторы подходят к материалу «не как историки, а как практикующие политики». Так, например, согласно В.Я. Яроцкому, меньшевик В.П. Гриневич, который был председателем ВЦСПС в 1917 г., построил всю свою книгу «Профсоюзное движение в России» как оправдание собственных политических ошибок. «И вместо анализа роли условий классовой борьбы в этой работе мы получаем... политический памфлет...»¹³⁵ – писал В.Я. Яроцкий. Важно подчеркнуть, что В.Я. Яроцкий критиковал не столько меньшевизм М.Н. Гриневича, сколько саму его вовлеченность в политическую повестку изучаемого им явления. В.Я. Яроцкий, в отличие от М.Н. Покровского, стремился не к правильной настройке идеологической оптики, а к ее полному устранению.

Позиция В.Я. Яроцкого была следствием тех принципов, которые были приняты в качестве «Основных положений работы Истпрофов». Они гласили: «Фактические данные не должны носить характера иллюстрации тех или иных

¹³⁴ Там же. М., 2012. Т. 2. С. 98.

¹³⁵ Чекин А. (Яроцкий В. Я.) Задачи изучения российского профессионального движения // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 11.

утверждений автора, а наоборот должны выступать в роли материала, для делаемых им обобщений и выводов»¹³⁶.

«Основные положения...» утверждали, что научное познание истории однонаправленно: оно движется от частного к общему. Если же такой порядок нарушен, если факты подчиняются предрассудку, то вместо истории получится «политический памфлет». Именно этот «радикальный индуктивизм»¹³⁷ определил развитие исторических занятий Истпрофов – их работу можно разделить на два достаточно четко отделенных этапа: в первый период (1921–1928 гг.) происходит аккумуляция источников, а с 1928 г. начинается их синтез и подготовка к написанию общей истории профессионального движения. Однако большого объема работы на втором этапе комиссиям сделать не удалось. В 1930 г. вся сеть Истпрофов была упразднена.

М.П. Томский в своем кратком выступлении на Пятой всероссийской конференции 7 ноября 1920 г., посвященном организации сети исторических комиссий в структуре профсоюзов, мотивировал это начинание тем, что, несмотря на наличие большого количества материала, до сих пор «приходится писать об истории профессионального движения из головы, по памяти, на основании тех материалов, которые имеются в квартире»¹³⁸. М.П. Томский в данном случае ссылаясь на свой личный опыт – незадолго до конференции вышла его брошюра «Очерки профессионального движения в России», дававшая на восьмидесяти страницах общий абрис истории профсоюзов. Свою книжку он назвал «суррогатом» и заявил, что к ней приходится прибегать лишь за неимением лучших пособий по истории профсоюзов¹³⁹. Таким образом, отправной точкой работы Истпрофов

¹³⁶ Основные положения работы Истпрофов [Без даты. Не позднее конца 1923 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

¹³⁷ Термин Имре Лакатоса. Он им описывает установки теоретиков науки, которые считают, что истинными являются лишь твердо установленные факты и теории, напрямую выводимые из них. В рамках этого подхода невозможно поставить вопрос об отборе фактов, поэтому Лакатос называет его утопическим. См.: Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки : из Бостонских исследований по философии науки : сб. пер. / под ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М., 1978. С. 205–206.

¹³⁸ Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.) : стенограф. отчет. М., 1921. С. 177–178.

¹³⁹ Там же. С. 178. Несмотря на такую скромность Томского, его работа переиздавалась в 1920-е гг. шесть раз почти без изменений.

была «пустота» имевшегося у профсоюзов исторического нарратива. Он был слишком общим, схватывал только самые ключевые моменты движения.

Говоря о задачах комиссии, редакция первого сборника «Материалов по истории профессионального движения» (1924), основного печатного органа Истпрофа при ВЦСПС, писала, что конечной целью ее работы является «появление ряда научно-литературных работ, в частности – общей истории профессионального движения в России, дающих не только изложение самого хода развития, но и выявляющих те основные моменты, которые определили тот, а не иной ход развития»¹⁴⁰. Однако для достижения этой цели необходимо проделать большую работу, значительное место в которой «должно занимать простое сообщение проверенных и обоснованных фактических данных. Более того, поскольку мы твердо усваиваем то положение, что предстоящий на ближайшее время период работы есть период накопления фактического материала для будущих историков-исследователей, ставящих себе более широкие задачи, постольку эта часть работы будет вообще выдвигаться в первую очередь»¹⁴¹. Тезис о том, что ближайшая работа связана с накоплением материала для будущего «настоящего» историка, повторяется из введения во введение изданий самых разных органов Истпрофов.

Помимо накопления материала для составления научной истории профессионального движения, для нее было полезно и само временное удаление «будущего историка» от описываемых событий. В предисловии к протоколам и материалам IV Всероссийской конференции профсоюзов редакция писала: «Безошибочно определить историческое значение какого-нибудь события общественной жизни можно только после того, как это событие отодвинулось в область отдаленного прошлого. В тех случаях, когда еще не порвались нити, связывающие ту или другую группу фактов с настоящим, правильная историческая оценка является редким исключением. Здесь всегда есть опасность произвольно подменить действительный смысл событий желательным их

¹⁴⁰ От редакции // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 4.

¹⁴¹ Там же.

толкованием. По мере же того, как факты уходят в прошлое, такая опасность становится все меньше и меньше. Вот почему история пишется всегда гораздо позже, чем делается»¹⁴².

Работники Истпрофов не ощущали себя отделенными от изучаемых ими явлений. История профсоюзов не была пока прошлым, но оставалась в поле самого что ни на есть настоящего. И как современники (или почти современники) революционной истории их роль заключалась в том, чтобы сохранить как можно больше «фактов» в отчетах, описаниях, фотографиях, рисунках и документах. Конечно, 1924 г. был отделен от 1918 г., написать заново, более полно, протокол конференции было нельзя. Но можно было собрать хотя бы то, что сохранилось и добавить к этому материалы из современной печати, причем так, «чтобы эти статьи дали всестороннее освещение обсуждавшихся на конференции вопросов. Поэтому здесь сохраняется строгая политическая симметрия – в равной мере представлены позиции всех течений»¹⁴³. В 1924 г. работники Истпрофов не считали себя в праве решать, кто был прав, а кто ошибался в 1918 г., поэтому должны привести позиции всех сторон.

Профсоюзные историки были чуть смелее, рассуждая о событиях ранней революционной истории. Например, если говорить о революции 1905 г., то в ее описаниях явно присутствует тяготение к тому, чтобы открыто давать оценки происходившим событиям. Это связано с тем, что по отношению к событиям двадцатилетней давности работники Истпрофов были уже почти «будущим историком», потому что ту или иную точку зрения уже можно подтвердить «безоговорочно всем ходом последующих событий»¹⁴⁴. Коллектив Истпрофа Союза печатников в сборнике о революции 1905 г. ставит себе намного более претенциозную цель, чем просто собирать «факты» для будущих историков: «наша задача не только рассказать о прошлом, но и объяснить его»¹⁴⁵. Для этого в рассказ о революционных событиях 1905 г. был включен раздел об их

¹⁴² От Истпрофа ВЦСПС // IV Всероссийская конференция профессиональных союзов. 12–17 марта 1918 г. : (протоколы и материалы). М., 1923. С. 5.

¹⁴³ Там же. С. 8.

¹⁴⁴ Антоневи́ч С. Очерки истории союза 1905 года // Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. М., 1925. Сб. № 3. С. 113

¹⁴⁵ Московские печатники в 1905 году. М., 1925. С. 7.

предпосылках (о стачке 1903 г.), а движение печатников рассматривалось в контексте развития других московских союзов. Под определенным углом зрения революция 1905 г. становилась уже прошлым, хотя для ее истории пока было так же мало материалов, как и для позднейших событий.

Невозможность дать оценку событиям прошлого, находила себе воплощение в тенденции к деперсонализации исторической работы. Воспринимая себя в качестве посредников между историческими фактами и будущим историком, работники Истпрофов стремились к нивелированию собственной личности, которая могла только испортить достоверность материала. В этом отношении примечателен сборник «1905 год на Юго-восточных железных дорогах» (1925). Первая его половина – повествование о февральской, октябрьской и декабрьской забастовках 1905 г., вторая – газетные вырезки и архивные документы. Первая, нарративная, часть тоже полнится документами, которые цитируются иногда целиком, занимая до двух страниц. Рассказчик истории здесь «прячется» в прямом смысле – он не только позволяет документам говорить самим за себя, но и скрывает свое собственное имя. В сборнике нет ни одного имени, относящегося к изданию. Читатель не сможет узнать, кто нашел, обработал и расставил документы в данном порядке, кто собирал воспоминания, кто делал в сносках фактические правки.

Будучи поставщиками фактов для «будущего историка», работники Истпрофов с большим доверием относились к документальным материалам, чем к воспоминаниям. Преимущество первых перед вторыми было, как представляется, достаточно очевидным для большинства работников Истпрофов, поэтому напрямую такого утверждения в текстах мы не находим, но по оговоркам это довольно ясно. Например, в историческом очерке, написанном «по воспоминаниям и некоторым документам» В.Д. Гурьевич описывает обстоятельства, при которых были утеряны важные документы, и добавляет: «Однако, я постараюсь *хотя бы* (курсив наш. – Р.Г.) на память обрисовать историю возникновения Маджеля и его дальнейшую деятельность»¹⁴⁶. Обращение

¹⁴⁶ Гурьевич В. Д. «Маджель». (Союз младших агентов движения ж. д.), 1917–1919 гг. : исторический очерк по личным воспоминаниям и некоторым документам. М. ; Л., 1925. С. 5.

к ним было всегда вынужденным и обуславливалось отсутствием или недостаточностью «надежных» печатных источников.

Несмотря на такую строгую иерархию материалов, работа с архивными документами приводит работников Истпрофов к первым попыткам критиковать этот вид источников. Во введении к сборнику «1905 год на Юго-восточных железных дорогах» безымянные работники провинциального Истпрофтрана объясняют, почему не только воспоминания, но и документы были подвергнуты «коллективной критической проверке» на вечерах воспоминаний. Дело было в том, что документы были взяты из архива жандармского управления, их специфический, внешний по отношению к движению, характер предполагал некоторые ограничения для историков. Факты, получавшиеся жандармами, носили случайный характер, многого они не знали, поэтому какие-то важные события остались незамеченными, а другие, менее значительные, выпячивались. То же касалось и руководства движения: в «главари» попадали часто рядовые работники союзов или вообще случайные люди¹⁴⁷.

Можно предположить, что именно сама работа с документами, а не чтение источниковедческих трудов, натолкнула работников профсоюза Юго-восточной железной дороги на это своего рода «интуитивное источниковедение». В то время, как центральные органы Истпрофтрана предлагали местным комиссиям только собирать материалы для «будущего историка», на местах содержание документов жандармерии вызывало противоречия с представлением «старых работников» о ходе событий и их главных героях, и это позволяло поставить под вопрос истину документа.

Как бы то ни было, воспоминания были еще менее надежны, чем архивные документы. Одним из способов сделать их более релевантными задачам Истпрофов была их коллективная проверка, осуществлявшаяся двумя путями. Первый из них носил предварительный характер – воспоминания могли обсуждаться перед публикацией в собрании участников описываемых событий на

¹⁴⁷ От Истпрофтрана // 1905 год на Юго-восточных железных дорогах : исторический очерк. М., 1925. С. 5.

вечерах воспоминаний¹⁴⁸. Второй путь – это, собственно, публикация. Находясь в публичном пространстве, факты воспоминаний уже переставали принадлежать только их автору и редактору, включившего их в сборник. Истпрофы призывали своих читателей быть активными и в случае, если они замечали ошибки, сообщать об этом. Истпрофы таким образом освобождали себя и автора от личной ответственности за публикуемые факты и делали ее коллективной.

Примечательными с точки зрения ненадежности мемуаров являются произведения своеобразного гибридного жанра, сочетавшие воспоминания и ссылки на документы. В книге Сергея Сергеевича Анисимова, защитника подсудимых в деле о восстании на Екатерининской железной дороге в 1905 г., воспоминания автора не только подкреплялись свидетельствами других участников процесса, но и делами из архива департамента полиции. С.С. Анисимов благодаря такому сочетанию не только восстанавливает факты, но и «описывает переживания подсудимых, рисует фигуры судей, прокуроров, жандармов и развертывает всю картину суда»¹⁴⁹. При этом, подчеркивает редакция, автор «не касается анализа и не дает политической оценки декабрьского восстания на Екатерининской ж. д.»¹⁵⁰.

Здесь стоит заметить, что на этот же факт указывал уже в 1931 г. Я.Б. Шумяцкий, председатель Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в предисловии к переизданию воспоминаний С.С. Анисимова. Для Я.Б. Шумяцкого «отсутствие классового анализа» было уже недостатком работы автора «неопределенных политических убеждений», а не ее достоинством; предисловие же как раз и давало эту оценку, помогая читателю правильно разобраться в этой истории¹⁵¹.

¹⁴⁸ Так, например, «фактическая сторона» воспоминаний К. Рогова о была проверена Енисейским губистпартом в ноябре 1924 г. на устроенных для этой цели двух собраниях из рабочих, участников и современников описываемого периода. См.: Рогов К. Рабочее движение в красноярских мастерских в 1901–1904 гг. // Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. М., 1925. Сб. № 3. С. 114.

¹⁴⁹ Анисимов С. С. Дело о восстании на Екатерининской ж. д. М. ; Л., 1926. С. 6.

¹⁵⁰ Анисимов С. С. Дело о восстании на Екатерининской ж. д. М. ; Л., 1926. С. 6.

¹⁵¹ Анисимов С. С. ...Как это было : записки политического защитника о судах Столыпина. М., 1931. С. 4.

С.С. Анисимов был известным еще до революции человеком – он выступал на многих судебных процессах защитником рабочих, участвовавших в волнениях 1905 г., и уже тогда публиковал свои статьи об этом. Однако цензурные ограничения вынуждали его менять имена и некоторые обстоятельства описываемых событий. В такой форме рассказ становился беллетристическим, а не документальным и пропускался в печать. В 1924 г. две его повести «Приговор» и «Как это было» были опубликованы в «Литературном сборнике» Истпрофтрана в том же виде, как и появились в дореволюционной печати, хотя тех цензурных ограничений уже не было. Литературный сборник отличался от сборников материалов или исторических очерков большей повествовательной свободой, однако и здесь редакция обещала «не отходить исторической документальности», поэтому С.С. Анисимов в комментарии довольно подробно описывает те изменения, которые ему пришлось внести в повествование в условиях цензуры. Эти поправки легко могли быть сделаны и в самом тексте повести, но первоначальная «беллетристическая» форма текста была оставлена в нетронутом виде для того, чтобы сохранить то, что все равно не могло быть подтверждено документами – внутренний мир героев: «Переживания подсудимых перед приговором описаны так, как автор представлял себе психологию их большинства. При документальном изложении событий, для психологии обычно не бывает места, и нужно было бы выделить ту группу осужденных, которая внутренне была подготовлена к жестокости приговора и выдержала объявление его внешне вполне спокойно. Однако, обмороки и лающая истерика были в действительности, и наряду со смотровым криком председателя создавали основной тон страшной картины объявления приговора, которые не вошли в тему очерка»¹⁵².

Рассказ о переживаниях подсудимых, у которых случилась «лающая истерика», мог быть помещен и в сборнике материалов, потому что воспоминание С.С. Анисимова об этом было потенциально верифицируемым. Внутренний мир тех, кто пережил событие внешне спокойно, остался закрыт для историка, потому что не оставил никаких внешних свидетельств, данных в чувственном мире, а был

¹⁵² Анисимов С. С. Как это было // Литературный сборник Комиссии по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте «Истпрофтран». М., 1925. № 1: Суд и расправа над железнодорожниками. С. 22.

восстановлен спекулятивно на основе представлений автора о «психологии» подсудимого. Соответственно, для будущего историка такое свидетельство ничего не дает и помещается в литературном сборнике, потому что автор не выполняет своей посреднической функции между фактом и интерпретатором.

Помимо воспоминаний, призывы к коллективной проверке звучали везде, где комиссия делала хотя бы «предварительные выводы». Например, в «Малой энциклопедии профессионального движения и труда» редакция шла навстречу «рабочей массе», которую «остро интересуют» вопросы профессионального движения, поэтому все-таки решалась на выпуск энциклопедии, но просила «отнестись к ней активно» и направлять все свои замечания в Редакционно-издательский отдел Ленинградского совета профсоюзов¹⁵³. Тот же призыв повторяет Истпрофтран, побуждая своих читателей делать поправки в его «Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на железнодорожном транспорте»¹⁵⁴.

Хроники представляли собой жанр, позволявший писать о длительных периодах профессионального движения, но при этом не давать объяснений и не выстраивать однозначных причинно-следственных связей между отдельными событиями. Хроника была открытой для поправок, потому что позволяла добавлять или удалять отдельные ее элементы без разрушения целого. В отличие от хроники нарратив истории предполагает связь между отдельными событиями и менее устойчив к изменениям.

Коллективная работа позволяла Истпрофам не только верифицировать факты, но и преодолеть «бессистемность и анархизм» буржуазных общественных наук. Об этом писал Е. А. Преображенский в уже упоминавшейся программной статье «Ближайшие задачи Социалистической академии»: «В результате такого господства резкого индивидуализма в области обществоведения целый ряд наук в сущности не заслуживает такого названия, являясь постоянным полем сражения между искателями приключений, между искателями новых точек зрения,

¹⁵³ Малая энциклопедия профессионального движения и труда. Л., 1925. С. 1.

¹⁵⁴ Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. М., 1925. Сб. № 3. С. 148.

самоновейших истин между завистливыми конкурентами, у которых стремление к оригинальности стоит на первом плане, наука же как таковая – на втором»¹⁵⁵.

В марксистской академии эта борьба «идеепроизводителей» заменяется накоплением знания, каждое новое исследование не перечеркивает старого, а дополняет его. Эта кумулятивная модель науки предполагала, что знание о прошлом складывается из отдельных исследований как здание из отдельных кирпичей, и как бы ни был мал вклад отдельного научного работника, он ценен тем, что что-то добавляет к общей картине.

Наиболее критичной ошибкой при таком подходе был «параллелизм» – растрата труда на то, что в науке уже сделано. Поэтому так важна была иерархия внутри Истпрофов, постоянные сношения отдельных комиссий с центром и между собой, а также с родственными организациями (в первую очередь с Истпартом). В «Бюллетени Истпрофтрана» – органе Истпрофа союза транспортных рабочих – публиковались циркулярные письма, в которых подкомиссиям предлагались схемы описания событий на местах¹⁵⁶. В других Истпрофах, где не было создано для координации работы специального издания, как «Бюллетень Истпрофтрана», руководства публиковались в союзных газетах и журналах или отправлялись на места напрямую.

Представляется, что именно необходимостью избежать «параллелизма» объясняется то огромное внимание, которое уделяли Истпрофы составлению библиотек и библиографий. Именно поэтому первыми крупными публикациями Истпрофа при ВЦСПС был выпуск двух томов систематического указателя литературы по истории профессионального движения в 1923 г.¹⁵⁷ Такой подход был следствием самой модели научности, где новое становилось ценным именно благодаря тому, что заполняло определенную лакуну. История профсоюзов была относительно новым направлением исследования, поэтому, действительно,

¹⁵⁵ Преображенский Е. А. Ближайшие задачи Социалистической академии // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 5–6.

¹⁵⁶ Об этом, например, говорится в Циркулярном письме № 3 Истпрофтрана его местным комиссиям. См.: Бюллетень Истпрофтрана. 1924. Ноябрь, № 1. С. 5.

¹⁵⁷ Рапопорт С. И. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. М., 1923. Вып. 1: Профессиональное движение до революции 1917 г. 64 с.; Кац А. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. М., 1923. Вып. 2: Профессиональное движение в годы революции (1917–1922 гг.). 184 с.

литературы (особенно конкретно-исторических работ) было очень немного, и этот факт использовался для легитимации занятий тем или иным сюжетом¹⁵⁸.

Кумулятивная модель науки, в рамках которой работали Истпрофы, предполагала полноту одним из самых важных критериев оценки той или иной работы. История профсоюза может быть написана только на основании данных и из центра, и из всех местных организаций. История профессионального движения – только на основании данных о всех союзах и о всех отдельных периодах. Для достижения полноты истории во времени Истпрофами предполагалось составление хронологических указателей, в которых отмечались наиболее значимые моменты истории союза или его подразделения. Несмотря на то, что главной функцией указателей было планирование коллективных работ и распределение сотрудников по отдельным периодам, а не сообщение фактов как таковых, в них включались ссылки на источники, откуда были почерпнуты данные, чтобы и они могли быть проверены¹⁵⁹.

Представление о достижимости этой полноты была связана с институциональной вписанностью Истпрофов. Они занимались не «историей вообще», отдельные элементы которой способны к почти бесконечному делению, а значит, не могут быть исчерпаны. Делом Истпрофов было написание истории объективно существовавших профессиональных организаций, которые объединялись в советы, членились на управления и местные отделы. Истпрофы не предполагались как постоянно действующий орган, их задача могла быть рано или поздно закончена в виде описания истории всех профсоюзов во всех губерниях.

2.3 Кабинеты профессионального и рабочего движения и другие способы публикации материалов

¹⁵⁸ Например: «Имеются работы по истории 1905 года в центре и очень мало работ о жизни и борьбе провинции и революционной деятельности всероссийского железнодорожного союза» (От Истпрофтрана // 1905 год на Юго-восточных железных дорогах : исторический очерк. М., 1925. С. 3).

¹⁵⁹ Хронологический указатель // Бюллетень Истпрофтрана. 1925. № 3, январь / февраль. С. 1.

Одной из важнейших организационных форм, позволявших Истпрофам выполнять посредническую функцию между историческим источником и будущим историком, были кабинеты профессионального и рабочего движения. Они представляли собой что-то среднее между архивом и библиотекой: в кабинетах концентрировались собранные комиссиями архивные и печатные материалы, воспоминания, а также необходимая историография по рабочему и профессиональному движению. Они были открыты для исследователей и для профессионалистов-практиков, лекторов профшкол и кружков. Основная часть архивных документов в кабинете хранилась в копиях, но были и подлинники. По-видимому, первый такой кабинет был создан при Истпрофе Московского совета профсоюзов в конце 1924 г.¹⁶⁰, при ВЦСПС кабинет начал работать в январе 1926 г.¹⁶¹ В Ленинграде вместо отдельного кабинета профессионального движения был организован исторический отдел в кабинете текущей работы¹⁶².

Необходимость создания кабинета при Истпрофе ВЦСПС члены комиссии обосновывали тем, что уже собрано достаточно много материала по истории профессионального движения, и он не должен оставаться скрытым от рабочей массы и исследователей. В докладной записке в Президиум ВЦСПС они писали: «Во всяком случае одно совершенно ясно – продолжая работу в намеченном направлении, Истпроф в недалеком будущем явится обладателем очень значительных материалов по истории нашего движения. Поэтому уже сейчас можно и нужно подумать о том, чтобы эти материалы не лежали втуне, и чтобы использование их делалось бы коллективным делом, по крайней мере, всех тех, кто интересуется историей движения. Этой цели и должен служить Кабинет,

¹⁶⁰ Решение было принято в декабре. См.: Протокол № 10 заседания Научно-консультационного совещания при Истпрофе МГСПС. 5 декабря 1924 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 33. Л. 42-43.

¹⁶¹ Торжественное открытие было запланировано на 26 января 1926 г. См.: Протокол третьего заседания комиссии по кабинету профессионального и рабочего движения при Истпрофе ВЦСПС. 15 декабря 1925 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 28-об.

¹⁶² Протокол № 2 заседания Научно-консультационного бюро при Истпрофе ЛГСПС. 6 февраля 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 11. Д. 67. Л. 2.

который даст возможность отдельным товарищам пользоваться более или менее готовым материалом»¹⁶³.

С одной стороны, сама по себе возможность коллективной работы над материалом представлялась работникам Истпрофа важной и ценной, так как это соответствовало духу новой пролетарской науки. В циркуляре ВЦСПС о создании кабинета он называется «лабораторией профессионального движения»¹⁶⁴. Истпроф оборудовал эту лабораторию всем необходимым материалом не только для внутреннего пользования, но для всех интересующихся. С другой стороны, в условиях, когда писать историю профессионального движения было еще рано, кабинет становился своеобразным способом публикации материала.

Вопрос об организации материала в кабинете профдвижения вызвал бурную дискуссию между членами Истпрофа ВЦСПС. С.Я. Рапопорт, ответственный за ведение архива комиссии, выступал за хранение материалов в их «естественном» виде, то есть с сохранением целостности архивных дел и печатных изданий. С.Я. Рапопорт настаивал на том, что материал должен быть расположен так, «чтобы дать возможность работать ЛЮБОМУ исследователю на ЛЮБУЮ тему», а это возможно лишь при сохранении единства и целостности фондов. Любое «разрезывание», то есть изъятие из дел отдельных документов для помещения их в тематическую подборку, облегчит работу лишь одному исследователю, и затруднит ее для всех остальных.

Противоположной позиции придерживался заведующий Истпрофом ВЦСПС Ю.К. Милонов, который подчеркивал, что архивные документы являются не самоцелью, а лишь средством для исследовательской и практической работы. Задачей кабинета является не столько хранение документов, сколько помощь

¹⁶³ Докладная записка в Президиум ВЦСПС [Передана не позднее ноября 1925 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 38.

¹⁶⁴ Хотя самого этого документа в делах Истпрофа ВЦСПС обнаружить не удалось, циркуляр Президиума ВЦСПС № 15 от 2 февраля 1926 г. упоминался неоднократно. См. напр.: Кабинет по истории профессионального и рабочего движения при Истпрофе ВЦСПС [Не ранее 1926 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 19.

исследователю в его работе; подборки материалов по темам должны избавить его от необходимости рыться в многочисленных ненужных документах¹⁶⁵.

Подкомиссия из трех человек, назначенная для разработки вопроса о систематизации материала, так и не смогла начать свою работу из-за наличия этих принципиальных разногласий, поэтому на следующем заседании общей комиссии по кабинету снова был поднят этот вопрос. Ю.К. Милонов очень резко отстаивал свою точку зрения, а позицию С.Я. Рапопорта называл «архивным фетишизмом». С.Я. Рапопорт, в свою очередь, опирался на свой опыт ведения архива Истпрофа и говорил, что тематический принцип организации материалов несет в себе большой риск потери документов, а также не дает возможности вести и исследования по пограничным темам, например, «отражение рабочего вопроса в кадетской прессе». Любой из способов тематической организации представлял собой «прокрустово ложе» удобное лишь для какого-либо одного типа исследований. В конечном счете была принята позиция С.Я. Рапопорта, получившая на голосовании три голоса против двух за позицию Ю.К. Милонова при одном воздержавшемся¹⁶⁶.

Спор между С.Я. Рапопортом и Ю.К. Милоновым представлял собой столкновение двух основных типов архивной классификации, основанных на принципе происхождения (документы хранятся в исторически сложившихся комплексах) или же на логическом принципе (документы собираются в комплексы по тематическим рубрикам). Современные теоретики справедливо указывают, что каждый из принципов организации архива определенным образом задает способы исследователей работать с ним. Так, обобщая дискуссии последних двух десятков лет, Ф. Блоуин и У. Розенберг пишут: «Архив [...] приписывает своим источникам определенные значения, организуя их таким образом, что они по умолчанию предполагают те или иные виды вопросов или

¹⁶⁵ Протокол первого заседания комиссии по кабинету профессионального и рабочего движения при Истпрофе ВЦСПС. 2 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 32–34.

¹⁶⁶ Там же. Л. 30–31.

даже ответов»¹⁶⁷. Однако очевидно, что логический принцип организации настойчивее приписывает источникам имманентные смыслы. Он подразумевает, что архивист уже знает, какие вопросы будет задавать документу исследователь, и сообразно с этим помещает его в ту или иную тематическую матрицу.

Ю.К. Милонов с 1917 г. работал в различных профсоюзных организациях и хорошо знал их структуру и направления работы. Во всех профсоюзах были организационный, культурно-просветительный и тарифно-экономический отделы со своими целями и задачами, для которых требовалось привлечение исторических материалов. Ю.К. Милонов предполагал, что он точно знает «будущего историка», который будет пользоваться материалами кабинета. Позиция С.Я. Рапопорта предполагала большую открытость, что в дальнейшем принесло Истпрофу вполне ощутимые дивиденды. Богатство собранного материала привлекало не только профессионалистов, но и работников других институций. Это позволило организовать при Истпрофе на средства соответствующих учреждений секции по истории социального страхования, по истории рабочей кооперации и рабочего законодательства¹⁶⁸. При этом, работа кабинета не была таким образом полностью оторвана от задач профсоюзов: тематический принцип был положен в основу систематического каталога, обнимавшего как литературный, так и архивный материал кабинета¹⁶⁹.

Приблизительно с 1926 г. заметен постепенный сдвиг в риторике истпрофработников – они все чаще стали говорить не о недостатке материалов, а наоборот, о том, что документов в хранилищах комиссий очень много. Институт кабинетов профдвижения в этом отношении показателен: задача систематизации и публикации материала постепенно выдвигалась на первый план. Хотя работники комиссий продолжали организовывать вечера воспоминаний и

¹⁶⁷ Блоун Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство / под ред. И.М. Каспэ. М., 2013. С. 131.

¹⁶⁸ Докладная записка в Президиум ВЦСПС [Без даты] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 11–12.

¹⁶⁹ Кабинет по истории профессионального и рабочего движения при Истпрофе ВЦСПС [Не ранее 1926 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 60. Л. 22.

обследовать государственные архивы, на собраниях они все больше обсуждали не находки, а способы организации своих собственных коллекций.

С 28 по 31 мая 1928 г. в Москве проходило I Всесоюзное совещание Истпрофов, на котором были зафиксированы эти важные изменения в работе сети комиссий. Ю.К. Милонов выступал с докладом «Итоги и перспективы деятельности Истпрофов», в котором говорил о том, что первый, «накопительный», период работы подходит к концу. Собрано уже много материала; в нем есть пробелы, но уже известно, как эти пробелы восполнить. Первые два пункта резолюции по докладу Ю.К. Милонова гласили:

«1. На ближайшее время в отличие от предшествующих лет задачей Истпрофов является не только собирание, систематизация и изучение источников по истории профессионального движения, но и непосредственная работа над составлением действительно научной истории. [...]

2. Наличие значительного фонда уже выявленных, изученных и собранных источников дает возможность теперь уже не ограничиваться простым описанием фактического хода событий, как это делали в большинстве случаев до настоящего времени, а позволяет все более и более переходить к изучению и освещению диалектики развития, как всего движения в целом, так и отдельных отраслей»¹⁷⁰.

Вместо подготовки материалов для работы «будущих историков» работники Истпрофов сами становились «настоящими историками», которые были готовы взяться за синтез, выявление закономерностей и законов развития профессионального движения, за написание «действительно научной истории». Новые задачи, однако, не делали научность Истпрофов менее ориентированной на факты, потому что научной историю профессионального движения делало именно то, что она основывалась на обширном фактическом материале, собранном в предшествующий период. Вместо летописей Истпрофы начинали готовить истории: такие рассказы о прошлом, в которых отдельные моменты были связаны в единое целое, и связь эта реконструировалась не случайно, а по необходимости – она выводилась из знания всей совокупности фактов прошлого.

¹⁷⁰ Резолюция по докладу Ю. К. Милонова «Итоги и перспективы деятельности Истпрофов» // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 68. Л. 37.

После Всесоюзного совещания Истпрофов начала меняться риторика в изданиях комиссий. Вместо привычных извинений за неполноту и легитимации через пополнение копилки знаний о прошлом новыми отдельными фактами, авторы стали писать об общих тенденциях и вписывать историю профессионального движения в широкий контекст. Например, в предисловии к книге о Московском союзе деревообделочников в 1890–1907 гг. ее авторы Ю.К. Милонов и М. Раковский писали, что они не хотели «ограничиваться простой летописью» событий: «Мы считали необходимым установить не только простую последовательность событий борьбы деревообделочников, жизни и деятельности союза, но и связь их между собой. Мы считали нужным также выяснить связь движения деревообделочников с общим рабочим движением в России и зависимость всего этого от политической и экономической обстановки»¹⁷¹.

Недостаток источников не позволял авторам полностью реконструировать динамику спадов и подъемов деревообрабатывающей промышленности, однако им удалось установить связь между ней и другими отраслями: строительной, транспортной, текстильной. Благодаря установлению этой связи авторы могли судить о положении дел в деревообрабатывающей промышленности даже тогда, когда прямых данных о ней не было. Ценность книги Ю.К. Милонова и М. Раковского уже не в том, что она сообщает новые факты для «будущего историка», а в открытии закона, позволяющего делать исторические обобщения.

Однако Истпрофам не удалось развить активную деятельность на новых основаниях. В апреле 1930 г. сеть Истпрофов была ликвидирована, а кабинеты вместе со всеми материалами и частью сотрудников перешли в ведение Коммунистической академии и ее местных отделений. В ходе «разгрома» истпрофовской историографии профессионального движения, организованной Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии и Высшей школой профдвижения ВЦСПС, истпрофработникам в вину ставилось, прежде всего, «примиренческое отношение к меньшевистским работам». В изданиях

¹⁷¹ Милонов Ю. К., Раковский М. История Московского профессионального союза рабочих деревообделочников. М., 1928. Вып. 1: От первых стачек (90-е годы) до разгрома Союза (1907 год). С. 5.

Истпрофов публиковались меньшевики В.П. Гриневич, П.Н. Колокольников, сторонник независимости профсоюзов Ю.Б. Крезель, а в истпрофовских библиографических указателях меньшевистская литература рекомендовалась в качестве пособий по профессиональному движению. Ошибочность взглядов меньшевиков признавали и сами работники Истпрофов, которые подчеркивали в предисловиях к сомнительным статьям, что они не согласны с авторским освещением фактов, но сами факты ценны для будущего историка, поэтому все-таки эти статьи публиковались.

Е.А. Мильштейн, основной докладчик на конференции, посвященной историографии профессионального движения, критиковал слова Ю.К. Милонова о том, что безошибочное суждение возможно лишь об отдаленном прошлом, потому что недавние события слишком тесно связаны с интересами сегодняшнего дня, и «действительный смысл» фактов подменялся «желательным их истолкованием»¹⁷². В этом Е.А. Мильштейн видел отрицание принципа партийности науки: «Отсюда вытекала установка на ценность фактов, преподнесенных Колокольниковым, Гриневичем, Айнзафтом и другими политическими врагами советской власти. Тов. Милонов, находясь в плену буржуазной исторической методологии, забывал, что эти факты, определенным образом подобранные, являлись враждебной пролетариату *идеологией*»¹⁷³.

Е.А. Мильштейн практически повторял слова М.Н. Покровского об искажении фактов в «кривом зеркале» классовой идеологии. Е.А. Мильштейн отрицал релевантность индуктивной научности Истпрофов, ставя им в вину именно то, что они в своих исследованиях шли от отдельных фактов к обобщениям. Они не понимали, что без «методологической подковки» невозможно даже выделить факт, что сам набор верных фактов уже подразумевает стоящую за ним общую картину, идеологию. Поэтому меньшевики

¹⁷² От Истпрофа ВЦСПС // IV Всероссийская конференция профессиональных союзов. 12–17 марта 1918 г. : (протоколы и материалы). М., 1923. С. 5.

¹⁷³ Тезисы доклада Е. Мильштейна «О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР», утвержденные Высшей школой профдвижения и бюро секции истории пролетариата Общества историков-марксистов // За марксистско-ленинскую историю профдвижения. Доклад Е. Мильштейна и прения по докладу. М., 1932. С. 10.

в своих статьях в изданиях Истпрофов давали не «простые факты» (таковых не существует), а навязывали читателям свою идеологию.

Довольно очевидно, что за закрытием Истпрофов стояла политика. В своем выступлении Е.А. Мильштейн напрямую связывал ошибки членов комиссий с «правым оппортунизмом» прежнего руководства профсоюзов, в первую очередь, М.П. Томского. Одновременно с закрытием Истпрофов был организован процесс против историков Академии наук, в результате которого этот институт потерял свою независимость от партии, а многие исследователи были репрессированы. В то же самое время институты Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) были включены в структуру Коммунистической академии. Партийное руководство резко сужало диапазон допустимого в политике, науке и культуре.

3 ТЕКСТ ПРОФСОЮЗНОЙ ИСТОРИИ: ПРАГМАТИКА, ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И СТРУКТУРА

3.1 Прагматика издания текстов и жанр исторических материалов

Объективистская научность Истпрофов предполагала накопление источников для будущего историка в качестве своей основной задачи. Это утверждение делало проблематичным издательскую деятельность как таковую. «Основные положения работы Истпрофов» гласили, что необходимо сначала накопить исчерпывающий материал для истории профессионального движения и лишь после этого начинать писать и издавать ее. Прежде чем писать историю необходимо сделать доступными для историка все те материалы, по которым она может быть написана¹⁷⁴. Конференция Истпрофов в октябре 1923 г. приняла резолюцию, в которой определила «центр тяжести» работ комиссий: «собрание сырого фактического материала», которое должно было привести сначала к «восстановлению полной и точной картины истории профессионального движения»¹⁷⁵.

Такая формулировка задач комиссии сама по себе не предполагала публикации чего бы то ни было – даже самих исторических источников. Несмотря на это в 1922–1930 гг. Истпрофы выпустили около полутора сотен книг, брошюр и сборников материалов. Член Истпрофа ВЦСПС Раиса Моисеевна Якуб в своем докладе перед коллективом представителей других профсоюзных организаций объясняла причины, по которым комиссия начинала издавать свой главный орган «Материалы по истории профессионального движения». Во-первых, собранные в архиве Истпрофа ВЦСПС материалы были доступны только узкому кругу столичных профработников, что могло привести к их «одностороннему освещению». Во-вторых, издание материалов, которые не образуют пока в полном смысле «истории», но сообщают читателям новые факты,

¹⁷⁴ Основные положения работы Истпрофов [Без даты. Написано до конца 1923 г.] // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–20.

¹⁷⁵ Резолюция по докладу Ю. К. Милонова «Основные вопросы историографии профессионального движения в России» // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

может исправить широко распространенные, но ошибочные представления об истории профсоюзов. И, в-третьих, Р.М. Якуб говорила о «Материалах...» как об организационном центре для товарищей, которые могли бы сообщить важные сведения, но находились «вне сферы воздействия отдельных Истпрофов»¹⁷⁶. Р.М. Якуб имела в виду бывших участников профессионального движения, которые могли быть привлечены перспективой опубликовать документы из личных архивов или воспоминания в органе ВЦСПС.

Первый и третий пункты выступления Р.М. Якуб не касались самого содержания публикуемых материалов, а были скорее выражением эгалитаризма Истпрофа, стремившегося привлечь к историческим занятиям максимальное количество участников. Второй пункт объяснял зачем сами факты – все еще частные, но уже проверенные и достоверные – должны были быть опубликованы: хотя они пока не складывались в исчерпывающий нарратив, хотя их было пока недостаточно для настоящей научной истории, эти факты несли в себе мощный деструктивный заряд, подрывавший существовавшие нарративы.

В 1920-е гг. история профессионального движения была сравнительно молодым и маргинальным направлением исследований, которое развивалось за пределами академических институтов как «старых», так и «новых». При этом, однако, оно уже имело свою историографию и даже свою «классику» – работы известных авторов Виктора Петровича Гриневича и Владимира Владимировича Святловского¹⁷⁷, стоявших во главе профсоюзного движения в период его возникновения в России. Дореволюционные работы меньшевика В.П. Гриневича и бывшего «экономиста» В.В. Святловского продолжали переиздаваться в

¹⁷⁶ Тезисы доклада Р. М. Якуб «Цели, задачи и характер “Материалов по истории профессионального движения в России”» на заседании Коллектива работников по Истпрофу. 22 февраля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 49. Л. 23–24.

¹⁷⁷ Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907. 406 с.; Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908. 287 с. Книга В. В. Святловского выдержала три издания до 1917 г., а в 1924 г., несмотря на «уклоны» автора, издательство Ленинградского губернского совета профсоюзов выпустило ее расширенную и переработанную версию: Святловский В. В. История профессионального движения в России: от возникновения рабочего класса до конца 1917 года. Л., 1924. 345 с. Книга В. П. Гриневича переиздавалась в Советской России дважды, но без изменений.

1920-е гг., и Истпрофы использовали свои материалы, чтобы показывать несостоятельность их интерпретаций истории профдвижения¹⁷⁸.

Однако полностью отказаться от привлечения «идеологически невыдержанных» авторов Истпрофы не имели возможности, потому что дореволюционные архивы профсоюзов почти не сохранились, и меньшевики, игравшие в них до Октября важную роль, являлись практически «монополистами» материалов по истории профессионального движения – они хранили столь нужные Истпрофам факты в памяти и в своих личных архивах. Конкуренцию им могли составить только документы Охранного отделения, но и они были так же предвзяты. Оправдывать публикацию текстов своих идеологических противников Истпрофам позволяла их специфическая научность: если задача комиссии была в том, чтобы сообщить факты, то не так уж и важно, какое эти факты получали «освещение».

Иногда было достаточно просто указать на неправильное освещение фактов как, например, в случае публикации воспоминаний М. Д. Орехова, первого председателя Всероссийского исполнительного комитета железнодорожных рабочих и служащих (Викжеля), во втором сборнике материалов Истпрофа ЦК союза железнодорожников. Редакторы пишут только о том, *почему* Орехов не мог правильно понимать событий середины 1917 г.: помимо того, что он в то время «примыкал» к эсерам, он также лишь после Февраля смог вернуться в Россию после семи лет эмиграции в Европе и поэтому не мог выявить интересов рабочего класса того момента¹⁷⁹. Однако на сами ошибки и искажения редакторы не указывают и уж тем более не исправляют их.

В другом случае дистанцирование от публикуемого текста происходит за счет привлечения внешнего авторитетного голоса. Так, Истпроф Украинского бюро ВЦСПС в 1923 г. выпустил в свет доклад Уцентропрофа, центрального органа украинских профсоюзов, работавшего в 1918–1919 гг., когда Центральную Раду сменила власть гетмана Скоропадского, а ей на смену пришла Директория.

¹⁷⁸ От редакционной комиссии // Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л., 1926. С. 3.

¹⁷⁹ Введение // Очерки по истории Союза: 1917 год. М., 1924. С. 5.

Этот доклад был зачитан перед Первым Всеукраинским съездом профсоюзов в апреле 1919 г. – в это время в Украине уже установилась Советская власть, а профсоюзы подчинились ВЦСПС. Заслушав доклад о взаимоотношениях Уцентропрофа с предыдущими властями, съезд упразднил его. Истпроф, публикуя этот доклад спустя шесть лет, не брался самостоятельно давать политическую оценку печатаемого материала, но вместо этого приводил резолюцию съезда по этому докладу: «Уцентропроф в своей деятельности не стоял на почве революционного социализма и диктатуры пролетариата [...] и не выполнил задач, диктовавшихся ходом развития социалистической революции»¹⁸⁰.

Иногда работники Истпрофов не просто указывали на ошибочность «освещения» фактов, но объясняли в чем конкретно авторы публикуемых текстов неправы. Однако делали это они особым образом – они не вступали в спор лично, а позволяли фактам самим доказывать ошибочность тех или иных положений. Одно из самых больших по объему изданий Истпрофа ВЦСПС, сборник материалов «1905–1907 гг. в профессиональном движении. I и II Всероссийские конференции профессиональных союзов» был составлен Павлом Николаевичем Колокольниковым – активным деятелем профессионального движения и меньшевиком, который после Октябрьской революции несколько раз подвергался арестам ВЧК и высылался из страны в 1921 г.¹⁸¹ Эта книга состоит из длинной вводной статьи, дающей общий очерк профессионального движения 1905–1907 гг., документов и комментариев. Документы помещены в девять глав, семь из которых оканчиваются также небольшими статьями-комментариями. И вводная статья, и комментарии в тексте были написаны П.Н. Колокольниковым.

Книга начинается с предисловия «От Истпрофа» (без подписи автора), где дается объяснение обстоятельств издания и отношений между комиссией и

¹⁸⁰ 1918–1919 гг. в профдвижении Украины: Доклад центпрофа (Всеукраинского центрального совета профсоюзов) Первому Всеукраинскому съезду профсоюзов. Харьков, 1925. С. 3–4.

¹⁸¹ Колокольников Павел Николаевич // Социалисты и анархисты – участники сопротивления советскому режиму (25 октября 1917 – конец 1930-х годов) : материалы к биографическому справочнику. [Электронный ресурс] URL: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/index.htm> (дата обращения: 01.12.2018).

П.Н. Колокольниковым. Истпроф писал: «Мы не согласны с тем освещением, которое автором статьи и примечаний, П. Колокольниковым, дано некоторым моментам движения. Несмотря на это, мы считаем необходимым опубликовать эту работу и вот по какой причине. П. Колокольников, являясь активным деятелем профессиональных организаций периода 1905–1907 гг., сообщает в своем введении и примечаниях целый ряд фактического характера данных, которые впервые появляются в нашей пореволюционной печати. В значительной доле сообщаемые им сведения представляют воспоминания участника движения, а в остальном являются тщательной сводкой основательно забытых или мало доступных литературных материалов. Это обстоятельство делает работу в целом очень ценным историческим источником»¹⁸².

Вводная статья – место, где мы ожидаем увидеть интерпретацию приводимых в документах фактов, и комментарии – инструмент, который призван помочь читателям *правильно* понять значение фактов и документов. Однако они рассматриваются Истпрофом совершенно иначе. Для него даже эти интерпретационные разделы ценны приводимыми в них фактами, которые дополняют содержащийся в документах материал. Оценки П.Н. Колокольникова во многом ошибочны, но он дает важные факты для будущего историка, который будет способен свести их все воедино и проанализировать.

При этом, однако, Истпроф не перекладывал задачу исправления неверных оценок П.Н. Колокольникова на будущего историка, а сам активно критиковал их, но делал это также в соответствии со своей программой – на основании фактов. В том же предисловии «От Истпрофа» отмечена главная ошибка П.Н. Колокольникова: он неверно описал разногласия по вопросам профессионального движения, имевшие место в 1905–1907 гг. внутри РСДРП между большевиками и меньшевиками. Он изображает дело так, что может сложиться впечатление, что у большевиков не было определенной позиции по вопросам о роли профсоюзов, о том, как должны быть устроены взаимоотношения партии и профсоюзов и т.д. В ответ на это Истпроф приводил

¹⁸² 1905–1907 гг. в профессиональном движении: I и II Всероссийские конференции профессиональных союзов / сост. П. Колокольников и С. Рапорт. М, 1925. С. 4.

большие извлечения из работы В.И. Ленина «Что делать?» (1902), в которых он подробно рассматривал эти вопросы, а также воспоминания В.П. Ногина, где говорилось, что несмотря на разногласия среди большевиков, их фракция последовательно поддерживала позицию В.И. Ленина по вопросам профессионального движения. Предисловие Истпрофа устроено таким образом, что цитаты из документов и воспоминаний составляют больше половины всего текста. В конце предисловия Истпроф писал: «Мы старались возможно точнее и полнее, при помощи документов, осветить моменты, которые, как нам показалось, недостаточно полно и всесторонне оттенил П. Колокольников. Мы привели документальные данные, воздерживаясь от излишних, по нашему мнению, комментариев. Документы и сами по себе достаточно убедительны и достаточно красноречивы»¹⁸³.

Критика тех оценок и интерпретаций, которые дает П.Н. Колокольников публикуемым в сборнике документам, производится не с верной идеологической позиции, Истпроф не предлагает новую интерпретацию известных данных. Он не участвует в дискуссии, позволяя фактам говорить самим за себя, самим доказывать ошибочность меньшевизма. Предисловие к сборнику П.Н. Колокольникова подписано не именем конкретного работника, который писал текст и помещал в него выдержки из источников, а Истпрофом в целом. Имя автора предисловия действительно не имеет значения, если его роль чисто техническая – поместить нужные выдержки из документов в нужные места; с П.Н. Колокольниковым спорят сами факты, а не человек.

Таким же образом, предоставляя фактам «самим говорить за себя» члены Истпрофов спорили друг с другом. В феврале 1924 г. Истпрофом ВЦСПС была организована дискуссия об истоках профессионального движения в России. Остановимся на одном небольшом, но показательном эпизоде. Профсоюзные работники из Ленинграда П. Дорватовский и В. Злотин не были приглашены в Москву на дискуссию об истоках, но им было доверено составить хронику рабочего и профессионального движения в Петербурге в 1905 г. для сборника

¹⁸³ 1905–1907 гг. в профессиональном движении: I и II Всероссийские конференции профессиональных союзов / сост. П. Колокольников и С. Рапорт. М., 1925. С. 17.

Истпрофа Ленинградского Губпрофсовета. Благодаря выполнению этой чисто технической работы – обыкновенного расставления фактов в хронологической последовательности – П. Дорватовский и В. Злотин смогли показать, что почти все профсоюзы, появившиеся в 1905 г., возникали или в ходе стачки, или после забастовки¹⁸⁴, что было важным аргументом против позиции одного из лидеров Истпрофа ВЦСПС В.Я. Яроцкого. Эти никому не известные товарищи не имели достаточно веса, чтобы спорить с известным большевиком, однако возможность говорить фактами уравнивало их.

Таким образом, Истпрофы в своих изданиях стремились дать читателю материалы для истории профессионального движения, а не саму историю. Эти материалы подрывали существующие мифы, но позволяли их использовать уже не в качестве цельной истории, а как набор ценных фактов. В следующем параграфе тоже будет идти речь о материалах как об особом жанре исторического письма.

Работников Истпрофов в материалах интересовали факты, реальность, отраженная в документах. Сами же тексты, их стиль и особенности, оценки событий создателем того или документа, рассматривались лишь как помеха для непосредственного наблюдения фактов. Задачей работников Истпрофов было насколько это возможно сократить пространство между «будущим историком» и самим фактом. Это закреплялось не только на уровне риторики, но и определяло жанры и стиль работы Истпрофов.

Например, в названиях многих изданий фигурировало слово «материалы». Центральный орган Истпрофа ВЦСПС назывался «Материалы по истории профессионального движения», хотя в нем публиковались не только собственно источники, но и исследования, дискуссии, рецензии, а также инструкции для местных комиссий Истпрофа и установочные тексты. Называя издание «материалами», его редакторы говорили своим читателям больше, чем просто заявляют о намерениях опубликовать некоторое количество источников.

¹⁸⁴ Дорватовский П., Злотин В. Хроника рабочего и профессионального движения в Петербурге в 1905 г. // Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л, 1926. С. 208.

Материалы для истории очень похожи на «материальные» материалы (кирпичи для постройки здания или ткань для пошива одежды). Их особенность в том, что они занимают промежуточное положение в производственном процессе между сырьем и готовым продуктом. Кирпичи – это уже не глина, ткань – это уже не хлопок. Материалы намного ближе к конечному продукту, чем сырье, в них уже начинают постепенно просматриваться черты его будущего образа.

Работники Истпрофа не были пионерами в деле подготовки материалов для историков. Идея о том, что между историком и историческим источником должен находиться еще один посредник, который превращает источники в материалы, развивалась в России еще с первой половины XIX в., когда начала складываться такая вспомогательная историческая дисциплина как археография. Начало институционализации этой дисциплины связано с созданием в 1834 г. Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения, которая ставила своей задачей поиск, сбор и опубликование «древностей» – документов по средневековой и ранненововременной истории России. После революции 1917 г. комиссия продолжила свою работу, а дисциплина продолжила развиваться путем вовлечения в область своих интересов новых источников из ставших открытыми архивов XIX и начала XX вв.

Молодой археограф из Ленинграда Сигизмунд Натанович Валк в своем выступлении на Первом Съезде архивных деятелей РСФСР 18 марта 1925 г. представлял на суд своих коллег свое видение специфики историко-революционных документов и соответствующие ей приемы публикации. Он подчеркивал, что издание документов должно ставить задачей, с одной стороны, максимально аутентичную передачу текста, а с другой, редакционную обработку с точки зрения определенных «научных требований», чтобы дать возможность читателю правильно прочитать текст и понять его смысл. С.Н. Валк подчеркивал, что «фотографически точное» воспроизведение документа не является приемлемым решением, потому что решает только первую из этих задач. Документы несут в себе массу ошибок, неточностей и просто особенностей, непонятных современному читателю, они иногда существуют в нескольких рукописях и нескольких разных изданиях.

Готовящийся к публикации источник должен сначала пройти через процедуру редакционной подготовки и эмендации – устранения самых явных ошибок и неточностей. С.Н. Валк подчеркивает, что задача археографа заключается в изменении только формальной стороны текста, например, переводе его из старой орфографии в новую, исправлении явных опечаток, неправильного согласования слов и т.д., «однако если мы в другом месте найдем неправильные даты, неточные факты, извращенные характеристики и т.д., то такие элементы текста не являются его археографическими элементами и их исправление является задачей уже историко-критической работы»¹⁸⁵. Если археограф должен заниматься критикой самого текста, то критика его показаний, сообщаемых текстом фактов, уже дело историка.

Несмотря на кажущуюся простоту предлагавшегося С.Н. Валком подхода, его применение требовало уточнений и поправок. Сам С.Н. Валк в своем выступлении привел пример документов В.И. Ленина, который еще до реформы орфографии русского языка в 1918 г. писал свои рукописи без «ъ» в конце слов, считая их архаизмом. Если принять в качестве стандарта перевод всех дореволюционных документов на новую орфографию, то эта стилистическая особенность письма В.И. Ленина будет читателю не видна, и он не получит представления об оригинале документа¹⁸⁶. С другой стороны, далеко не всегда стиль и характер оригинального документа нужно сохранять, отмечал присутствовавший на съезде М.Н. Покровский. Он приводил другой пример – воззвания Емельяна Пугачева, сохранившие орфографию никому не интересного «безвестного канцеляриста»¹⁸⁷.

Решение вопроса о том, сохранять ли тот или иной элемент оригинального текста, издавать тот или иной его вариант, в конечном счете зависело от той аудитории, которой данное издание предназначалось. Историки могут ставить совершенно разные вопросы в своих исследованиях: один может интересоваться

¹⁸⁵ Полностью доклад был опубликован в журнале «Архивное дело». См.: Валк С.Н. О приемах издания историко-революционных документов // Архивное дело. 1925. Вып. 3–4. С. 69.

¹⁸⁶ Там же. С. 74.

¹⁸⁷ Протоколы Первого Съезда архивных деятелей РСФСР 14–19 марта 1925 г. М.; Л., 1926. С. 277.

развитием идей и личности автора, и для его исследования будут совершенно необходимы разные версии черновиков документа, другой же будет использовать тот же источник, чтобы писать историю общественных настроений, и для него будет важен только тот вариант документа, который был опубликован и вызвал определенный отклик у публики.

Отвечая на критику в адрес принципов публикации исторических документов, сформулированных С.Н. Валком, его содокладчик А.А. Андреев говорил, что необходимо «иметь в виду весьма малую вероятность того, что издание подготовленного текста будет когда-нибудь кем-либо повторено, и поэтому все имеющие надобность в этом тексте будут принуждены пользоваться опубликованным текстом и только с большим трудом будут в состоянии обратиться к оригиналу, и весьма важно также, [...] что опубликованный текст будет использован для разных целей»¹⁸⁸. Им пользоваться будут не только изучающие разные сюжеты историки, но и филологи и дипломатики, у которых совсем другие требования для публикации документов, а в будущем исследователи будут ставить совершенно новые проблемы перед источниками, проблемы, которые современный археограф даже не может вообразить. Поэтому А.А. Андреев подчеркивал, что принципы публикации должны носить компромиссный характер и не быть слишком узко заточенными под какой-то определенный вид работ.

Несмотря на то, что по докладам С.Н. Валка и А.А. Андреева участники съезда приняли резолюцию о необходимости выработать подробные и универсальные правила издания исторических документов в ближайшее время, таковые правила (да и то – только «в порядке обсуждения») были выработаны лишь в 1935 г.¹⁸⁹ и были подвергнуты язвительной критике со стороны С.Н. Валка¹⁹⁰. Архивисты и археографы в 1920–1930-е гг. так и не смогли найти такого компромиссного способа издания документов, который удовлетворял бы

¹⁸⁸ Там же С. 279.

¹⁸⁹ Сергеев А. А. К вопросу о выработке правил издания документов ЦАУ СССР // Архивное дело. 1935. Вып. 1 (34). С. 55–77.

¹⁹⁰ Рецензия Валка была написана сразу после выхода статьи А. А. Сергеева, но опубликована только в собрании его сочинений. См.: Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 116–131.

всех возможных исследователей и позволял бы решать любые исследовательские задачи. Публикация документов была именно «материалом», то есть полуфабрикатом, в котором уже был заложен образ будущего готового продукта.

Члены Истпрофа ВЦСПС Ю.К. Милонов и М.Н. Заяц, участвовавшие в съезде архивных деятелей, присутствовали и на заседании, где обсуждались доклады С.Н. Валка и А.А. Андреева о публикации архивных документов. Однако они не сделали ни одного высказывания в ходе этой дискуссии. Для работников Истпрофа невозможность публиковать документы «нейтрально», так, чтобы материалы можно было использовать для решения самых разных исследовательских задач, не было проблемой. Это можно объяснить тем, что образ «будущего историка», для которого готовил материалы Истпроф, был намного более определенным, чем «исследователи», интересы которых пытались представить себе археографы.

3.2 Исчерпаемость материалов по истории профессионального движения и жанры обобщающих нарративов

Во введении к первому сборнику «Материалов по истории профессионального движения в России» его редакция писала о том, что результатом работы Истпрофа должно стать «появление ряда научно-литературных работ, частности – общей истории профессионального движения в России»¹⁹¹. Работа Истпрофов имела четко очерченный горизонт – комиссия должна была подготовить исчерпывающий материал для определенного нарратива – революционной истории профессионального движения и профессиональных союзов. В этом было ее принципиальное отличие от академических исторических институтов, работа которых имела потенциально бесконечную перспективу. При изучении истории вообще предмет исследования изначально не задан, он конструируется самими исследователями в зависимости от положения дел в историографии и в других гуманитарных науках. Даже когда

¹⁹¹ От редакции // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 4.

работа академического института посвящена какому-то более или менее определенному предмету, например, национальной истории, этот предмет задан достаточно широко и может до бесконечности дробиться на отдельные сюжеты. История профсоюзов в свою очередь исчерпаема, потому что это история конкретных институтов, которые были образованы в определенный момент и продолжают с того момента развиваться. Профсоюзы имели сложную, но определенную структуру, которая сама по себе давала работникам Истпрофов матрицу для исследования в синхронной плоскости. Общая история профсоюзов естественным образом распадалась на истории отдельных отраслевых (металлистов, железнодорожников, текстильщиков и т.д.), и на истории территориальных (губернских, городских, волостных и т.д.) объединений. С одной стороны, это создавало напряжение в текстах: одно и то же событие как бы удваивалось, потому что его включали в свои истории одновременно и территориальные, и отраслевые профсоюзные органы; с другой стороны, обе плоскости включали исчерпаемое количество единиц для изучения.

Однако могла ли быть институциональная матрица исчерпывающей для работы Истпрофов? Ведь история института не может быть рассказана только изнутри. Чтобы объяснить, что тот или иной факт значит, необходимо было обращаться к контексту. Ю.К. Милонов, руководитель Истпрофов, писал, что требования исторического материализма к изучению профессионального движения подразумевают его рассмотрение в неразрывном единстве с окружающим социальным миром: профессиональное движение непосредственно связано с развитием техники производства, экономикой и политическим устройством¹⁹². Однако эти требования редко выполнялись в изданиях Истпрофа, чаще всего они содержали документы, статьи и воспоминания, описывавшие непосредственно профессиональное движение. Это противоречие связано с тем, какой «центр тяжести» приобретала работа по изучению истории профсоюзов в 1920-е гг. В той же статье Ю.К. Милонов писал, что на начальном этапе главной задачей Истпрофов является «бесспорное установление фактов», которые

¹⁹² Милонов Ю. К. Основные проблемы историографии профессионального движения в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 17.

единственно могут стать основой для дальнейшей интерпретации и анализа¹⁹³. Добывать факты о других сферах жизни общества должны были другие институты – академические историки, Истпарт, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и другие. Поэтому в синхронной плоскости институциональная матрица исследования истории профсоюзов оставалась герметичной и исчерпывающей.

Ситуация с диахронной плоскостью изучения истории профсоюзов была несколько сложнее. Временное измерение истории профсоюзов не подразумевало такого же однозначно заданного членения предметов изучения, как институциональная матрица профсоюзов в синхронной плоскости. Время делится до бесконечности, образуя потенциально бесконечную перспективу, которая делает невозможным исчерпывающее описание того или иного события. Что значит полностью описать историю профессионального движения? Дать хронику событий по годам, месяцам, дням?

Помимо этого, перед Истпрофами стояла задача выяснить вопрос об истоках профессионального движения, которое возникло, по выражению профессионалиста С.Н. Резникова, как *deus ex machina* в 1905 г. на волне революционного подъема сразу в развитом виде¹⁹⁴. Профсоюзы не могли возникнуть из ниоткуда, Истпроф должен был найти факты о том, что послужило основой этого взрыва профессионального движения. Это тоже создавало еще один вызов герметичности нарратива, причинно-следственную связь можно продолжать до бесконечности в прошлое. Истпроф активно боролся с вызовом, который само время бросало его попыткам написать исчерпывающую историю профессионального движения.

14 и 28 февраля 1924 г. прошли два дискуссионных собрания об истоках профессионального движения в России, организованных Истпрофом. На этих собраниях обсуждался доклад Василия Яковлевича Яроцкого, который предложил рассматривать в качестве истока российского профессионального

¹⁹³ Там же. С. 20.

¹⁹⁴ Стенограмма дискуссионных собраний, устроенных Истпрофом ВЦСПС 15 и 28 февраля 1924 г. // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 18.

движения разные формы легальных объединений рабочих вроде касс взаимопомощи, существовавшие в России с середины XIX в.¹⁹⁵ Его содокладчик, Самуил Семенович Айнзафт, выступал против такого подхода, подчеркивая, что кассы были не столько средством улучшения положения рабочих, сколько способом хозяев привязать рабочих к заводу, и уж точно не имели никакого революционного потенциала, а некоторые из них в 1905 г. вообще показали себя контрреволюционными элементами¹⁹⁶.

В.Я. Яроцкий в своем докладе ставил два вопроса: «а) возникновение объективных предпосылок к образованию профессиональных объединений и б) зависимость развертывания организационных форм из ряда причин»¹⁹⁷. В ходе прений, однако, обсуждался только второй из них, вопрос о предшествовавших профсоюзам организационных формах экономической борьбы пролетариата. С.С. Айнзафт в своем докладе не дал прямого ответа на этот вопрос, сфокусировавшись на последовательной критике позиции В.Я. Яроцкого. Р.М. Якуб высказала мнение, что исток профессионального движения нужно искать в самой экономической борьбе рабочих, которая производила зачаточные организационные формы – в первую очередь, нелегальные временные стачечные кассы, организовывавшиеся в целях поддержания бастующих рабочих¹⁹⁸. Давид Борисович Рязанов, известный большевик и участник профессионального движения, возглавлявший в тот момент Институт Карла Маркса и Фридриха Энгельса, утверждал, что истоком профессионального движения было революционное движение рабочего класса в целом и его главная организация – социал-демократическая партия¹⁹⁹. Высказывались и другие мнения, но к общему мнению собрание не пришло и резолюции принято не было. Хотя никто из

¹⁹⁵ Яроцкий В. Я. Тезисы доклада // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 3–6.

¹⁹⁶ Айнзафт С. С. Были ли кассы взаимопомощи одним из истоков российского профессионального движения // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 75–102.

¹⁹⁷ Яроцкий В. Я. Тезисы доклада // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 3.

¹⁹⁸ Якуб Р.М. К вопросу об «истоках» профессионального движения в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 51–74.

¹⁹⁹ Стенограмма дискуссионных собраний, устроенных Истпрофом ВЦСПС 15 и 28 февраля 1924 г. // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 24.

участников дискуссии не поддержал позицию В.Я. Яроцкого, она не была признана однозначно неверной и находила поддержку в позднейших изданиях Истпрофов²⁰⁰.

Работники Истпрофов в дискуссии не ставили вопроса о причинах развития профессионального движения в России – это дело будущего историка, – но говорили о предшествовавших профсоюзам формах организации. Они пытались свести истоки профессионального движения в России к какой-то конкретной организационной единице, будь то кассы взаимопомощи, стачечные кассы или социал-демократическая партия, потому что организации задавали институциональную матрицу для исследования. К уже существующему набору предметов изучения, определенному структурой профсоюзов, добавляется несколько новых, количество которых так же определено институциональной матрицей, только уже не профсоюзов, а их предшественников. Истпроф пытался убежать от того, что Марк Блок двадцатью годами позже назовет «идолом истоков» – склонности историков смешивать два понятия: причины и начала. Историки ищут причины явлений в их «истоках» просто потому, что они были раньше, тогда как современные обстоятельства часто играют гораздо большую роль²⁰¹. Члены Истпрофа, в свою очередь, обсуждали только «начала» профессионального движения – предшествующие профсоюзам организационные формы, не приписывая им статус причин.

Предположение о том, что предмет изучения исчерпаем, что история профессионального движения состоит из обозримого количества элементов имело очень важное следствие: ценность того или иного издания определялась количественно, а не качественно. Когда перспектива – это описание *всех* событий, то не так уж важно, говорим мы о центральных моментах движения или же о периферийных, потому что рано или поздно нужно будет показать их все.

Такая установка не подразумевала какой-либо иерархии материалов. Отдельные факты, события и лица должны были быть просто показаны, но не

²⁰⁰ В скором времени после дискуссии Московским Истпрофом была выпущена книга М. Я. Гордона «Как изучать профессиональное движение», в которой автор поддерживает мнение В. Я. Яроцкого о том, что у истоков профсоюзов стояли кассы взаимопомощи.

²⁰¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 19.

расположены на какой-то системе координат, определяющей их значимость. Отдельные точки находились как бы на одной плоскости и их ценность определялась самим их наличием, потому что конечной целью работы Истпрофов был *исчерпывающий* материал по истории профессионального движения.

Этот эффект можно наблюдать в материалах, посвященных истории сразу нескольких организаций: вне зависимости от значимости организации дается ее исчерпывающее описание. Например, в сборнике материалов Нижегородского Истпрофа под редакцией Виктора Трофимовича Илларионова (одного из немногих профессиональных историков среди работников Истпрофов) основную часть книги занимал масштабный очерк Александра Андреевича Белозерова, участника революционного движения, поэта и секретаря Истпрофа Нижегородского Совета профсоюзов. В этом очерке на основании личных воспоминаний, печати и архивных документов А.А. Белозеров описывал историю профессионального движения в Нижнем Новгороде в 1905-1910 гг. Стремясь к полноте рассказа, автор описывал все без исключения профессиональные организации, материалы о которых ему были доступны. Об отнюдь не пролетарском по своему характеру Союзе фармацевтов он пишет: «Организация фармацевтов имеет свою почтенную по времени историю, но нельзя сказать, чтобы славную по деятельности. Несмотря на то, что фармацевты в отношении общего развития стоят в большинстве на среднем уровне, к вопросам общественной и политической жизни они довольно косны и дальше узкой экономической кружковщины не шли. [...] Но будем объективны и расскажем то, что имеется из материалов в нашем распоряжении об их организации»²⁰².

Нижегородские фармацевты были далеко не в авангарде профессионального движения в крае, их союз не знаменовал какой-либо важной вехи в развитии организационных форм экономической борьбы. Не были они также значимы и в отрицательном смысле, потому что не стояли на пути у пролетарской революции –

²⁰² Белозеров А. А. Опыт истории Нижегородских профессиональных союзов // Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае: 1869–1917 : материалы / под ред. В. Т. Илларионова. Н. Новгород, 1923. С. 217.

союз в 1916 г. «умер от хилости своей естественной смертью»²⁰³. Несмотря на это, Белозеров добросовестно сообщает все известные ему факты о жизни союза: обстоятельства создания, основные положения устава, состав и дискуссии участников и т.п.

Таким образом, представление об исчерпаемости истории профессионального движения оказало большое влияние на деятельность Истпрофов, что выразалось в особом подходе к вопросу об истоках профессионального движения, бесконфликтности и отсутствии иерархий в исторических материалах.

Несмотря на то, что тексты Истпрофов были посвящены, в первую очередь, отдельным моментам движения, которые комиссии пока не готовы были эксплицитно объяснять и объединять в какой-то единый нарратив, им по разным причинам иногда приходилось давать обобщающие тексты, но жанры таких историй были специфическими – к ним относились хроники и календари.

Жанр хроник позволял Истпрофам писать не только лишь об «отдельных моментах движения», но и охватывать относительно продолжительные периоды истории. Работники Истпрофа ЦК Союза железнодорожников писали, что их «Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на железнодорожном транспорте», опубликованный во втором сборнике материалов комиссии, «дает возможность легко ориентироваться и связать между собой отдельные моменты из жизни союза, но не является критическим исследованием этого движения»²⁰⁴.

А.С. Кац, работник Истпрофа ВЦСПС, в своей подробной хронике профессионального движения в 1870–1903 гг. сообщал обо всех известных в литературе фактах организации касс взаимопомощи, стачечной борьбы, съездов, конференций, а также о всех законодательных мерах правительства по «рабочему вопросу». Материал разбит по годам, а внутри периодов еще и по территориям, между событиями не выстроено причинно-следственной связи – все это вместе

²⁰³ Там же. С. 220.

²⁰⁴ Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на железнодорожном транспорте // Очерки по истории Союза. М., 1924. Сб. 2: 1917 год. С. 147.

размывает хронику как целое. При этом, однако, сами «отдельные моменты» даны в виде полноценных историй. В качестве примера приведем короткое описание одной забастовки в 1900 г.: «16-го октября забастовали рудокопы ДОНЕЦКОГО БАССЕЙНА. Рабочие требовали восстановления прежней заработной платы, которая была сокращена за два месяца до стачки. Вызванные на Пороховский рудник казаки избили нагайками толпу женщин и детей. Рабочие стали защищать свои семьи и, озлобленные и разгоряченные мерзким поступком казаков, разгромили контору, уничтожили имущество, били стекла. Был вызван второй казачий отряд, который окружил и арестовал 300 человек рабочих и прогнал их сквозь строй. Стачка кончилась частичным успехом: на некоторых рудниках была восстановлена прежняя плата, на других не так сильно сокращена, как предполагалось вначале. В стачке принимало участие около 1000 рабочих»²⁰⁵.

Перед рассказом о забастовке донецких рудокопов помещена история о событиях в марте в Харькове, сразу после – в июле в Тифлисе. Все три события существуют полностью отдельно друг от друга, они герметичны. История донецких рудокопов полностью объясняется изнутри: здесь есть причины и самой забастовки (сокращение платы), и конкретных деструктивных действий рабочих (избиение женщин и детей казаками), в следующем предложении уместается развязка истории (наказание рабочих), а потом говорится и о результатах событий (частичный успех). Здесь мы видим, как жанр хрестоматии позволяет осторожным историкам профессионального движения собрать вместе «отдельные моменты», но при этом не объяснять их как единое целое.

Формально близким к хронике жанром является календарь, который привлекает к себе внимание своим необычным способом денарративизировать историю. Истпроф Союза рабочих сахарной промышленности в 1922 г. выпустил «Календарь сахарника»: в нем события истории союза расположены не в хронологической последовательности, а по месяцам:

«Январь.

²⁰⁵ Хроника профессионального движения рабочих в России (1870–1903 гг.) // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 193.

3 – 1920 г. Организация при Киевсахаре политического отдела для урегулирования на местах отношений с крестьянами.

[...]

28 – 1918 г. Взятие Киева красной гвардией и отступление войск Укр. Ц. Рады, приезд в Киев народных секретарей во главе с Евгенией Бош»²⁰⁶.

Если использовать язык формалистов, то в календаре сахарников происходит разрыв между фабулой и сюжетом²⁰⁷. «Естественный» хронологический порядок событий – от ранних к поздним – заменяется другой логикой: сначала идут события, происходившие в первых числах месяца, а потом – в последних. Если читатель следует порядку календаря, он узнает сначала о событиях 1920 г. и лишь после этого о том, что случилось в 1918 г. Такой порядок изложения еще больше денарративизирует историю. Предположим, что формат календаря был ориентирован в большей степени не на историков, а на рядового пропагандиста, которому календарь помогает распределить темы занятий с рабочими в годовой программе.

Важной сферой, в которой требовались обобщающие нарративы до того, как будет накоплен исчерпывающий материал, было образование. В 1919 г., почти за два года до основания Истпрофов, на Втором Всероссийском съезде профессиональных союзов было положено начало формированию системы профсоюзных учебных заведений – сначала курсов, а потом высших школ профессионального движения²⁰⁸. Процесс обучения требовал наличия учебника, который давал бы краткое, но одновременно с этим полное изложение основных

²⁰⁶ Календарь сахарника // Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Киев, 1922. С. 152.

²⁰⁷ «Фабулой называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении... Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» (См.: Томашевский Б. В. Теория литературы (поэтика). Л., 1925. С. 137).

²⁰⁸ Культурно-просветительная деятельность профессиональных Союзов и профессиональное образование : резолюция // Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов : отчет, сделанный на основании стенограмм и личных записок составителя с приложением резолюций Съезда / сост. Н-ский. М., 1919. С. 118-120. Многие из этих высших школ продолжают существовать и в современной России, правда, уже под другими названиями, например «Академия труда и социальных отношений» в Москве и «Гуманитарный университет профсоюзов» в Санкт-Петербурге.

моментов истории профессионального движения. Для этих целей не подходили объемные работы известных авторов Виктора Петровича Гриневича и Владимира Владимировича Святловского²⁰⁹, стоявших во главе профсоюзного движения в период его возникновения в России. Оба эти автора, во-первых, рассказывали только о предпосылках движения и его расцвете в период революции 1905–1907 гг., не уделяя внимания жизни профсоюзов в период реакции, а во-вторых, были близки к «экономизму» и меньшевизму, что делало их книги «тенденциозными». С другой стороны, существовали брошюры руководителей ВЦСПС Михаила Павловича Томского и Соломона Абрамовича Лозовского²¹⁰, затрагивавшие историческую тематику и бывшие «весьма важными для понимания основных тенденций» российского профессионального движения. Они, однако, были чересчур общими, чтобы использовать их в качестве учебного материала. Именно так редакция первого пособия по истории профессионального движения определяла необходимость его выпуска в 1923 г. даже в обход существовавшего издательского плана²¹¹. Автором этого пособия был Дмитрий Васильевич Антошкин – заместитель директора Высшей школы профсоюзного движения. В следующем году была вышла расширенная версия пособия (объем книжки был увеличен почти в три раза), и в дальнейшем она была переиздана еще дважды²¹².

Важно заметить, что учебник по истории профессионального движения Д.В. Антошкина издавался Редакционно-Издательским отделом ВЦСПС помимо Истпрофа: комиссия была не готова взять на себя ответственность за такой масштабный нарратив, который требовался для учебника. Первоначально работа по подготовке учебных пособий рассматривался в качестве одной из задач Истпрофов: об этом писал В. П. Гриневич в черновике объяснительной записки о целях и организационных формах комиссий, однако этот пункт из записки был

²⁰⁹ Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907. 406 с.; Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908. 287 с.

²¹⁰ Томский М. П. Очерки профессионального движения в России. М., 1920. 80 с.; Лозовский А. С. Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920. 64 с.

²¹¹ Антошкин Д. В. Профессиональное движение в России : пособие для курсов по профдвижению. М., 1923. С. 3.

²¹² Антошкин Д. В. Профессиональное движение в России : пособие для самообразования и курсов по проф. движению. Изд. 2-е. М., 1924. 408 с.; То же. Изд. 3-е. М., 1925. 384 с.; То же. Изд. 4-е. М., 1926. 544 с.

вычеркнут²¹³. Жанр учебника требовал не просто сообщать факты об истории профсоюзов, но объяснять их, наделять их значением и смыслом, что противоречило основным методологическим установкам комиссии.

3.3 Литература факта и материалы Истпрофов: «Семен Проскаков» Николая Николаевича Асеева

Научность Истпрофов развивалась в контексте, когда документ оказался в центре внимания не только историков. В это же самое время советские писатели, поэты, художники создавали работы в особом – документальном – ключе, который подразумевал «использование или ссылку на методы выражения и передачи информации наиболее прозрачным способом, с минимальным проявлением авторского начала»²¹⁴. Как показывает в своей монографии Э. Папазян, «документальный момент» был общим самых разных проектов от «Киноглаза» Дзиги Вертова, благодаря которому материал становился частью самого кинематографического произведения, без посредничества автора, до основанной на изучении воспоминаний и заводских архивов «История фабрик и заводов» Максима Горького. В этих проектах документ играл такую же роль, как и в сборниках материалов Истпрофов, а также в других историко-революционных журналах «Красном архиве», «Красной летописи», «Пролетарской революции», «Каторге и ссылке».

«Документальный момент» советской культуры 1920-х гг. не только позволил ей построить мост между авангардом и соцреализмом²¹⁵, но и между историей и литературой. В сборнике статей Левого фронта искусств «Литература факта» (1929) среди литературных произведений обсуждается и издание Владимирского Истпарта, посвященное Михаилу Лакину – герою революции

²¹³ Гриневиц В. П. Организационные задачи и формы работы Истпрофа в центре и на местах на ближайший период работы (объяснительная записка). 8 декабря 1921 г. // ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

²¹⁴ Papazian E. Manufacturing Truth: The Documentary Moment in Early Soviet Culture. DeKalb, 2009. P. 5.

²¹⁵ Заламбани М. Литература факта: от авангарда к соцреализму. М., 2006. 221 с.

1905 г. Автор рецензии на эту книгу Н.Ф. Чужак пишет, что «самые точные и показательные характеристики Михаила Лакина находим в некоторых сухих, казенных документах, рассыпанных по сборнику»²¹⁶.

Материалы Истпрофов неожиданным, наверное, для самих членов комиссий образом нашли себе место не в монографиях «будущего историка», а в поэме левовца Н.Н. Асеева «Семен Проскаков», опубликованной в 1928 г. «Семен Проскаков» вышел почти одновременно с поэмой «Хорошо!» (1927) Владимира Владимировича Маяковского, которого Н.Н. Асеев считал своим учителем. В.В. Маяковский и Н.Н. Асеев готовили свои поэмы к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. В начальных строках «Хорошо!» поэтом дается такая установка:

Ни былин,
ни эпосов,
ни эпопеи.
Телеграммой
лети
строфа!
Воспаленной губой
приходи
и попей
из реки,
по имени – «Факт»²¹⁷.

Н.Н. Асеев в «Семене Проскакове» шел еще дальше В.В. Маяковского. Хотя мы вслед за литературой обозначили это произведение как поэму, сам Н.Н. Асеев в подзаголовке обозначил его как «стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны». В основе этих «примечаний» лежат воспоминания реального участника гражданской войны в Сибири шахтера-партизана Семена Ильича Проскакова, также они содержат записи допроса

²¹⁶ Чужак Н. Живой человек истории // Литература факта : первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 246.

²¹⁷ Маяковский В. В. ...Хорошо! Октябрьская поэма М. ; Л., 1927. С. 9.

и весом

наш материал²²⁰.

Косноязычие воспоминаний С.И. Проскакова служит подтверждением отсутствия выдумок и украшательства в поэме, в нем аутентичность рассказа и его фактичность. «Весомость» материала Н.Н. Асеев создает не через его уникальность, а наоборот – через типичность. В первом и последнем отрывках из воспоминаний С.И. Проскаков говорит о себе предельно конкретно, утверждая свою единичность посредством обращения к себе по имени: «...я, Проскаков Семен Ильич...»²²¹. В стихотворном теле поэмы Н.Н. Асеев лишает С.И. Проскакова уникальности и множит его в сотни и тысячи раз:

В тысячах
повторенный
имён
из-под глухого
земного покрова
я, партизан
Проскаков Семен
жить начинаю
снова и снова...²²²

А также в другом месте:

Проскаков
стоит и стоит
на часах.
А сотни
Проскаковых
бродят вокруг²²³

²²⁰ Там же. С. 22.

²²¹ Асеев Н. Н. Семен Проскаков: стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны. М. ; Л., 1928. С. 5, 45.

²²² Там же. С. 6.

²²³ Там же. С. 41.

Антагонисты Проскакова умножаются по той же технике, что и он сам: от уникального в материале к типичному в поэме. Последний отрывок из воспоминаний С.И. Проскакова описывает его борьбу с конвоиром. Конвоир должен был расстрелять С.И. Проскакова, но наган дал несколько осечек и С.И. Проскакову удалось отбиться от конвоира кайлом и сбежать. По ходу описания (всего чуть более сотни слов) С.И. Проскаков четыре раза называет своего конвоира гадом. Н.Н. Асеев превращает ругательство, которым С.И. Проскаков поносит своего конкретного противника, в тип:

Так не зовут
простого врага:
"гад"!
Тот,
кто потом чужим
богат, –
гад,
тот,
кто мученью
чужому рад, –
гад,
тот,
чье веселье –
зареве хат, –
гад!²²⁴

Следует также отметить, что именно эта типизация конкретных людей и фактов в поэме Н.Н. Асеева была подвергнута критике современниками. Так, Абрам Захарович Лежнев, критик и литературовед, участник литературной группы «Перевал», конкурировавшей с ЛЕФом в течение 1920-х гг., утверждал, что ни Н.Н. Асееву, ни В.В. Маяковскому не удалось воплотить в своих

²²⁴ Асеев Н. Н. Семен Проскаков: стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны. М. ; Л., 1928. С. 46.

юбилейных поэмах их стремление к факту. А.З. Лежнев писал: «Герой Асеева, Семен Проскаков, хотя он и не выдуман, а существовал, – вовсе не реальный партизан, а некое отвлечение, почти символ, лишенный плоти, переносчик авторского пафоса, и вся его история – не рассказ о подлинной жизни и борьбе подлинного человека, а отвлеченная ода революции. Но документальность имеет смысл тогда, когда речь идет о конкретном, о “частном”. Она и жива только связью с ним. Тогда же, когда художественное произведение разворачивается в “общем”, в абстрактном плане, она лишается всякой необходимости, делается ненужным придатком»²²⁵.

Преодолевая уникальность воспоминаний С.И. Проскакова, Н.Н. Асеев превращает их из биографии в историю. В поэме борются не конкретный Проскаков и его противник-гад, а красные с белыми. Материалы, собранные Истпрофом ЦК союза горнорабочих, таким образом, становятся частью истории, но совсем не той истории, для которой они создавались. «Семен Проскаков» – это не история союза горняков или его сибирского краевого отдела, это история Гражданской войны.

Подводя итог данной главы, хотелось бы отметить, что истпрофовский способ рассказывать историю профессионального движения – набрасывать отдельные факты, не связывая их воедино – соотносится с тем, что Э. Ауэрбах называл гомеровским мимесисом в своей книге, посвященной анализу форм изображения действительности в европейской литературе от античности до В. Вулф. Э. Ауэрбах рассматривал европейскую литературу как наследницу одновременно античной и христианской традиций и располагал отдельные произведения между двумя миметическими полюсами: эпосом Гомера и Ветхим Заветом. Гомер помещает все описываемые им предметы как бы на одной плоскости, равномерно и ясно освещая все, что появляется в повествовании, вне зависимости от того, какую роль предмет играет в истории. Ветхозаветные авторы, в свою очередь, как бы выхватывают из темноты только отдельные

²²⁵ Лежнев А.З. Две поэмы // Перевал : литературно-художественный альманах. М. ; Л. 1928. Сб. 6. С. 362.

предметы и только те их черты, которые значимы с точки зрения рассказываемой истории. Гомеровский мимесис герметичен, описываемый мир существует сам по себе. Читатель во время чтения просто погружается в него, на какое-то время отвлекаясь от окружающей его действительности. Ветхозаветные истории, наоборот, имеют всемирно-историческую перспективу, которая включает и саму рассказываемую историю, и читателя.

В задачи данного исследования не входит отнести тексты, создававшийся Истпрофом, к гомеровской или же к ветхозаветной форме мимесиса. Это было бы заведомо ложной операцией, потому что обе эти формы – своего рода идеальные типы. При должной внимательности читатель легко сможет найти даже в Одиссее или в книге Бытия отрывки, которые противоречат описанным Э. Ауэрбахом формам мимесиса. Однако стремление текстов Истпрофа к гомеровскому мимесису угадывается. Это имеет одну важную импликацию: Э. Ауэрбах пишет, что между гомеровской и ветхозаветной формами мимесиса есть важное отличие, касающееся претензий рассказов на власть. Ветхозаветный мимесис требует от нас «включить в мир сказания нашу действительность и нашу собственную жизнь, мы должны почувствовать себя кирпичиками всемирно исторического здания, им возведенного»²²⁶. Гомеровский мимесис этой претензии лишен – он лишь показывает некую картину, которая четко ограничена своими рамками. Профсоюзная история касается только самих профсоюзов; получив статус «школы коммунизма» в начале 1920-х гг., они не могли претендовать на большее.

²²⁶ Ауэрбах Э. Мимесис: изображение действительности в западно-европейской литературе. М., 1976. С. 44.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Советской России в 1920-1930-е гг. был организован целый ряд массовых исторических проектов: Истпарт, Истпроф, Истмол, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, История фабрик и заводов. Такого рода общественные и государственные проекты активно изучаются в рамках проблематики исторической памяти. Однако инструменты этого подхода, противопоставляющего научное знание о прошлом (историю) и обыденное знание о прошлом (память), не вполне уместны для советского материала. Это связано, прежде всего, с тем, что научность в советской системе была присуща не только ученым, но и носителям научной идеологии – марксизма – вне зависимости от их профессии. Наукой занимались в партии и в профсоюзах, в наркоматах и на производствах. Научная организация труда, разрабатывавшаяся в стенах Института труда при ВЦСПС, должна была внедряться в каждый заводской цех. История на момент революции была уже хорошо развитой и институционализированной дисциплиной в России. Большевики по-разному относились к наследию «буржуазных специалистов», некоторые предлагали строить пролетарские науки на совершенно новых основаниях, однако никто не отрицал саму необходимость писать историю научно в той или иной форме.

В данной работе была предпринята попытка рассмотреть профсоюзное историописание в 1920-е гг. как результат наложения двух контекстов: институционального и научного. Истпрофы работали в структуре самих профсоюзов и состояли по большей части из профработников. Однако переписка комиссий, их циркуляры и издания полнятся обсуждениями вопросов о том, как правильно читать источники, какие из них более надежны, как правильно писать и какие методы использовать. Профсоюзное историописание было неакадемичным и научным одновременно – в этом главный парадокс данного сюжета.

Истпроф при ВЦСПС изначально работал в стенах Социалистической академии, но спустя некоторое время он переехал во Дворец труда, где располагались центральные органы профсоюзов. Если за первоначальным решением стояла логика профессионализации: исследователи должны работать

вместе с исследователями, производство знания вынесено в отдельный институт, то помещение Истпрофа рядом с его непосредственным руководством означает инкорпорацию знания, превращение его в специфически профсоюзное. Корпоративность Истпрофов особенно ярко проявилась в том, как они боролись с Центрархивом за право распоряжаться союзными архивами. При этом сама система профсоюзов представляла собой не монолитную структуру, а сложный конгломерат, организованный одновременно по двум принципам: производственному и территориальному. Истпрофы работали как при отдельных производственных объединениях (металлистов, текстильщиков и т.д.), так и при отдельных территориальных организациях (Ленинградском, Московском губернских советах профсоюзов и т.д.); рассказывая об событиях, они следовали логике именно той иерархии, в которой работали.

Манифест учения о профессиональном движении, сформулированный одним из лидеров Истпрофов М.Я. Гордоном, развивал логику инкорпорации знания. М.Я. Гордон писал, что учение о профессиональном движении имело свой отдельный предмет, в нем по-своему должен был применяться диалектический метод, у него была своя периодизация, и оно тесно связано с практическими задачами профсоюзов: образовательными, воспитательными и управленческими. Прошлое профессионального движения должно подсказывать нынешним руководителям правильные решения.

Ключевой установкой, которой Истпрофы руководствовались в своей работе, был «радикальный идуктивизм»: представление о том, что научная история в своей основе должна иметь прочную фактическую базу. Оценки героев, анализ событий и законы истории должны с необходимостью выводиться из самих фактов социальной жизни. Поэтому деятельность комиссии в 1922–1928 гг. заключалась в разных формах накопления фактического материала для «будущего историка». На всесоюзном совещании Истпрофов в 1928 г. представители комиссий решили, что накоплено уже достаточно материала, чтобы перейти к написанию настоящей истории. Однако вскоре вся сеть Истпрофов была упразднена, поэтому они не успели развить деятельность в новом направлении.

Два контекста – инкорпорация профсоюзного историописания и его индуктивная научность – определили особое устройство производившегося Истпрофами текста. Несмотря на то, что Истпрофы отказывались писать историю до того, как будет собран исчерпывающий для нее материал, они за время работы опубликовали немало сборников, книг и брошюр. Прагматика таких изданий была не в том, что они создавали некую картину прошлого, а в том, что новые факты позволяли разрушить бытовавшие заблуждения. Отдельные факты не складывались пока в новую историю, но уже имели деструктивный заряд для того, чтобы разрушать старые. Иногда, однако, Истпрофы публиковали обобщающие тексты, но делали это в рамках особых, не-нарративных, жанров хроники и календаря. Хроника позволяла расположить события в хронологической последовательности, но без объяснения причинно-следственных связей. Календарь еще больше денарративизировал историю профсоюзов: в нем события располагались не в хронологической, а в календарной последовательности.

Будучи инкорпорированными в структуру профсоюзов, Истпрофы не изучали историю вообще, а собирали материалы для истории конкретных институтов – профессиональных организаций, в которые они были инкорпорированы. Таким образом, для них социальная реальность была исчерпаемой, она делилась на определенное число отдельных элементов, определенных институциональной матрицей профсоюзов. Этот же факт определил особое обращение Истпрофов с материалами: пока археографы пытались выработать компромиссный способ издания материалов, который давал бы возможность любым специалистам их использовать, у членов Истпрофов такой проблемы не было. Они готовили материал для «будущего историка» профессионального движения и знали, какие он будет ставить вопросы перед источниками.

Таким образом, данное диссертационное исследование представляет собой попытку проанализировать целостно работу сети Истпрофов в 1920-е гг. Помимо этого, оно делает вклад в дискуссию о сущности советского проекта в целом, подтверждая тезис о том, что претензии марксизма на научность должны

рассматриваться историками серьезно. Несмотря на утопичность советского проекта, стремление большевиков реорганизовать общественную жизнь на рациональных началах оказывало большое влияние на все стороны жизни государства и общества, в том числе на то, каким образом функционировали неакадемические исторические проекты в 1920-е гг.

Среди перспектив дальнейшей разработки темы данного диссертационного исследования стоит указать сразу несколько направлений. Во-первых, более глубокого анализа заслуживает деятельность местных Истпрофов. Мы лишь кратко указали на то, что на местах по-разному складывалась отношения между профсоюзными и партийными историческими комиссиями, краеведами и профессиональными историками. Углубленное изучение отдельных случаев позволит уточнить данный тезис. Вторым возможным направлением развития данного исследования является синтетическое. Будущие историки могут поставить вопрос о связи между Истпрофами и такими позднейшими проектами как «История фабрик и заводов» или коммеморация событий Великой отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. О роли и задачах профсоюзов : резолюция X съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954 / Ин-т Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1954. – Ч. 1: 1898–1924. – 832 с.

2. О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике : декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. // Декреты Советской власти / ред. комис.: Г. Д. Обичкин [и др.]. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. / [подг. к печ. С. Н. Валк и др.]. – 686 с.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный Архив Российской Федерации

Ф. 6935. Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном Центральном Совете профессиональных союзов и центральных комитетах профессиональных союзов.

3. Оп. 1. Д. 1. 1921 г. Копии Положения о Комиссии по изучению истории проф. движения и Программы собирания материалов по изучению истории проф. движения.

4. Оп. 1. Д. 2. 1921 г. Протоколы заседаний Истпрофа (апрель и ноябрь 1921 г.) и докладные записки секретаря Истпрофа.

5. Оп. 1. Д. 9. 1921 г. Объяснительная записка и заявление члена комиссии Истпрофа Гриневича В. П. о работе Истпрофа.

6. Оп. 1. Д. 10. 1923–1926 гг. Об организации и деятельности Истпрофа при ВЦСПС.

7. Оп. 1. Д. 11. 1923 г. Протоколы заседаний Истпрофа ВЦСПС, доклады и резолюции.

8. Оп. 1. Д. 26. 1923 г. Переписка с коллегией Центрархива, Историко-революционным музеем и другими учреждениями.

9. Оп. 1. Д. 33. 1924 г. Протоколы совещаний и заседаний представителей губотделов и уездных профбюро при МГСПС.

10. Оп. 1. Д. 49. 1925 г. Основные положения организации и протоколы заседаний коллектива работников по истории профдвижения ВЦСПС и МГСПС.

11. Оп. 1. Д. 60. 1926–1930 гг. Планы работ и докладные записки о деятельности научно-исследовательского кабинета Истпрофа ВЦСПС.

12. Оп. 1. Д. 65. 1926 г. Инструкция по упорядочению профсоюзных архивов.

13. Оп. 1. Д. 68. 1926–1928 гг. Материалы по Истпрофу.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Ф. Р-6276. Ленинградский областной совет профессиональных союзов

14. Оп. 6. Д. 216. 1921 г. Отчеты Ученой комиссии по исследованию труда в России.

15. Оп. 9. Д. 53. 1924 г. Материалы о работе уполномоченных по Истпрофу ЛГСПС.

16. Оп. 11. Д. 67. 1926 г. Протоколы заседаний Истпрофа ЛГСПС.

17. Оп. 46. Д. 1. 1921 г. Протоколы заседаний культотделов союзов, заведующих культячеек фабрик, заводов и клубов.

Документальные публикации

18. Всероссийский ж.-д. союз. Московское совещание главных дорожных ком. Европейской России и Исполнительного ком. Викжель в октябрьские дни : протоколы Моск. совещ. гл. дор. ком. Европ. России 13–15 нояб. 1917 г. – Петроград : Центр. испол. ком. Всерос. ж.-д. союза, 1918. – 127 с.

19. Всероссийский съезд проф. союзов. Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов : [отчет, сделанный на основании стенограмм и личных записок составителя с приложением резолюций Съезда] / [сост. Н-ский]. – М. : ВЦСПС, 1919. – 136 с.

20. Десятый съезд РКП(б). Март. 1921 г : [протоколы] / под ред. Н. Н. Попова. – М. : Парт. изд-во, 1933. – 954 с.

21. Протоколы Первого Съезда архивных деятелей РСФСР 14–19 марта 1925 г. / под ред. Н. Ф. Бельчикова, В. В. Максакова ; Центр. архив РСФСР. – М. ; Л. : Изд-во Централхива РСФСР и Гос. изд-во, 1926. – 312 с.

22. Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.) : стенографический отчет – М. : [б. и.], 1921. – 179 с.

23. Руководство по делопроизводству профессиональных организаций / под ред. и с введ. Н. Н. Икономова. – М. : Изд-во ВЦСПС, 1925. – 140 с.

24. Труды Всероссийской конференции железнодорожных служащих и рабочих, состоявшейся с 6 по 22 апреля 1917 года в г. Петрограде. – М. : т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1917. – 206 с.

25. 1918–1919 гг. в профдвижении Украины : доклад Центпрофа (Всеукраинского центрального совета профсоюзов) 1-му Всеукраинскому съезду профсоюзов / Комис. по изучению истории проф. движения при Укрбюро ВЦСПС (Истпроф). – Харьков : ВУСПС, 1925. – 72 с.

26. IV Всероссийская конференция профессиональных союзов : 12–17 марта 1918 г. : (протоколы и материалы) / Комис. по изучению истории проф. движения в России при ВЦСПС (Истпроф) ; Собр. и обраб. для печати М. Заяц и Ю. Милонов. – М. : ВЦСПС, 1923. – 126 с.

ПУБЛИЦИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

27. Быстрянский В. Ленин-историк : историзм в ленинизме / В. Быстрянский. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – 34 с.

28. Лежнев А. З. Две поэмы / А. З. Лежнев // Перевал : [альманах] / под ред. Артема Веселого [и др.]. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – Сб. 6. – С. 353–364.

29. Лелевич Г. Ленин, как историк партии и революции / Г. Лелевич. – М. : Гос. изд-во, 1925. – 63 с.

30. Лозовский А. С. Профессиональные союзы в Советской России / А. С. Лозовский. – М. : Всерос. центр. сов. проф. союзов, 1920. – 64 с.

31. О роли профессиональных союзов в производстве / докл. т.т. Зиновьева и Троцкого, речь т. Ленина, содокл. т.т. Бухарина, Ногина, Шляпникова и Рязанова и заключ. слова т.т. Троцкого и Зиновьева на соединен. заседании делегатов 8-го съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС членов РКП 30 дек. 1920 г. ; Бюро фракции РКП ВЦСПС. – М. : [б. и.], 1921. – 79 с.

32. Томский М. П. Очерки профессионального движения в России / М. П. Томский. – М. : Всерос. центр. сов. проф. союзов, 1920. – 80 с.

33. Троцкий Л. Д. Организация труда : (доклад на IX съезде РКП(б)) / Л. Д. Троцкий // Троцкий Л. Д. Хозяйственное строительство Советской республики. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. – С. 129–178.

34. Чужак Н. Живой человек истории / Н. Чужак // Литература факта : первый сборник материалов работников Лефа / под ред. Н. Ф. Чужака; – М. : Федерация, 1929 – С. 242–252.

35. Энгельс Ф. Анти-Дюринг : [переворот в науке, произведенный т. Евгением Дюрингом] / Ф. Энгельс. – М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – 297 с.

36. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во, Моск. отд-ние, 1922. – 39 с.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

37. Айнзафт С. С. История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 года / С. С. Айнзафт ; под ред. и с предисл. Ю. Милонова. – М. : ЦК Деревообделочников СССР, 1928. – 320 с.

38. Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи : 1905–1906 / К. В. Базилевич. – М. : ЦК Союза связи, 1925. – 616 с.

39. Булкин Ф. А. На заре профдвижения : история Петерб. союза металлистов : 1906–1914 / Ф. А. Булкин (Семенов). – Л. ; М. : Центр. ком. и Ленингр. райком Всерос. союза рабочих металлистов, 1924. – 515 с.

40. Валк С. Н. Избранные труды по археографии : науч. наследие / С. Н. Валк ; АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис. [и др.] ; сост. Т. В. Андреева [и др. ; предисл. и отв. ред. М. П. Ирошникова]. – СПб. : Наука, 1991. – 365 с.

41. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России / Ю. И. Гессен ; предисл. и библиогр., сост. В. Ю. Гессеном при участии В. Е. Кельнера. – М. ; Иерусалим : Евр. ун-т Gesharim, 1993. – 241 с.

42. Гиринис С. Что такое профессиональный производственный союз / С. Гиринис. – М. : Труд и книга, 1925. – 60 с.

43. Гордон М. Я. Как изучать профессиональное движение / Макс Гордон. – М. : Труд и книга, 1925. – 122 с.

44. Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России / В. Гриневич. – СПб. : кн. маг. «Наша жизнь», 1908. – 287 с.
45. За марксистско-ленинскую историю профдвижения : [доклад Е. Мильштейна и прения по докладу] – М. : изд-во и тип. Профиздата, 1932. – 217 с.
46. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России / сост. С. Рапопорт, Р. Якуб ; Комис. по изучению истории проф. движения в России. – М. : Изд. ВЦСПС, 1923. – Вып. 1: Профессиональное движение до революции 1917 г. – 64 с.
47. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России / сост.: А. Кац и Р. Якуб ; Комис. по изучению истории проф. движения в России.– М. : Изд. ВЦСПС, 1923. – Вып. 2: Профессиональное движение в годы революции (1917–1922 гг.) – 184 с.
48. Колокольников П. Н., Рапопорт С. 1905–1907 гг. в профессиональном движении : I и II Всерос. конф. проф. союзов / сост. П. Колокольников и С. Рапопорт ; Комис. по изучению истории проф. движения в России (Истпроф ВЦСПС). – М. : Изд-во ВЦСПС, 1925. – 768 с.
49. Литературный сборник Комиссии по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте «Истпрофтран». – М. ; Л. : ЦКЖД, 1924. – 174 с.
50. Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905–1907 гг. : [сб.] / Комис. по изучению истории проф. движения в Ленинграде. Истпроф ЛГСПС. – Л. : Изд-во Ленингр. губпрофсов., 1926. – 264 с.
51. Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. – М. : ВЦСПС, 1924. – Сб. 1. – 212 с.
52. Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. – М. : ВЦСПС, 1924. – Сб. 2. – 366 с.
53. Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. – М. : ВЦСПС, 1925. – Сб. 3. – 392 с.

54. Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. – М. : ВЦСПС, 1925. – Сб. 4. – 419 с.

55. Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. – М. : ВЦСПС, 1927. – Сб. 5. – 236 с.

56. Милонов Ю. История Московского профессионального союза рабочих деревообделочников / Ю. Милонов и М. Раковский. – М. : М. Г. О. деревообделочников («Мосполиграф», 18 тип. им. М. И. Рогова), 1928. – 161 с.

57. Московские печатники в 1905 году : [сб.] / Истпроф Моск. губотд. СРПП СССР ; под ред. Комис. Истпрофа губотд. печатников А. Борщевского, С. Решетова, Н. Чистова. – М. : Моск. губотд., 1925. – 164 с.

58. Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. – Киев : Истпроф ЦК сахарников, 1922. – 192 с.

59. Очерки по истории Союза : 1917 г. : сб. Комис. по изучению истории проф. движения на транспорте / ЦК Всерос. союза рабочих ж.-д. транспорта. – М. : Лит.-изд. отд. ЦК Союза, 1924. – 174 с.

60. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов: историографические очерки, критические статьи и заметки / М. Н. Покровский. – 2-е изд. – М. : URSS ЛИБРОКОМ, 2012. – Т. 1. – 325 с. ; Т. 2. – 447 с.

61. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства : очерки по истории XIII–XV столетий / А. Е.Пресняков. – Петроград : Тип. Я. Башмаков и К°, 1918. – 458 с.

62. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства» / А. Е.Пресняков. – Петроград : Девятая гос. тип., 1920. – 10 с.

63. Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае: 1869–1917 : материалы / мод ред. В. Т. Илларионова. – Н. Новгород : Нижегород. губ. сов. проф. союзов, 1923. – 391 с.

64. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. / сост. С. В. Рождественский. – СПб. : М-во народ. просвещения, 1902. – 785 с.

65. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках / С. В. Рождественский. – СПб. : тип. М. А. Александрова, 1912. – 680 с.

66. Святловский В. В. История профессионального движения в России: от возникновения рабочего класса до конца 1917 года / В. В. Святловский. – Л. : Лен. губ. сов. проф. союзов, 1924. – 345 с.

67. Святловский В. В. Профессиональное движение в России / В. Святловский. – СПб. : М. В. Пирожков, 1907. – 406 с.

68. Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории (1903) / Е. В. Тарле // Тарле Е. В. Сочинения : в 12 т. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1 – С. 297–304.

69. Тарле Е. В. Из истории обществоведения в России / Е. В. Тарле // Литературное дело : сб. – СПб. : тип. Колпинского, 1902. – 356 с.

70. 1905 год на Юго-восточных железных дорогах : ист. очерк / [Дорпрофсоюз Юго-вост. ж.д.]. – М. : Истпрофтран, 1925. – 238 с.

71. Яроцкий В. Я. Введение в изучение профессионального движения / А. Чекин (В. Яроцкий). – М. : Изд-во ВЦСПС, 1925. – 238 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

72. Асеев Н. Н. Семен Проскаков: Стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны / Ник. Асеев. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 51 с.

73. Литературный сборник Комиссии по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте «Истпрофтран»: суд и расправа над железнодорожниками. – М. ; Л. : Истпрофтран ЦКЖД, 1925. – 110 с.

74. Маяковский В. В. ...Хорошо! Октябрьская поэма / В. Маяковский. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927 – 104 с.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

75. Антошкин Д. В. Профессиональное движение в России : пособие для курсов по профдвижению / Д. В. Антошкин. – М. : ВЦСПС, 1923. – 100 с.

76. Антошкин Д. В. Профессиональное движение в России : пособие для самообразования и курсов по проф. движению / Д. В. Антошкин. – 2-е изд. – М. : Изд-во ВЦСПС, 1924. – 408 с.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

77. Архив истории труда в России. – Петроград, 1921–1925.

78. Архивное дело. – М. ; Петроград, 1923–1941.

79. Бюллетень Истпрофтрана. – М., 1924–1925.

80. Вестник Социалистической академии. – М., 1922–1935.

81. Красная летопись. – Петроград, 1922–1937.

82. Красная новь. – М., 1921–1942.

83. Огонек. – М., 1923–.

84. Русское богатство. – Петроград, 1879–1918.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

85. Анисимов С. С. Дело о восстании на Екатерининской ж.д / Сергей Анисимов. – М. ; Л. : Истпрофтран ЦКЖД, 1926. – 204 с.

86. Анисимов С. С. ...Как это было : записки полит. защитника о судах Столыпина / Сергей Анисимов. – М. : изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931 – 157 с.

87. Гурьевич В.Д. «Маджель» (Союз младших агентов движения ж. д.), 1917–1919 гг. / В. Гурьевич. – М. ; Л. : ЦКЖД, 1925. – 60 с.

СТАТИСТИКО-СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

88. Вся Москва : адресная и справочная книга на 1923 г. – М. : Гос. изд-во, 1923. – 1274 стб. ; 168 с.

89. Малая энциклопедия профессионального движения и труда / сост. при участии М. Я.Гордона, Л. Н.Михалевского и Э. Э.Эссена. – Л. : Ленингр. губ. сов. проф. союзов, 1925. – 870 стб.

90. Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры : биограф. слов. – СПб. : Алетейя, 1999. –Т. 2: Российская публичная

библиотека – Государственная публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930. – 704 с.

91. Социалисты и анархисты – участники сопротивления советскому режиму (25 октября 1917 – конец 1930-х гг.) [Электронный ресурс] : материалы к биограф. справ // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. – Электрон. дан. – [Б. м. и г.]. – URL: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/index.htm> (дата обращения: 01.12.2018).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ

92. Алаторцева А. И. Советская историческая периодика, 1917 – середина 1930-х гг. / А. И. Алаторцева – М. : Наука, 1989. – 251 с.

93. Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 гг. / Д. А. Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 3. – С. 3–24;

94. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917–1923 гг.) / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1968. – 300 с.

95. Алексеева Г. Д. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений: (20-30-е годы) / Г. Д. Алексеева, Г. И. Желтова ; Ташкент. пед. ин-т им. Низами. – Ташкент : Фан, 1977. – 136 с.

96. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : Кучково поле, 2016. – 413 с.

97. Андросенкова З. М. Организация изучения истории рабочего движения в России в первый период развития исторической науки (до середины 30-х годов) / З. М. Андросенкова // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, Серия истории, языка и литературы. – 1966. – № 14. – С. 5–17.

98. Анкерсмит Ф. Нарративная логика : семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

99. Антифоменковская мозаика / науч. ред. И. А. Настенко. – М. : Рус. панорама, 2001. – 230 с.

100. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

101. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.

102. Ауэрбах Э. Мимесис: изображение действительности в западно-европейской литературе / Э. Ауэрбах. – М. : Прогресс, 1976. – 556 с.

103. Базанов М. А. Дискуссия о процессе образования Русского централизованного государства (1946 г.): о рецепции дореволюционных исследовательских стратегий советской историографией / М. А. Базанов // Диалог со временем. – М. : ИВИ, 2015. – Вып. 51. – С. 334–345.

104. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; пер. Е. М. Лысенко. – М. : Наука, 1986. – 254 с.

105. Блоуин Ф. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников / Ф. Блоуин, У. Розенберг // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / под ред. И. М. Каспэ. – М. : Новое литературное обозрение, 2013 – 405 с.

106. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Д. Л. Бранденбергер. – СПб. : Академический проект ДНК, 2009. – 415 с.

107. Виноградов С. М. И. М. Кулишер : очерк жизни и творчества / С. М. Виноградов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 1995. – № 3-4. – С. 37–54.

108. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене ; пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 494 с.

109. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон ; науч. ред. и пер. с англ.: А. В. Белых. – М. : Дело, 2015. – 534 с.

110. Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие / В. Ю. Гессен. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 469 с.

111. Гловели Г. Д. Историзм и историческое направление в российской политической экономии / Г. Д. Гловели // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 468–512.

112. Грэхем Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе : [пер. с англ.] / Л. Р. Грэхем ; [послесл. В. С. Степина]. – М. : Политиздат, 1991. – 479 с.

113. Данто А. С. Аналитическая философия истории / А. С. Данто ; пер. с англ. А. Л. Никифорова и О. В. Гавришиной ; под ред. Л. Б. Макеевой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 289 с.

114. Дастон Л. Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания / Л. Дастон // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 105–124.

115. Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина / А. Н. Дмитриев // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 2. – С. 29–60.

116. Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства / А. Н. Дмитриев // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – С. 10–38.

117. Дмитриев А. Н. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках / А. Н. Дмитриев // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 7–38.

118. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / М. Дэвид-Фокс // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 140. – С. 19–45.

119. Завадский А. И. Публичная история: между академическим исследованием и практикой [Электронный ресурс] / А. И. Завадский, Е. М. Исаев, А. В. Кравченко [и др.] // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 112. – С. 22–43. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/112_nz_2_2017/article/12529/ (дата обращения: 14.01.2019).

120. Заламбани М. Литература факта: от авангарда к соцреализму / М. Заламбани ; [пер. с итал. Н. В. Колесовой]. – СПб. : Акад. проект, 2006. – 221 с.

121. Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы / М. В. Зеленов. – Н. Новгород : Нижполиграф, 2000. – 538 с.

122. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки : подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. / Л. В. Иванова – М. : Мысль, 1968. – 197 с.

123. Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения / Т. А. Игнатенко // Исторические записки. – 1979. – Т. 104. – С. 240–267.

124. Игнатенко Т. А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального рабочего движения в революции 1905–1907 гг. (20-е – начало 30-х гг.) / Т. А. Игнатенко // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции : сб. ст. – М. : Наука, 1978. – 317 с.

125. Ильина Т. Н. Материалы Трофейной комиссии в собрании ВИМАИВиВС / Т. Н. Ильина // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды пятой международной научно-практической конференции, 14–16 мая 2014 года / науч. ред. С. В. Ефимов. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. – Ч. 4. – 478 с.

126. Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 646 с.

127. Исторические работы К. В. Базилевича // Вопросы истории. – 1950. – № 7. – С. 169–175.

128. Суриков И. Е. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / И. Е. Суриков, О. В. Сидорович, П. П. Шкаренков [и др.] ; под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006 – 763 с.

129. Кирьянов Ю.И. Материалы фондов Комиссий истпрофов как источник по истории рабочего класса в России / Ю. И. Кирьянов, Л. М. Шалагинова // Вопросы истории. – 1978. – № 5. – С. 54–77.

130. Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство : дискуссии 1917–1920 гг. / А. Ф. Киселев. – М. : Прометей, 1991. – 244 с.
131. Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда / В. И. Клушин. – Л. : Лениздат, 1971. – 340 с.
132. Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. / А. В. Кольцов. – СПб. : Наука, 1999. – 181 с.
133. Кременцов Н. Л. От «Звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе / Н. Л. Кременцов // Историко-биологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 24–56.
134. Кром М. М. Введение в историческую компаративистику / М. М. Кром. – СПб. : Изд-во Европ. университета в С.-Петербур., 2015. – 247 с.
135. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки : из Бостонских исследований по философии науки : сб. пер. / сост., вступ. статья и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1978. – 487 с.
136. Майдачевский Д. Я. Экономическая история в России: первые научные институции, 1920-е гг. / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. – 2004. – Т. 5, № 3. – С. 51–66.
137. Максаков В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти / В. В. Максаков ; под ред. Н. Р. Прокопенко. – М. : [б. и.], 1959. – 161 с.
138. Мифы «новой хронологии» : материалы конф. на ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова 21 дек. 1999 г. / науч. ред. и сост. В.Л. Янин. – М. : Рус. панорама, 2001. – 295 с.
139. Могильнер М. Б. Ното іпрегіі: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.) / М. Могильнер. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 505 с.
140. Могильницкий Б. Г. Объективность и партийность в историческом исследовании / Б. Г. Могильницкий // Труды Томского университета. Сер. история. – 1964. – Т. 173: Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Вып. 2. – С. 3–34.

141. Нарский И. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. / И. Нарский // *Ab Imperio*. – 2004. – № 2. – С. 211–236.

142. Нора П. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 325 с.

143. Носач В. И. Сталинизм и разгром авангарда профсоюзов / В. И. Носач, Н. Д. Зверева. – М. : Федерация Независимых Профсоюзов России, 2009. – 746 с.

144. Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг. / А. М. Панкратова – Л. : изд-во Ленингр. губпрофсовета, 1927 – 146 с.

145. Платт К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е гг. / К. Платт // *Новое литературное обозрение*. – 2008. – № 90. – С. 63–85.

146. Погорелов М. А. Криминологические кабинеты в Советской России, 1922–1929 гг. / М. А. Погорелов // *Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы 11-й междунар. конф. студентов и аспирантов, 14–15 апреля 2017 г., Санкт-Петербург / сост. и ред. М. Газимзянов [и др.]. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербур., 2017. – С. 140–147.*

147. Пролетариат в революции 1905–1907 гг. : [сб. ст.] : к 25-летию революции 1905 г. / Ком. акад., Ин-т истории, Секция истории пролетариата СССР. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. – 490 с.

148. Протасов А. Д. Судьба и материалы первого сборника Истсоцстраха 1928 г. [Электронный ресурс] / А. Д. Протасов // *Ученые записки : электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та*. – 2015. – № 4 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-i-materialy-pervogo-sbornika-istsotsstraha-1928-g> (дата обращения: 21.05.2019).

149. Рокитянский Я. Г. Глас вопиющего. Академик Д. Б. Рязанов против сталинизации РКП(б) / Я. Г. Рокитянский // *Вестник Российской академии наук*. – 1995. – № 4. – С. 365–376.

150. Сенин А. С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Всопрофжель... (1917–1918 гг.) / А. С. Сенин // *Новый исторический вестник*. – 2005. – № 13. – С. 96–141.

151. Томашевский Б. В. Теория литературы (поэтика) / Б. Томашевский. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – 232 с.
152. Уайт Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт ; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 527 с.
153. Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты / С. А. Федюкин. – М. : Мысль, 1965. – 255 с.
154. Филимонов А. В. Псковский Истпроф / А. В. Филимонов // Псков. – 2015. – № 43. – С. 5–11.
155. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 422 с.
156. Шумилов А. И. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири / А. И. Шумилов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 46–50.
157. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 589 с.
158. Шумилов А. И. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905–1920 гг. / А. И. Шумилов // Омский научный вестник. – 2006. – № 8 (45). – С. 22–27.
159. Яров С. В. Интеллигенция и власть в Петрограде 1917–1925 годов: конформистские стратегии и язык сотрудничества / С. В. Яров // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 78. – С. 7–31.
160. Ясницкий А. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики / А. Ясницкий, Е. Завершнева // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 334–355.
161. Ясницкий А. Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века / А. Ясницкий // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 214–226.
162. Barzun J. Clio and the doctors: psycho-history, quanto-history, & history / J. Barzun. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – 173 p.

163. Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930* / D. Beer. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2008. – 248 p.

164. Corney F.C. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution* / F.C. Corney. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2004. – 320 p.

165. David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union* / M. David-Fox. – 1st ed. – Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press, 2015. – 296 p.

166. David-Fox M. Multiple modernities vs. neo-traditionalism: on recent debates in Russian and Soviet history / M. David-Fox // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2006. – Vol. 54, is. 4. – P. 535–555.

167. David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941* / M. David-Fox. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 416 p.

168. David-Fox M. Symbiosis to Synthesis: The Communist Academy and the Bolshevization of the Russian Academy of Sciences, 1918–1929 / M. David-Fox // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1998. – Vol. 46, is. 2. – P. 219–243.

169. Dobrenko E. *Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution* / E. Dobrenko. – New Haven, CT : Yale University Press, 2008. – 272 p.

170. Engelstein L. *The keys to happiness: sex and the search for modernity in fin-de-siècle Russia* / L. Engelstein. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1992. – 461 p.

171. Enteen G. M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s / G. M. Enteen // *Slavic Review*. – 1976. – Vol. 35, is. 1. – P. 91–110.

172. Enteen G. M. Writing Party History in the USSR: The Case of E. M. Iaroslavskii / G. M. Enteen // *Journal of Contemporary History*. – 1986. – Vol. 21, № 2. – P. 321–344.

173. *Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda* / eds. K.M.F. Platt, D. Brandenberger. – Madison : University of Wisconsin Press, 2006. – 372 p.

174. Fitzpatrick S. *The cultural front: power and culture in revolutionary Russia: Studies in Soviet history and society* / S. Fitzpatrick. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1992. – 264 p.

175. Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920–1938) / J. Frankel // *Slavic Review*. – 1966. – Vol. 25, № 4. – P. 563–603.

176. Fritze R. H. *Invented knowledge: false history, fake science and pseudo-religions.* / R. H. Fritze. – London : Reaktion, 2009. – 304 p.

177. Graham L. R. The formation of Soviet research institutes: a combination of revolutionary innovation and international borrowing / L. R. Graham // *Social Studies of Science*. – 1975. – Vol. 5, № 3. – P. 303–329.

178. Hirsch F. *Empire of nations: ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union: culture & society after socialism* / F. Hirsch. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – 367 p.

179. Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939* / D. L. Hoffmann. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. – 344 p.

180. Holmes L. E. Scholarly voice or political echo? Soviet party history in the 1920s / L. E. Holmes, W. Burgess // *Russian History*. – 1982. – Vol. 9, № 1. – P. 378–398.

181. Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921* / P. Holquist. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. – 359 p.

182. Holquist P. “In Accord with State Interests and the People's Wishes”: the Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration / P. Holquist // *Slavic Review*. – 2010. – Vol. 69, № 1. – P. 151–179.

183. Holquist P. To count, to extract, and to exterminate: population statistics and population politics in late imperial and soviet Russia / P. Holquist // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* / eds. T. Martin, R. G. Suny. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. – P. 111–144.

184. Hosking G. A. *Memory in a totalitarian society: the case of the Soviet Union* / G. A. Hosking // *Memory: History, Culture and the Mind. Memory* / ed. T. Butler. – Oxford ; New York : Blackwell Pub, 1989. – P. 115–130.

185. Kojevnikov A. The phenomenon of Soviet science / A. Kojevnikov // *Osiris*. – 2008. – Vol. 23, № 1. – P. 115–135.

186. Kojevnikov A. The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science / A. Kojevnikov // *Science in Context*. – 2002. – Vol. 15, № 2. – P. 239–275.

187. Kotkin S. *Armageddon averted: the Soviet collapse, 1970-2000* / S. Kotkin. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 280 p.
188. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization.* / S. Kotkin. – Berkeley : University of California Press, 1995. – 639 p.
189. Krylova A. *Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament* / A. Krylova // *Contemporary European History.* – 2014. – Vol. 23, № 2. – P. 167–192.
190. Linde C. *Working the Past: Narrative and Institutional Memory* / C. Linde. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. – 264 p.
191. Novick P. *That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession* / P. Novick. – [S. l.] : Cambridge University Press, 1988. – 580 p.
192. Papazian E. A. *Manufacturing Truth: The Documentary Moment in Early Soviet Culture* / E. A. Papazian. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 2008. – 296 p.
193. Petrone K. *The Great War in Russian Memory* / K. Petrone. – Bloomington : Indiana University Press, 2011. – 408 p.
194. Platt K. M. F. *Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under I. V. Stalin* / K. M. F. Platt, D. Brandenberger // *Russian Review.* – 1999. – Vol. 58, № 4. – P. 635–654.
195. *Russian Modernity: Politics, Knowledge and Practices. Russian Modernity* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. – Houndsmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2000. – 288 p.
196. Shermer M. *Denying history: who says the Holocaust never happened and why do they say it?* / M. Shermer, A. Grobman. – Berkeley : University of California Press, 2000. – 312 p.
197. *The invention of tradition* / eds. E. J. Hobsbawm, T. O. Ranger. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – 320 p.
198. Todes D. *Dialectical materialism and Soviet science in the 1920s and 1930s* / D. Todes, N. Kremmentsov // *A History of Russian Thought* / ed. by W.J. Leatherbarrow, D. Offord. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – P. 340–367.

199. Tolz V. Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet periods / V. Tolz. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2011. – 203 p.

200. Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920 / J. von Geldern. – Berkeley : University of California Press, 1993. – 330 p.

201. White J. D. Early Soviet historical interpretations of the Russian revolution 1918–1924 / J. D. White // Europe-Asia Studies. – 1985. – Vol. 37, № 3. – P. 330–352.

202. Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. / S. Yekelchik. – Toronto : University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2004. – 252 p.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

203. Hartzok J. G. Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941 : academic dissertation / J. G. Hartzok. – Iowa City, IA : University of Iowa, 2009. – 312 p.

204. Kolar K. A. What Kind of Past Should the Future Have? The Development of the Soviet Archival System, 1917–1931 : academic dissertation / K. A. Kolar. – Los Angeles : University of California, 2012. – 234 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
СПИСОК ИЗДАНИЙ,
ВЫПУЩЕННЫХ ИСТПРОФАМИ В 1923–1930-х гг.

Собранная здесь библиография, к сожалению, не может претендовать на исчерпывающую полноту. Причиной тому служит сразу несколько факторов объективного характера. Прежде всего, сама структура Истпрофов предполагала значительную независимость комиссий от центра. Истпрофы отдельных союзов (особенно на раннем этапе, до 1925 г.), формировали свою издательскую политику независимо от Истпрофа ВЦСПС. Не существовало единого и всеобъемлющего плана, не велся централизованный учет текущей литературы. Помимо этого, Истпрофы были «разгромлены» в 1930 г. и не дожили до своего десятилетия, когда можно было бы ожидать от руководства комиссий подведения итогов в виде выпуска каталога книг. Не всегда также представляется возможным с точностью определить, было ли то или иное издание выпущено Истпрофом. Сама эта аббревиатура не использовалась повсеместно, вместо нее иногда употреблялись словосочетания «историческая комиссия» или «юбилейная комиссия». Однако эта библиография составлена на основе работы в каталогах и с библиографами Российской национальной библиотеки, одного из крупнейших хранилищ страны, поэтому можно предположить, что общую картину она все-таки дает.

Издания Истпрофа ВЦСПС

1. IV Всероссийская конференция профессиональных союзов. 12–17 марта 1918 г. : (протоколы и материалы). – М., 1923. – 126 с.

2. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. – М., 1923. – Вып. 1: Профессиональное движение до революции 1917 г. – 64 с.

3. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. – М., 1923. – Вып. 2: Профессиональное движение в годы революции (1917–1922 гг.). – 184 с.

4. Айнзафт С. С. Первый этап профессионального движения в России (1905–1907 гг.) / С. С. Айнзафт. – Вып. 1. – М., 1924. – 281 с.

5. Материалы по истории профессионального движения в России. – М., 1924. – Сб. 1. – 212 с.

6. Материалы по истории профессионального движения в России. – М., 1924. – Сб. 2. – 366 с.

7. Милонов Ю. К. Путеводитель по резолюциям всероссийских съездов и конференций профессиональных союзов / Ю. К. Милонов. – М., 1924. – 674 с.

8. 1905–1907 гг. в профессиональном движении. I и II Всероссийские конференции профессиональных союзов. М., 1925. 768 с.

9. Айнзафт С. С. Первый этап профессионального движения в России (1905–1907 гг.) / С. С. Айнзафт. – М., 1925. – Вып. 2. – 205 с.

10. Материалы по истории профессионального движения в России. – М., 1925. – Сб. 3. – 392 с.

11. Материалы по истории профессионального движения в России. – М., 1925. – Сб. 4. – 419 с.

12. Общепрофессиональные органы 1905–1907 гг. – М., 1926. – Вып. 1: Московские журналы 1905 года. – 135 с.

13. Материалы по истории профессионального движения в России. – М., 1927. – Сб. 5. – 236 с.

14. Октябрьская революция и фабзавкомы : материалы по истории фабрично-заводских комитетов. – М., 1927. – Ч. 1: От февраля к октябрю. – 277 с.

15. Октябрьская революция и фабзавкомы : материалы по истории фабрично-заводских комитетов. – М., 1927. – Ч. 2: Накануне Октября. – 272 с.

16. Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем. 1905–1917–1927 г. – М., 1927. – 408 с. [Вышла в издательстве «Жизнь и знание», но с визой Истпрофа ВЦСПС].

17. Третья всероссийская конференция профессиональных союзов. 3–11 июля (20–28 июня) 1917 г. : стенограф. отчет. – М., 1927. – 520 с.

18. Октябрьская революция и фабзвкомы : материалы по истории фабрично-заводских комитетов. – М., 1929. – Ч. 3: Октябрь. – 336 с.

Комиссия по истории социального страхования (Истсоцстрах)

19. Материалы по истории социального страхования. – М., 1928. – Сб. 1. – 384 с.

Издания союзных Истпрофов

Союз бумажников

Центральный комитет

20. Шувалов И. В. Рабочее и профессиональное движение на бумажных фабриках 1750–1914 гг. : материалы истории / И. В. Шувалов. – М., 1926. – 200 с.

Союз водников

Центральный комитет

21. Ачканов Г. П. Как мы боролись и строили свой Союз : материалы для истории Всероссийского союза рабочих водного транспорта / Г. П. Ачканов. М., 1923. 125 с.

22. Гусев С. П. Водники в профессиональном движении : краткий исторический очерк / С. П. Гусев. – М., 1928. – 326 с.

Саратовский районный комитет

23. Краткие очерки из истории Союза рабочих водного транспорта. Вольск, 1923. 76 с.

Союз горнорабочих

Центральный комитет

24. По пути Ильича : пять лет Союза горнорабочих СССР. – М., 1925. – 244 с.

25. Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР / Ю. И. Гессен. – М., 1926. – Т. 1: История горнорабочих России до 60 гг. XIX века. – 271 с.

26. Октябрь и горняки. – М., 1927. – 96 с.

27. Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР / Ю. И. Гессен. – М., 1929. – Т.2: Вторая половина XIX века. – 294 с.

Азербайджанское центральное правление Союза горнорабочих

28. Материалы по истории профдвижения горнорабочих бакинской нефтяной промышленности. – Баку, 1925. – Вып. 1: Материалы по истории профдвижения бакинских нефтепромышленных рабочих. – 114 с.

29. Материалы по истории профдвижения горнорабочих бакинской нефтяной промышленности. – Баку, 1926. – Вып. 2: Очерк бакинского горняцкого профдвижения 1917–1920 гг. – 85 с.

Сибирский краевой комитет Союза горнорабочих

30. Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1917–1927 гг. : сб. ст. и воспоминаний. – Новосибирск, 1927. – 326 с.

Всеукраинский комитет Союза горнорабочих

31. Кирзнер А. С. Горнорабочие Донбасса и Криворожья в Первой российской революции / А. С. Кизнер. – Харьков, 1926. – 114 с.

Союз рабочих местного транспорта

Киевский окружной отдел

32. Очерки по истории Киевского союза рабочих местного транспорта : по материалам Истпрофа. – Киев, 1925. – 125 с.

Союз рабочих-деревообделочников

Центральный комитет

33. Айнзафт С. С. История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 года / С. С. Айнзафт. – М., 1928. – 320 с.

Ленинградский губернский отдел

34. Очерк истории Ленинградского союза рабочих деревообделочников за 1917–18 год : к 10-ти летию единого профдвижения СССР. – Л., 1927. – 42 с.

Московский губернский отдел

35. Милонов Ю. К. История Московского профессионального союза рабочих деревообделочников / Ю. К. Милонов. – М., 1928. – Вып. 1: От первых стачек (90-е годы) до разгрома Союза (1907 год). – 161 с.

Союз железнодорожников

Центральный комитет

36. Информационный бюллетень Истпрофтрана.

1924. – Ноябрь, № 1.

1924. – Декабрь, № 2.

1925. – Январь / февраль, № 3.
1925. – Июнь / июль, № 4.
37. Очерки из истории Союза. – М., 1922. – Сб. 1: Железнодорожники в 1905 г. – 32 с.
38. Вомпе П. А. Дни Октябрьской революции и железнодорожники : материалы к изучению истории революционного движения на железных дорогах / П. А. Вомпе. – М., 1924. – 84 с.
39. Очерки из истории Союза. – М., 1924. – Сб. 2: 1917 год. – 175 с.
40. Дашкевич Б. Н. Железнодорожники в период австро-германской оккупации Украины: 1918 г. / Б. Н. Дашкевич. – М., 1925. – 214 с.
41. Литературный сборник Комиссии по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте «Истпрофтран». – М. ; Л., 1925. – № 1: Суд и расправа над железнодорожниками. – 110 с.
42. Очерки из истории Союза. – М., 1925. – Сб. 3: Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. – 176 с.
43. Гурьевич В. Д. «Маджель» (Союз младших агентов движения ж. д.), 1917–1919 гг. / В. Д. Гурьевич. – М. ; Л., 1925. – 60 с.
44. Литературный сборник Комиссии по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте «Истпрофтран». – М. ; Л., 1925. – № 2: Железнодорожники и революция. – 119 с.
45. Хаин А. З. Пройденный путь (Союз мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла). 1917–1919 гг. : исторический очерк по личным воспоминаниям и некоторым документам / А. З. Хаин. – М. ; Л., 1925. – 74 с.
46. Таяев А. П. Очерки движения железнодорожников в революцию 1917 г. : февраль–октябрь / А. П. Таяев. – М. ; Л., 1925. – 168 с.
47. Анисимов С. С. Дело о восстании на Екатерининской железной дороге / С. С. Анисимов. – М. ; Л., 1926. – 204 с.
48. Ростов Н. М. Железнодорожники в революционном движении 1905 г. / Н. М. Ростов. – М. ; Л., 1926. – 154 с.

Дорпрофсоюз Московско-Киево-Воронежской железной дороги

49. Марута И. Очерки по истории революционного и профессионального движения на Московско-Киево-Воронежской железной дороге / И. Марута. – Курск, 1925. – 117 с.

Дорпрофсоюз Пермской железной дороги

50. Чащихин А. С. Десять лет : краткие очерки по истории профессионального союза на Пермской железной дороге / А. С. Чащихин. – Свердловск, 1927. – 136 с.

Дорпрофсоюз Томской железной дороги

51. Томские железнодорожники на путях к советам : воспоминания и очерки из истории Союза железнодорожников на Томской железной дороге с 1905 по 1927 год. – Томск, 1928. – 92 с.

Дорпрофсоюз Юго-Восточных железных дорог

52. 1905 год на Юго-Восточных железных дорогах : исторический очерк. – М, 1925. – 238 с.

Союз рабочих и служащих кожевенного производства

Центральный комитет

53. Пять лет : юбилейный сборник. 1917–1922 гг. – М., 1922. – 192 с.

Татарстанский отдел

К итогам работ Татотдела Всекожсоюза: семнадцать лет, 1906–1923. – Казань, 1923. – 68 с.

Киевский губернский отдел

54. XXV лет Союза кожевников Киевщины: 1898–1923 : исторический очерк и воспоминания. – Киев, 1923. – 46 с.

Союз работников коммунального хозяйства

Центральный комитет

55. Союз работников коммунального хозяйства в 1917–1918 гг. – М., 1927. – 144 с.

Ленинградский областной отдел

56. X лет Союза работников коммунального хозяйства: 1919–1929 гг. : материалы по истории Ленинградской организации Союза РКХ и строительства коммунального хозяйства за 10 лет. – Л., 1929. – 111 с.

Профсоюз работников медико-санитарного дела

Центральный комитет

57. Материалы по истории профессионального движения медицинских работников. – М., 1924. – Сб. 1: К пятилетию Союза Всемедикосантруд (1919–1924) : юбилейный исторический сборник. – 408 с.

58. Зильберг И. Г. На заре профессионального движения аптечных работников / И. Г. Зильберг. – М., 1926. – 59 с.

59. Материалы по истории профессионального движения медицинских работников. – М., 1926. – Сб. 2. – 171 с.

60. Калинин П. А. Профдвижение среднего медицинского персонала в России : исторический очерк / П. А. Калинин. – М., 1927. – 184 с.

61. Зильберг И. Г. Профессиональное движение служащих фармацевтов: период первой русской революции / И. Г. Зильберг. – М., 1930. – 46 с.

Витебский губернский отдел

62. История Витебского губернского отдела союза «Всемедикосантруд». – Витебск, 1924. – 31 с.

Воронежский губернский отдел

63. Профессиональное движение работников лечебно-санитарного дела в Воронежской губернии : исторический обзор и материалы IV Юбилейного съезда. – Воронеж, 1924. – 144 с.

Ленинградский губернский отдел

64. Лискиер М. Л. История профессионального движения ленинградских работников лечебно-санитарного, аптечного и ветеринарного дела / М. Л. Лискиер. – Л., 1925. – Т. 1: От истоков до образования союза «Всемедикосантруд». – 317 с.

Союз рабочих металлистов***Днепропетровский районный комитет***

65. Памятные годы : из истории профсоюза металлистов в 1906 г. – Днепропетровск, 1926. – 48 с.

Ленинградский районный комитет

66. Булкин Ф. А. На заре профдвижения : история Петербургского союза металлистов / Ф. А. Булкин. – Л. ; М., 1924. – 515 с.

67. За 20 лет : сборник статей. – Л., 1926. – 132 с.

68. Булкин Ф. А. Союз металлистов и Департамент полиции / Ф. А. Булкин. – Л., 1926. – 144 с.

Московский районный комитет

69. Щап З. М. Московские металлисты в профессиональном движении : очерки по истории Московского Союза Металлистов / З. М. Щап. – М., 1927. – 226 с.

Тульский районный комитет

70. Масленников Д. Тульский союз металлистов до 1917 года / Д. Масленников. – М., 1924. – 12 с.

71. 20 лет Тульского союза металлистов : материалы по организации и деятельности Союза металлистов за время с 1906 по 1926 г. – Тула, 1926. – 86 с.

Союз рабочих полиграфического производства

Центральный комитет

72. Тиханов А. Всероссийский союз рабочих полиграфического производства / А. Тиханов. – М., 1921. – 47 с.

73. Скачков И. Материалы по истории профессионального движения рабочих полиграфического производства (печатного дела) в России / И. Скачков. – М., 1925. – 370 с.

Днепропетровский окружной отдел

74. На заре профессионального строительства (1906–1907 г.г.) : из истории Союза рабочих печатного дела в Екатеринославе. – Днепропетровск, 1926. – 46 с.

75. В борьбе за красный союз : очерки по истории профессионального движения среди печатников в годы 1917–1922. – Днепропетровск, 1929. – 47 с.

Издания этого окружного отдела написаны по материалам, собранным Истпрофом Днепропетровского областного совета профсоюзов.

Кубанский окружной отдел

76. Архангельский Д. За 25 лет, 1900–1925 : сборник материалов и воспоминаний активных участников по истории профдвижения печатников Кубани и Черноморья / Д. Архангельский. – Краснодар, 1925. – 246 с.

Московский губернский отдел

77. Московские печатники в 1905 году. – М., 1925. – 164 с.

Донской областной отдел

78. История Союза печатников (1904–1907 гг.). – Ростов н/Д., 1923. – 40 с.

Семипалатинский губернский отдел.

79. Шесть лет : сборник к шестилетнему юбилею Семипалатинского губернского отдела Союза Рабочих полиграфического производства. – Семипалатинск, 1923. – 58 с.

Башкирский областной отдел

80. Материалы по истории профдвижения рабочих полиграфического производства Башкирии. – Уфа, 1927. – 24 с.

Самарский губернский отдел

81. Зубцова Н. П. История движения Самарских печатников 1895–1925 / Н. П. Зубцова, В. В. Дерябин. – Самара, 1925. – 60 с.

Томский окружной отдел

82. Томский печатник : 25-летний юбилей Томской профорганизации печатников : 1901–1926. – Томск, 1927. – 24 с.

Союз рабочих пищевой и вкусовой промышленности

Центральный комитет

83. Профессиональное движение рабочих пищевиков за десять лет (1917–1927 гг.). – М., 1927. – 59 с.

Днепропетровский окружной отдел

84. Новополин Г. С. Очерки развития профессионального движения среди пищевиков на Днепропетровщине / Г. С. Новополин. – Днепропетровск, 1927. – 56 с.

Написано по материалам, собранным Истпрофом Днепропетровского областного совета профсоюзов.

Московский губернский отдел

85. Профессиональное движение Московских пищевиков в годы первой революции. – М., 1927. – Сб. 1. – 205 с.

86. Московские пищевики до объединения (1917–1921 гг.) : сборник статей и воспоминаний. – М., 1928. – 101 с.

Издание выпущено совместно с МГСПС.

Смоленский губернский отдел

87. Организация и развитие профессионального движения Смоленских пищевиков 1905–1927 г. – Смоленск, 1927. – 37 с.

Союз работников просвещения

Центральный комитет

88. Аплетин М. Я. Этапы и формы просвещенского союзного движения за пять лет (1917–1922 гг.) : краткий очерк / М. Я. Аплетин. – М., 1923. – 52 с.

Владимирский губернский отдел

89. Иванов А. И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии : краткий исторический очерк / А. И. Иванов. – Владимир, 1924. – 68 с.

Ленинградский губернский отдел

90. Щуров Л. Профессиональное движение просвещенцев : исторический очерк / Л. Щуров, Л. Гловацкий. – Л., 1927. – 112 с.

Омский губернский отдел

91. Фураев Г. Очерк по истории профессионального объединения работников просвещения Омской губернии: 1895–1924 г. : к пятилетнему юбилею Союза работников просвещения в Омской губернии / Г. Фураев. – Омск, 1924. – 43 с.

Северо-Кавказский краевой отдел

92. Учительство Северного Кавказа в 1905 году. – Ростов н/Д., 1925. – 53 с.

Союз работников связи

Центральный комитет

93. Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи: 1905–1906 гг. / К. В. Базилевич. – М., 1925. – 616 с.

94. Базилевич К. В. Основные моменты профессионального движения работников связи в 1905–1906 гг. / К. В. Базилевич. – М., 1926. – 48 с.

95. Базилевич К. В. Профессиональное движение работников связи. (1917–1918) / К. В. Базилевич. – М., 1927. – 247 с.

96. Базилевич К. В. Работники связи в годы реакции 1907–16 / К. В. Базилевич. – М., 1929. – 108 с.

Союз рабочих сахарной промышленности

Центральный комитет

97. Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. – Киев, 1922. – 192 с.

98. Десять лет союза сахарников : краткий очерк. 1917–1927 гг. – М., 1927. – 43 с.

Союз советских и торговых служащих

Центральный комитет

99. Гудван А. М. Очерки по истории движения служащих в России / А. М. Гудван. – М., 1925. – Ч. 1: До революции 1905 года. – 248 с.

100. Антошкин Д. В. Профессиональное движение служащих. 1917–1924 гг. / Д. В. Антошкин. – М., 1927. – 240 с.

Ленинградский губернский отдел

101. Из истории профессионального движения служащих в Петербурге: первый этап (1904–1909 гг.) : выпускается к 20-летнему юбилею профессионального движения служащих в Ленинграде. – Л., 1925. – 134 с.

Орловский губернский отдел

102. Жиличев В. Десять лет Орловской организации Союза советских и торговых служащих (1917–1927 гг.) / В. Жиличев. – Орел, 1927. – 24 с.

Северо-Кавказский краевой отдел

103. Апухтин В. Р. Истпроф : материалы по истории профессионального движения служащих в Северо-Кавказском крае / В. Р. Апухтин. – Ростов н/Д., 1925. – Вып. 1: 1905 г. – 46 с.

Сарапульский окружной отдел

Сарапульский округ входил в состав Вотской автономной области.

104. Очерк истории возникновения Союза совторгслужащих в городе Сарапуле 1905–1927 гг. – Сарапул, 1927. – 39 с.

Грузинское центральное правление

105. Минас У. Очерки по истории движения торгово-промышленных служащих в Грузии 1900–1921 / У. Минас. – Тифлис, 1925. – 21 с.

Всеукраинский комитет

106. Профессиональное движение служащих Украины (1905–1907). – Харьков, 1927. – 216 с.

Союз строительных рабочих***Центральный комитет***

107. Положение о комиссиях истпрофа, разработанное ЦК Союза строительных рабочих. – М., 1926. – 4 с.

Ленинградский губернский отдел

108. Сборник материалов по истории Союза строителей: 1906 6/V 1926. – Л., 1926. – 146 с.

Московский губернский отдел

109. Синдеев И. Профессиональное движение рабочих-строителей в 1917 г. – М., 1927. – 40 с.

Издание выпущено совместно с МГСПС.

Союз рабочих текстильной промышленности***Центральный комитет***

110. Заяц М. Текстиль в годы первой революции (1905–1907 гг.) : материалы по истории профессионального движения текстильщиков Центрально-промышленного района / М. Заяц. – М., 1925. – 296 с.

Издание выпущено совместно с ВЦСПС.

Ленинградский губернский отдел

111. Перазич В. Д. Текстиль Ленинграда в 1917 г. : из материалов для истории классовой борьбы текстилей Ленинграда / В. Д. Перазич. – Л., 1927. – 109 с.

Симбирский губернский отдел

112. Очерк истории профессионального союза текстильщиков Симбирской губернии. – Симбирск, 1924. – 56 с.

Ярославский губернский отдел

113. Краткий очерк развития профессионального движения среди рабочих текстильщиков Ярославской губернии : составлен по материалам и воспоминаниям старых рабочих и участников развития профдвижения. – Ярославль, 1924. – 27 с.

114. Гутман Ж. 9-е мая 1895 г. на Ярославской большой мануфактуре / Ж. Гутман. – Ярославль, 1930. – 34 с.

В 1929 году Ярославская губерния вошла в состав Ивановской промышленной области, Ярославский губотдел стал окружным отделом.

Союз рабочих химиков

Ленинградский губернский отдел

115. Шатилова Т. Очерк истории Ленинградского Союза Химиков. (1905–1918) / Т. Шатилов. – Л., 1927. – 107 с.

Союз рабочих швейной промышленности

Татарстанский отдел

116. Борисов М. И. Казанские швейники до и после октября 1917 г. / М. И. Борисов. – Казань, 1927. – Кн. 1. – 84 с.

Издания территориальных Истпрофов

Азербайджанский совет профсоюзов

117. На заре массового профессионального движения в Баку: 1905 г. – Баку, 1925. – 39 с.

118. Иткин С. М. Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах. 1917–1920 гг. / С. М. Иткин. – Баку, 1927. – 59 с.

119. Фрик Л. М. Очерки по истории профессионального движения в советском Азербайджане. 1920–1927 гг. / Л. М. Фрик. – Баку, 1927. – 53 с.

Владимирский губернский совет профсоюзов

120. Шаханов Н. П. На революционном пути. Стачка на Струнинской фабрике в июле–августе 1903 г. / Н. П. Шаханов. – Владимир, 1928. – 24 с.

Издание выпущено совместно секцией по истории профессионального движения при Истпарте и Истпрофом совета профсоюзов.

Всеукраинский совет профсоюзов

121. Колесников Б. Профессиональное движение и контрреволюция : очерки из истории профессионального движения на Украине / Б. Колесников. – Харьков, 1923. – 408 с.

122. Крейзель Ю. Б. Первая Всеукраинская конференция профсоюзов (21–27 мая 1918 г.) / Ю. Б. Крейзель. – Харьков, 1924. – 96 с.

123. Крейзель Ю. Б. Профессиональное движение и австро-германская оккупация / Ю. Б. Крейзель. – Харьков, 1924. – 346 с.

124. 1918–1919 гг. в профдвижении Украины : доклад Центпрофа (Всеукраинского центрального совета профсоюзов) 1-му Всеукраинскому съезду профсоюзов. – Харьков, 1925. – 72 с.

125. Трудовое законодательство гетманского правительства. – Харьков, 1925. – 14 с.

126. Материалы по изучению истории профессионального движения на Украине. – Харьков, 1928. – Сб. 1: Профессиональное движение в 1917 году. – 204 с.

Харьковский областной совет профсоюзов

127. Осипов Е. Рабочее профессиональное движение в Харькове / Е. Осипов. – Харьков, 1925. – Вып. 1: Первые этапы рабочего движения. – 177 с.

Издание выпущено ХОСПС совместно с ВУСПС.

Киевский окружной совет профсоюзов

128. Шлосберг Д. Профессиональное движение в Киеве в 1917 году. – Харьков, 1928. – 46 с.

Иваново-Вознесенский губернский совет профсоюзов

129. Златоустовский Б. В. Библиографический указатель материалов для изучения истории рабочего профессионального движения в Иваново-Вознесенском районе. (1813–1921) / Б. В. Златоустовский. – Иваново-Вознесенск, 1927. – 112 с.

130. Златоустовский Б. В. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе 1905–1916 гг. / Б. В. Златоустовский. – Иваново-Вознесенск, 1928.

Издания Иваново-Вознесенского ГСПС подготавливались Истпрофом совместно с губернским научным обществом краеведения.

Ленинградский губернский совет профсоюзов

131. Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905–1907 гг. – Л., 1926. – 264 с.

132. Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г. – Л., 1927. – 169 с.

133. Ленинградские профсоюзы за десять лет: 1917–1927 : сборник воспоминаний под редакцией Истпрофа ЛГСПС. – Л., 1927. – 252 с.

134. Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. : очерки и материалы. – Л., 1928. – 371 с.

135. Первая Петроградская губернская конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, 11–13 сентября 1919 г. : стенограф. отчет. – Л., 1930. – 109 с.

Московский губернский совет профсоюзов

136. Московское профессиональное движение в годы первой революции : к двадцатилетию 1905 года. – М., 1926. – 448 с.

137. Московский совет профессиональных союзов в 1917 году : протоколы. – М., 1927. – 258 с.

Нижегородский губернский совет профсоюзов

138. Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае (1869–1917) : материалы. – Н. Новгород, 1923. – 391 с.

139. Безруков А. Сормово (1848–1908) : очерки к 20-тилетию 1905 г. / А. Безруков. – Н. Новгород, 1925. – 60 с.

140. 1905 г. в Нижегородском крае (рабочее и профессиональное движение) : к 20-летнему юбилею 1905 г. – Н. Новгород, 1926. – 186 с.

Сибирский краевой совет профсоюзов

141. Шемелев В. И. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть советов: 1917–1919 гг. / В. И. Шемелев. – Новосибирск, 1928. – 240 с.

Пензенский губернский совет профсоюзов

142. Никишин П. О. Рабочее и профессиональное движение в Пензенской губернии : материалы к истории. 1850–1918 гг. / П. О. Никишин. – Пенза, 1927. – 98 с.

Самарский губернский совет профсоюзов

143. Зубцова Н. П. Профессиональное движение в Самаре в 1905–1907 гг. / Н. П. Зубцова. – Самара, 1925. – 69 с.

Саратовский губернский совет профсоюзов

144. Профессиональные союзы за десять лет. (1917–1927) : по материалам Истпрофа ГСПС. – Саратов, 1927. – 29 с.

Ульяновский губернский совет профсоюзов

145. Василевский М. Н. Профессиональное движение в Симбирской (Ульяновской) губернии до 1917 г. / М. Н. Василевский. – Ульяновск, 1925. – 242 с.

Тульский губернский совет профсоюзов

146. Очерки по истории тульского профдвижения : сборник статей и материалов. – Тула, 1927. – 111 с.